

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (65)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (65), 2025

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
к.ф.н. Л.Б. Хавжокова, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (65)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (65), 2025

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Candidate of Philology *L.B. Havzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г.</i>	Историографические и источниковедческие аспекты проблемы вхождения Балкарии в состав Российского государства в 1827 г.	7
<i>Прасолов Д.Н.</i>	Общественное софинансирование развития образования в Кабардинском (Нальчикском) округе: проблемы историографии	30
<i>Алоев Т.Х.</i>	Парный концепт «КIахэ – Щхьагъ(э)»: архетипические регионы Черкесии в этнографическом дискурсе второй трети XIX в.	40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бижоев Б.Ч.</i>	Проблема функционирования языков коренных народов Северного Кавказа в условиях глобализации (на примере Кабардино-Балкарии)	47
<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i>	Адыгэбзэмрэ адыгеибзэмрэ зэхэлъыкIэкIэ щызэтехуэ псалъэхэм яIэ щхьэхуэныгъэхэр	55
<i>Токмакова М.Х.</i>	Компаративные фразеомотивы кабардино-черкесского языка с частицами <i>нэхърэ, нэхърэ нэхъ</i> «чем», <i>нэхъей</i> «как, словно, подобно»	65
<i>Хежева З.Р.</i>	Структурные особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка в концепции А.К. Шагирова	74
<i>Хежева М.Р.</i>	Семантика конкретного количества и неопределенного множества в языке романа К.Б. Дугужева «Зимняя радуга»	81
<i>Шериева Н.Г.</i>	Специфика системы вокализмов в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка	89

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Война – как судьбоносный фактор в повести А. Налоева: «Там, за горой Кубати»	96
<i>Бетуганова Е.Н.</i>	Образ аталыка в романе «Медвежьи когти» С.Х. Мафедзева ...	101
<i>Тхагазитов Ю.М.</i>	«Жанрово-эпическое своеобразие «Камбота и Ляцы» Али Шогенцукова (к 125-летию со дня рождения Али Шогенцукова)	109
<i>Хакуашева М.А.</i>	Мифо-фольклорные мотивы в романе Ю. Чуяко «Сказание о железном волке»	119

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

<i>Глашева З.Ж.</i>	Административные изменения в центре Кавказской линии после похода Шамиля в Кабарду	128
---------------------	--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Dzamikhov K.F., Muratova E.G. Prasolov D.N.</i>	Historiographical and source study aspects of the problem of Balkaria's entry into the Russian state in 1827	7
<i>Aloev T.Kh.</i>	Public co-financing of education development in the Kabardin (Nalchik) district: problems of historiography	30
	Paired concept "КIаhə – Shkhag(e)": archetypal regions of Circassia in the ethnographic discourse of the second third of the 19th century	40

LINGUISTICS

<i>Bizhiov B.Ch.</i>	The Problem of Functioning of the Languages of the Indigenous Peoples of the North Caucasus in the Context of Globalization (using the example of Kabardino-Balkaria)	47
<i>Dzukanova R.Kh.</i>	Features of words with the same structure in the Kabardino-Circassian and Adyghe languages	55
<i>Tokmakova M.H.</i>	Comparative phraseoemotives of the kabardino-circassian language with the par-ticles нэхьрэ, нэхьрэ нэхь «than», нэхьей «as, as if, like»	65
<i>Khezheva Z.R.</i>	Structural features of the Malkinsky dialect of the Kabardino-Circassian language in the concept of A.K. Shagirov	74
<i>Khezheva M.R.</i>	Semantics of a specific quantity and indefinitive multiplicity in the language of K.B. Duguzhev's novel "Winter rainbow" ...	81
<i>Sherieva N.G.</i>	The Specificity of the System of Vocalisms in the Besleneyevsky Dialect of the Kabardino-Circassian Language	89

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	War as a fateful factor in A. Naloev's story: "There, behind the Kubati moutain"	96
<i>Betuganova E.N.</i>	The image of Atalyk in the novel "Bear claws" by S.Kh. Mafedzev	101
<i>Tkhagazitov Yu.M.</i>	"Cambot and Lyatsa": to the problem of definition of genre (on the 125th anniversary of Ali Shogentsukov's birth)	109
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Myth-folloric motives in the novel by Y. Chuyako «The tale of the iron wolf»	119

HISTORICAL ARCHIVE

<i>Glasheva Z.Zh.</i>	Administrative changes in the center of the Caucasian line after Shamil's campaign in Kabarda	128
-----------------------	---	-----

Научная статья

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-7-29

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1827 г.

Касболат Фицевич Дзамихов^{1,2}, Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия,

² Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

© К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, 2025

Аннотация. В статье обозначены основные историографические подходы к решению проблемы вхождения Балкарии в состав Российского государства. Впервые источниковедческому анализу подвергнуто архивное дело из Российского государственного военно-исторического архива, содержащее в качестве приложения к письму командующего войсками на Кавказской линии Емануеля к начальнику Главного штаба И.И. Дибичу от 25 января 1827 г. копии трех документов. Это – прошение уполномоченных старшин от урусбиевцев, чегемцев, балкарцев, хуламцев, бизенгиевцев и дигорцев от 11 января 1827 г.; ведомость о числе дворов народов, вновь покорившихся русскому правительству и письмо генерал-лейтенанта Емануеля уполномоченным старшинам о согласии принять эти народы в русское подданство при условии принятия ими присяги и выдачи аманатов. Публикуются электронные копии этих архивных документов. Сделан вывод, что взаимоотношения балкарских обществ с Российским государством – достаточно длительный политический процесс, который охватил XVII–XIX вв., прошел ряд этапов; его основные параметры могут быть определены следующими формулами: «от сближения к интеграции», «на пути к единству с Россией», «вхождение балкарских обществ в состав Российского государства», «принятие российского подданства».

Ключевые слова: историография, источниковедение, Балкария, балкарцы, вхождение в состав России, 11 января 1827 года, российско-балкарские связи

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г. Историографические и источниковедческие аспекты проблемы вхождения Балкарии в состав Российского государства в 1827 г. // Вестник КБИП. 2025. № 2 (65). С. 7–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-7-29

Original article

HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDY ASPECTS OF THE PROBLEM OF BALKARIA'S ENTRY INTO THE RUSSIAN STATE IN 1827

Kasbolat F. Dzamikhov^{1,2}, Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

²Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Нальчик, Россия
casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>
lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

© K.F. Dzamikhov, E.G. Muratova 2025

Abstract. The article outlines the main historiographical approaches to solving the problem of Balkaria's entry into the Russian state. For the first time, an archival file from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) was subjected to source analysis. It contained copies of three documents as an appendix to a letter from the commander of the troops on the Caucasian Line, Emanuel, to the Chief of the General Staff, I.I. Dibich, dated January 25, 1827. This is a petition from the authorized elders of the Urusbiyevs, Chegemians, Balkars, Khulamians, Bizengiyevs and Digorians dated January 11, 1827; a report on the number of households of peoples who had again submitted to the Russian government and a letter from Lieutenant General Emanuel to the authorized elders about the agreement to accept these peoples into Russian citizenship on the condition that they take the oath and issue hostages. Electronic copies of these archival documents are published. It was concluded that the relationship between Balkar societies and the Russian state was a rather long political process that spanned the 17th–19th centuries and went through a number of stages. Its main parameters can be defined by the following formulas: “from rapprochement to integration”, “on the path to unity with Russia”, “the entry of Balkar societies into the Russian state”, “the acceptance of Russian citizenship”.

Keywords: historiography, source studies, Balkaria, Balkars, entry into Russia, January 11, 1827, Russian-Balkar relations

For citation: Dzamikhov K.F., Muratova E.G. Historiographical and source study aspects of the problem of Balkaria's entry into the Russian state in 1827. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 7–29. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-7-29

В постсоветский период особое значение и смыслы приобрело исследование взаимоотношений северокавказских этнополитических образований с Россией. Эта проблема стала рассматриваться либо в контексте Кавказской войны [Барзубиев 2005], либо в русле административно-территориальных преобразований в Северо-Кавказском регионе [Калмыков 1995]. Исследователи указывали, прежде всего, на колониальный фактор имперской политики и подчеркивали разрушительный для местной социокультурной и этнополитической традиции характер исторического контакта с Россией.

В дальнейшем это привело к отдельным неверным обобщениям. Укажем на некоторые из них. Австрийский историк А. Каппелер отнес балкарцев наряду с карачаевцами, чеченцами и ингушами к числу тех народов, которые в ходе Кавказской войны оказали России наибольшее сопротивление. Более того, экстраполируя этот тезис на советскую эпоху, он увязывает его со сталинской депортацией [Каппелер 1997: 153]. Однако в первой трети XIX в. даже близкие по своей природе северокавказские этносоциальные образования продемонстрировали различные модели политической интеграции в состав Российской империи. Так, акт присяги балкарских владельцев 11 января 1827 года на верность российскому престолу почти единодушно расценивается в историографии как факт добровольного вхождения Балкарии в состав Российской империи. В то время как включение Карачая во внутривосточное пространство России связывается с военной экспедицией Емануэля 1828 г., последующим отпадением этого этнополитического образования и «возобновлением присяги» карачаевцев в результате подавления антироссийского восстания 1855 г. [Тебуев, Хатуев 2002: 110]. Данная точка зрения вошла в соответствующий раздел нового обобщающего труда «Карачаевцы. Балкарцы», в котором представлена сложная картина интеграции Карачая в состав России к 1855 г. [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 30–60].

В новейшей историографии продолжаются дискуссии о времени и способах вхождения Балкарии в состав России. Так, в предисловии к новому археографическому изданию отмечается, что «окончательное воссоединение Кабарды с Россией

означало также... переход в русское подданство осетин, балкарцев, карачаевцев, абазин и переселившихся на плоскость чеченцев и ингушей» [Документальная история 1998: 38]. Это событие Г.Л. Бондаревский относит к 1774 году, когда согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, Россия добилась от Турции окончательного отказа от притязаний на всех кабардинцев (подразумевались также все народы, находившиеся в той или степени зависимости от них), которые официально были признаны русскими подданными. Подобная точка зрения была высказана А.В. Фадеевым еще в 1967 г. в обобщающем академическом издании. Рассматривая международное значение Кючук-Кайнарджийского договора, он полагал, что «кабардинский вопрос был бесповоротно решен в пользу России», и с этого времени «в подданство России поспешили перейти связанные с кабардинскими владельцами балкарские таубии и осетинские алдары». «Следовательно, не только территория собственно Кабарды, но и соседние земли Балкарии и Осетии также оказались в составе России» [История Кабардино-Балкарской АССР 1967: 171].

Рассмотрение событий последней четверти XVIII века в контексте кабардино-балкарско-русских взаимоотношений позволило К.Г. Азаматову высказать соображение, что вхождение Балкарии в состав России следует относить к 90-м годам XVIII в., тем более что на картах Северного Кавказа конца XVIII в., территория, где жили балкарцы, уже обозначалась в составе российских владений. А некоторые документы начала XIX в. фиксировали «Карачай, Чегем, Малкар» как «подвластные России Большой Кабарды» [АКАК 1868: 949]. Установление же военно-административного управления в Балкарии он предлагал датировать 20-ми годам XIX века [Азаматов 1982: 276].

Однако больше всего критике в современной историографии подвергся тезис о совместном с Кабардой вхождении Балкарии в состав России в 1557 г., сформулированный в конце 1950-х – начале 1980-х гг. в связи с утвердившейся тогда концепцией «добровольности» и «прогрессивного значения» присоединения народов Северного Кавказа к России [Очерки 1961; Кумыков 1965: 38, 40–41]. Критикуя логическое допущение, имевшее место в советской науке, о том, что в 1557 г. вместе с Кабардой «автоматически» присоединилась и Балкария, поскольку «горная зона «Центрального Кавказа» являлась «вассальной» территорией Кабарды, а раз так, то вместе же с Кабардой в состав России непременно должны были войти и горцы», В.М. Батчаев приходит к заключению, что обосновать такой вывод конкретными историческими источниками невозможно [Батчаев 2006: 138–139].

Острые дискуссии и многочисленные оговорки сопровождали решение вопроса о времени и способах вхождения Балкарии в состав России и при создании юбилейного издания, посвященного 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией [История многовекового содружества 2007: 181–184]. Издание обобщающей работы, рассматривающей народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе 1557–1917 гг., озаменовало также 460-летие вхождения Кабарды в состав России и 190-летие принятие Балкарией российского подданства. При этом подчеркивалось, что привлечение к этим событиям широкого общественного внимания, утверждение в общественном сознании глубокого понимания их исторического и политического значения чрезвычайно важно для окончательного преодоления негативных явлений и тенденций в социально-политической ситуации на Северном Кавказе [Века совместной истории 2017: 138–139, 252–263].

В новейшей коллективной монографии «Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству», где скрупулезному историографическому анализу подверглись все концепции, касающиеся содержания и форм политического

сближения и последующей инкорпорации Северного Кавказа (в том числе и Балкарии) в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв., в частности, отмечалось, что «практика советских времен по использованию коммемораций для консолидации многочисленных народов была перенесена на новейший период... Историческая память выступила в роли «идеологических скреп», интегрирующих регионы и федеральный центр» [Россия и народы 2018, с. 41].

В последние десятилетия исследователи в основном связывают факт вхождения Балкарии в состав Российского государства с принятием представителями всех балкарских обществ верноподданнической присяги в 1827 г. [Муратова 2007: 178–179; История многовекового содружества 2007: 169–184; Сабанчиев 2021: 65–66]. В новой статье Х.-М.А. Сабанчиева специальному рассмотрению подверглись историография (начиная с исторического очерка первого балкарского просветителя Мисоста Абаева до последних историографических монографий), а также терминология проблемы вхождения Балкарии в состав России [Сабанчиев 2019: 100–105]. Что касается терминологии, то автор разделяет отмеченный большинством исследователей тезис о «мирном и добровольном характере интеграции Балкарии в состав России» и используемые для обозначения этого процесса понятия «вхождение» и «принятие подданства» вместо термина «присоединение», который, по его мнению, носит «военный» силовой характер. Вместе с тем Х.-М.А. Сабанчиев не приемлет, как видно из текста его работы, все попытки утверждения тезиса «о совместном вхождении Кабарды и Балкарии в состав России» в XVI в., предпринятые в работах советского периода, а также обоснование положения об «общности исторических судеб Кабарды и Балкарии» в связи с празднованием 425-летия присоединения Кабардино-Балкарии к России [Сабанчиев 2019, с. 101]. В другой его статье в общих чертах повторены формы и направления русско-балкарского политического взаимодействия в XVII – первой трети XIX в., описанные в предшествующей историографии [Сабанчиев 2021: 65–66].

В целом, подведение историографических итогов изучения истории Балкарии XVII–XIX веков [Муратова 2006] мало повлияло на академический дискурс обсуждения проблемы. Каждый очередной юбилей становится поводом для общественных дискуссий и переоценки самых важных политических событий региональной истории, заставляя вновь и вновь обращаться к этой теме. Представляется, что взаимоотношения балкарских обществ с Российским государством – достаточно длительный политический процесс, который охватил XVII–XIX вв., прошел ряд этапов. Сущностные параметры этого политического процесса могут быть определены следующими формулировками: «от сближения к интеграции», «на пути к единству с Россией», «вхождение балкарских обществ в состав Российского государства», «принятие российского подданства» [Муратова 2017а].

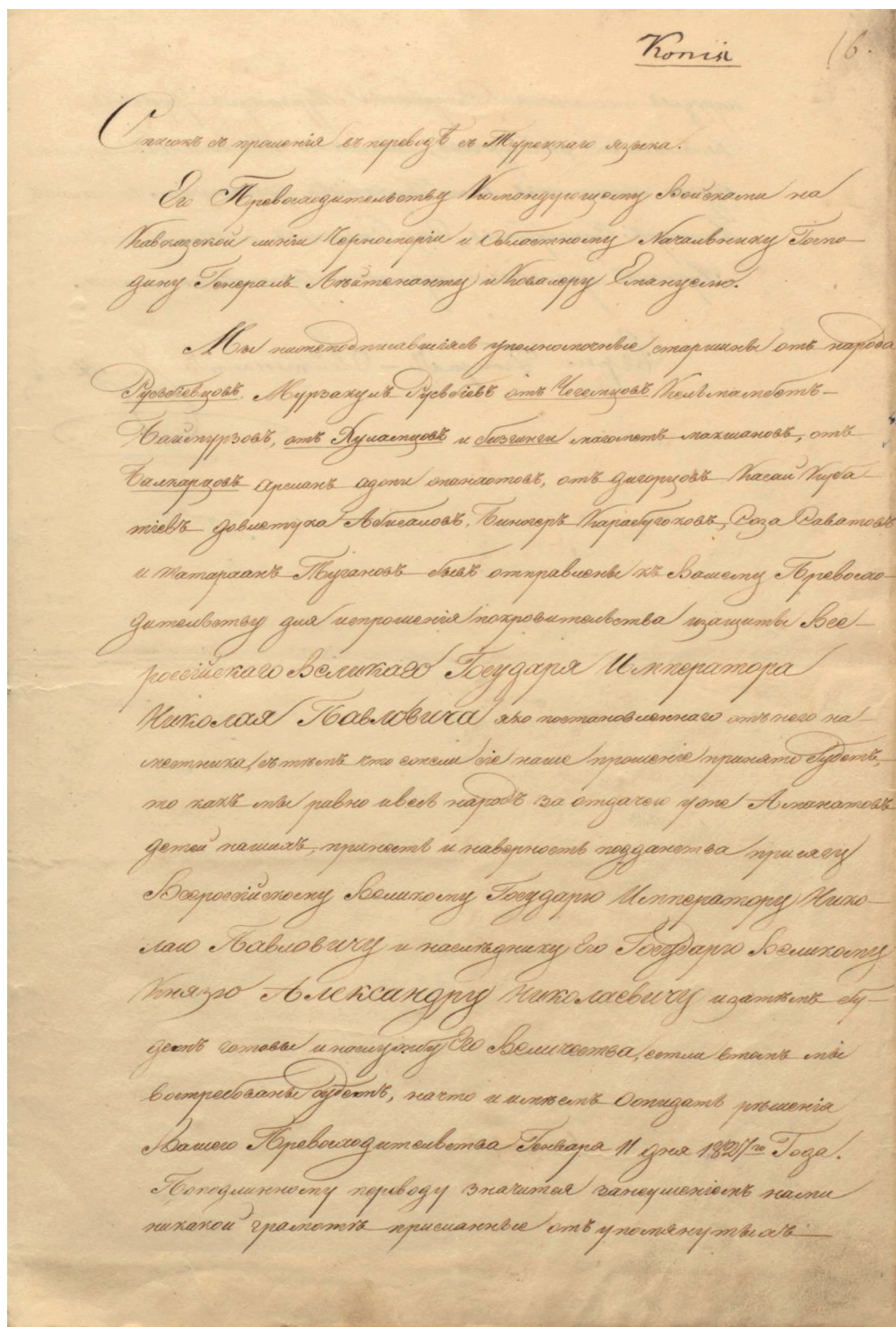
В преддверии очередного юбилея опубликован Указ главы Кабардино-Балкарской Республики от 11 января 2025 года «О праздновании 200-летия добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства» [Указ 2025]. В честь этого события в Нальчике в 2027 году планируется создать большой памятный комплекс, сегодня на этом месте установили информационный камень [В Нальчике установят... 2025]. Все это в совокупности подчеркивает актуальность обращения к историческим документам, имеющим отношение к юбилейному событию.

Речь идет по меньшей мере о трех документах, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве. Их электронные копии приводятся ниже (Рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Список (копия) с прошения в переводе с турецкого языка, поданного командующему войсками на Кавказской линии Черномории и областному начальнику генерал-лейтенанту и кавалеру Емануелю уполномоченными старшинами от урусбивцев, чегемцев, балкарцев, хуламцев, бизенгивцев и дигорцев 11 января 1827 г.

Электронная копия документа.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 16–16об.

народовъ поманомъ Стариковъ Муромцевъ Жуковцевъ,
Клементьевъ Савиныхъ, Клементьевъ Мокшанцевъ, Сергеевъ
Сидни Крайновъ, Клементьевъ, Клементьевъ Клементьевъ,
Сидни Крайновъ, Клементьевъ, Клементьевъ Клементьевъ,
Клементьевъ Клементьевъ Клементьевъ Клементьевъ Клементьевъ.

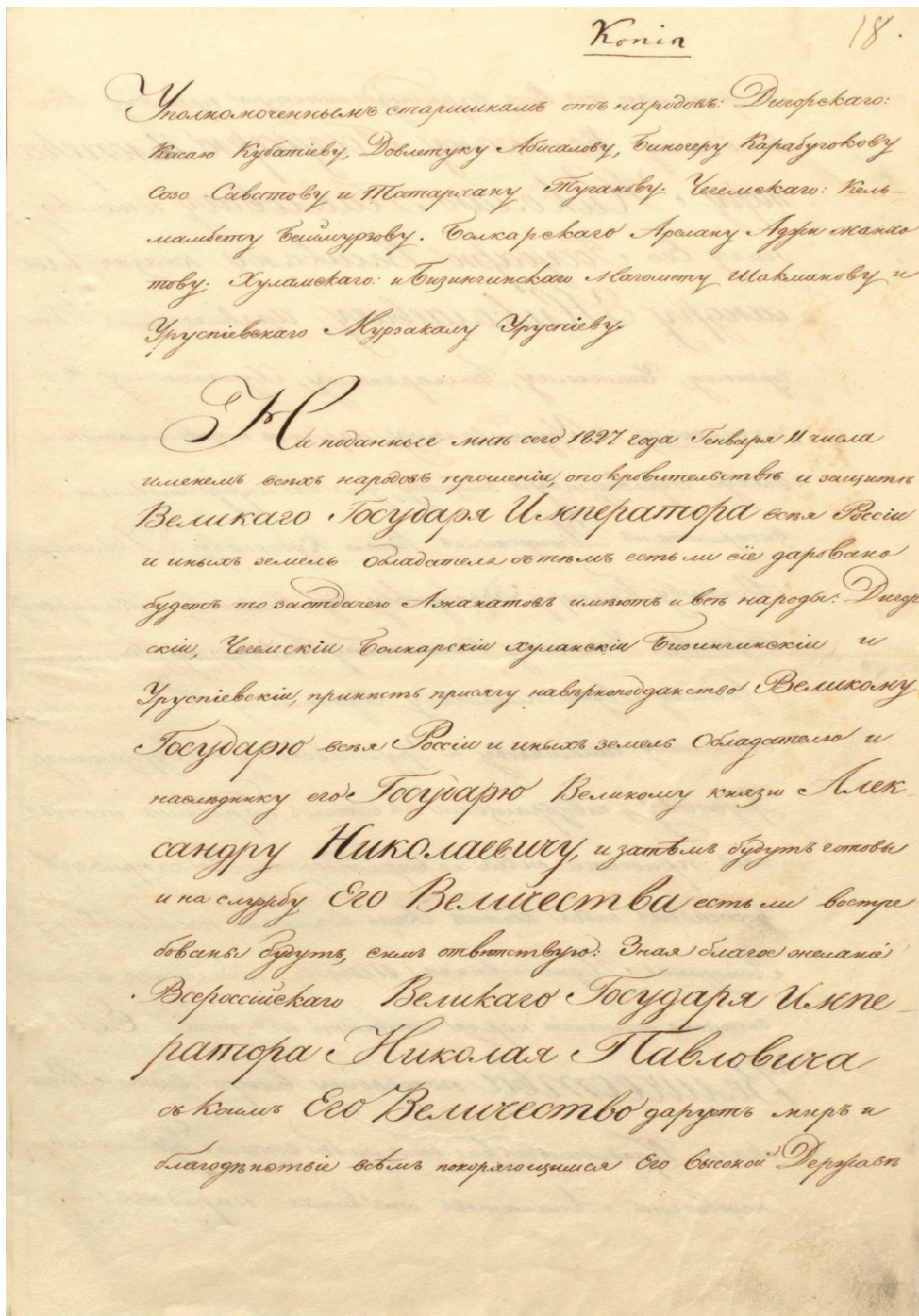
Всего Клементьевъ - Клементьевъ Клементьевъ

Рис. 2. Копия Ведомости о числе дворов дигорских и прочих народов, вновь покоривших русскому правительству с указанием названий народов, имен и фамилий старшин, представляющих эти народы.

Электронная копия документа.
РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 17.

Ведомость		Копія	17.
Описанъ дворовъ дигорскихъ и прочихъ народовъ въ азовѣ. покорившихъ русскому правительству			
Званіе народа	число дворовъ	Привлаченныя отъ нихъ старшины	
Дигорцы живущіе въ горахъ и на плоско- сти	1000	Кавкай Кудатіевъ Левлетука Абисалиевъ Бинагеръ Карасуковъ. Сого - Саватовъ. Матарманъ Тугановъ	
Башкары	400	Араманъ Аджиевичъ	
Тегенцы	200	Кельмаханбетъ Баймурзовъ	
Гуманцы и Бизинки	100	Каганетъ Шахмановъ	
Урусіевцы	100	Мурзакаевъ урусіевъ	
Всего	1800		
Верно Тегуровъ - Литмановъ Имановъ			

Рис. 3. Копия письма ген.-лейт. Емануеля уполномоченным старшинам от народов дигорского, чегемского, балкарского, хуламского, бизингиевского и урусиевского о согласи принять эти народы в русское подданство. Электронная копия документа. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 18–19.

и принимаю отъ Васъ въриноподданному присягу Все
 российскому Великому Государю импера
 тору Николаю Павловичу инаслед
 нику Его Государю Великому князю Алек
 сандру Николаевичу, иравнымъ имъ Ди
 горокому, Чеганскому, Сохарскому, Хуанскому, Би
 зигинскому, и Урусиевскому народамъ покровительство и
 всякую справедливую защиту, днѣго ипредоставлено
 старшимъ Дигорскимъ: Касю Кубатіеву, Довиетну
 Абиемову, Бикосеру Карабугіеву, Сого Савастову и Матараму
 Муракову, Чеганскому Кельманбету Баймурзеву, Сохарскому
 Арслану Архманбетову, Хуанскому и Бизигинскому
 Кагомету Шахманову и Урусиевскому Мурзакану
 Урусіеву, поверженію къ своимъ народамъ тотъ
 гасъ привести оный ка въриноподданство къ присягѣ
 доставивъ оный коимъ сколько возможно поспѣе възрѣ
 Господина Подполковника Швецова, иобъяснивъ своимъ
 великому окланію народа готовность къ службѣ Его
 Величества попервому востребованію Россій
 ского Правительства, есть либы вътомъ предметѣ
 надобность Ахакатовъ отвѣтъ народовъ —

19.

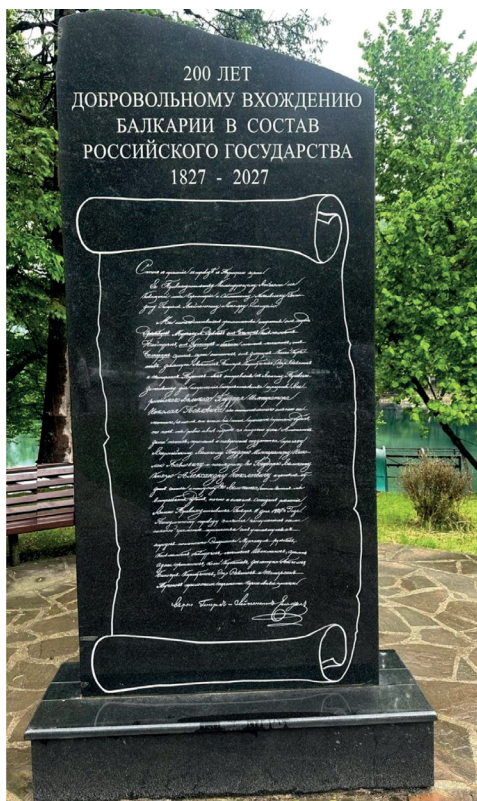
раздѣляющихся паразиты францiи какъ то Дигеруовъ отъ
 пяти одного, Баскардуовъ отъ двухъ одного, Геленцовъ отъ трехъ
 одного илонанцовъ и Базинковъ одного, взяты съ тѣмъ чтобъ
 переиспытать свободно и немощу, соединиться, ко доставить отъ
 каждой францiи порожекъ поодному, отроковъ же проведать
 самихъ по разсчитаннымъ въ ономъ званіи посидѣть особенно
 рѣшенимъ. Возверена сего дако въ въ благополучномъ сродѣ
 Оставраполѣ Тенсере для 1827. года. Подпискомъ
 съ переводомъ на Турецкой Языкъ, наподлинномъ поименъ
 Митуръ, подникъ, приисрѣка пвѣтъ Тенералъ Сей-
 текакота Ехануева.

Верно Тенералъ-Войменантъ Жануевъ

Впервые эти документы были опубликованы в 1942 г. во 2 томе «Материалов по истории осетинского народа», подготовленном В.С. Гальцевым [Материалы 1942: 126–128]. А в постсоветский период на волне повышенного интереса к истории образования многонационального Российского государства они были переизданы по этой публикации в региональном журнале без указания каких-либо выходных данных [К вопросу о русско-балкарских 1992: 18–19], а также в сборнике документов [Документальная история 1998: 450–452] и приложении к обобщающему изданию по истории Кабардино-Балкарии [Века совместной истории 2017: 517–519], повторив ряд его неточностей и опечаток без сверки с архивными материалами.

При этом материалы архивного дела, в котором содержатся интересующие нас свидетельства, многократно просматривались и изучались исследователями, о чем свидетельствует лист использования архивных документов. Более того один из них, известный в историографии под редакционным заголовком – «Обращение к командующему войсками ген.-лейт. Емануелю уполномоченных старшин от чеченцев, балкарцев, дигорцев и др. о принятии этими народами присяги на верность его имп. вел. с представлением списка присягнувших» от 11 января 1827 года – был положен в основу ряда мемориальных юбилейных стел, приуроченных к грядущему «200-летию добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства», сохранив при этом абрис документа и стилистику писарского подчёрка начала XIX в. (См. Рис. 1 и Рис. 4). Памятные стелы уже установлены в Черекском районе Кабардино-Балкарии, около Голубых озер; в Эльбрусском районе, на территории горнолыжного комплекса Эльбрус около маятниковой канатной дороги; а также в Чегемском районе Кабардино-Балкарии у Чегемских водопадов.

Рис. 4. Стела «200-летие добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства». Черекский район Кабардино-Балкарии. Голубые озера. 2025 г.

Нам представляется важным осуществить источниковедческий анализ документов, на которых основывается столь важный историографический факт.

Три документа: 1) Список (копия) с прошения в переводе с турецкого языка, поданного командующему войсками на Кавказской линии Черномории и областному начальнику генерал-лейтенанту и кавалеру Емануелю уполномоченными старшинами от урусбивцев, чегемцев, балкарцев, хуламцев, бизенгивцев и дигорцев 11 января 1827 г. (Рис. 1); 2) Копия ведомости о числе дворов дигорских и прочих народов, вновь покоривших русскому правительству с указанием названий народов, имен и фамилий старшин, представляющих эти народы (Рис. 2); 3) Копия письма ген.-лейт. Емануеля уполномоченным старшинам от народов дигорского, чегемского, балкарского, хуламского, бизингиевского и урусбиевского о согласии принять эти народы в русское подданство при условии принятия ими присяги и выдачи аманатов (Рис. 3), – представляют собой копии документов, помещенные в дело с названием «По письму Султана Менгли-Гирея, найденному в Кабинете блаженные памяти государя императора Александра Павловича о способах восстановить связи с горскими народами» на 26 листах [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200].

Предыстория этого архивного собрания такова. Султан Менгли-Гирей, имя которого упоминается в названии данного архивного дела, перешел с подвластными ему ногайцами в русское подданство еще в 1790 г. В 1803 г. он был назначен главным приставом ногайских и абазинских народов. В этой должности прослужил 22 года, имел чин генерал-майора, при выходе в отставку получил в награду 5 тыс. десятин земли и ежегодную пенсию в 4800 руб. [АКАК 1875: 612].

В марте 1811 г. директор инспекторского департамента военного министерства, генерал-майор Вердеревский, будучи с инспекцией на Кавказской линии, пытался выяснить причины происходящих там беспокойств от закубанцев и чеченцев у Султана Менгли-Гирея и получил от него довольно обстоятельный ответ по этому вопросу. В своем донесении (подлинник находится в указанном деле на Л. 2–5) Менгли-Гирей изложил возможные способы привлечь горские народы к спокойному и выгодному для России соседству. Среди основных причин недовольства ногайского и абазинского народов, состоявших под его управлением, Менгли-Гирей назвал следующие.

Во-первых, главный пристав «нашел оных между двух властей, а именно от приставов по внутренности управления и от кордонных начальников по связи смежности оных между собою». Противоречие между этими двумя властями «производило неудобности» упомянутым народам, «ослабляя привязанность их к российскому начальству», что привело их к переселению за Кубань. Переселить абазин и ногайцев на Кавказскую линию Менги-Гирею удалось «ласкательными привилегиями», «посредством присяги по нашему магометанскому обряду» и личным примером, переселив своих родственников в пределы линии.

Во-вторых, начиная с 1807 г. большой урон связям местного населения с кавказской администрацией был нанесен устройством карантин в связи с распространившейся на Кавказе чумой, а также практикой окончания карантина через освидетельствование обнаженными, что «принималось за оскорбление от местного здесь начальства». «Главное начальство» запретило всем азиатским народам приближаться к границе линии и разрешало применять оружие в случае нарушения карантина.

В-третьих, нарушители карантина предавались военному суду, осуждались к мучительной смерти, подвергались публичным наказаниям в базарные дни, весть об этом распространялась среди местных народов и «произвело в оных единодушное остервенение к Кавказской линии, чем и воспользовались турецкое и персидское правление, раздувая фирманами и подарками их ненависть». Менгли-Гирей видел возможность уничтожить указанные причины недовольства

через прокламации «от главного в Грузии начальства о монаршей к ним милости, с деятельным устроением по границе меновых дворов», что привело бы горские народы к спокойному и выгодному для России соседству [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 2–5].

Тогда же, в 1811 г. донесение Менгли-Гирея Н.И. Вердеревскому было переслано последним военному министру Барклаю де Толли. По всей вероятности, тот доложил о нем императору Александру I, в кабинете которого это донесение пролежало 14 лет, до смерти императора в 1825 г., после чего было передано начальнику Главного штаба И.И. Дибичу, который, в свою очередь, направил его новому командующему Кавказской армией, начальнику Кавказской области Георгию Арсентьевичу Емануелю (написание фамилии Емануеля здесь и далее дается по его подлинной подписи, которую он ставил на всех документах очень четко – Емануэль, при том, что в документах различных авторов можно встретить варианты ее написания: Эмануэль, Эммануэль, Эмануель и т.п.). Барон Дибич просил Емануеля прокомментировать соображения Менгли-Гирея о способах восстановления связи с горскими народами для доклада новому императору и вернуть ему письмо [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 6]. Таким образом, в 1826 г. перед российскими властями стояли те же задачи в отношении северокавказских народов, что и 15 лет назад.

Возвращая письмо, новый командующий на Кавказской линии Г.А. Емануэль напишет: «При предписании вашего превосходительства от 20 декабря, я имею честь получить письмо Султана Менгли-Гирея, найденное в кабинете блаженной памяти государя императора Александра Павловича в Зимнем дворце, о способах, коими можно восстановить связь с горскими народами» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 7]. Изучив письмо пятнадцатилетней давности, Г.А. Емануэль во многом соглашается с выводами Менгли-Гирея, полагая, что такими мерами могут быть: переход к прочной оседлости, открытие меновых дворов, право свободной торговли, защита горских народов от притеснений, уважение русской администрацией местных обычаев, строгое наблюдение за кордонными начальниками, подарки северокавказским феодальным владельцам. При этом начальник Кавказской области замечает, что обстоятельства с тех пор изменились и считает нужным сообщить о настоящем положении горских народов и мерах, принятых им для установления мирных отношений с ними, как только он вступил в должность.

Народы, подвластные и союзные России, Емануэль делит на три разряда: 1) все в пределах Кавказской области кочующие степные мусульманские народности под общим именем татар. Они несут известные повинности и управляются пятью частными приставами и одним главным приставом гражданского ведомства по временному наказу генерала Ермолова от 1823 г.; 2) народы, которые живут за пределами области, между прежней и новой Кавказской линией, как-то кумыки, кабардинцы и проч., которые управляются приставами военного ведомства и кордонными начальниками по особым инструкциям; 3) народы – мирные, союзные, управляемые своими князьями, независимые от здешнего правительства, но объявившие готовность в случае набегов предоставлять помощь [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 9 об.]. Далее Г.А. Емануэль всячески стремится подчеркнуть свои административные усилия по установлению прочного мира на Кавказской линии и привлечению горских народов к сотрудничеству.

И вот к этому письму под № 995, посланному из Ставрополя Г.А. Емануелем к начальнику Главного штаба И.И. Дибичу от 25 января 1827 г., как раз и приложены копии трех интересующих нас документов. В связи с этим в достаточно подробном донесении Г.А. Емануеля обращает на себя внимание фраза, объясняющая появление этих копий в качестве приложения к письму. «Предположив обозреть сии народы, я между тем объявил им, чтобы они были уверены в твердой справедливости моей по делам их, в моем покровительстве и защите их от притеснений и

в ненарушении их обычаев, предоставив им свободу являться ко мне для объяснения своих нужд или жалоб, я предписал вместе с тем всем приставам, заведывающим сими народами, кардонным начальникам и карантинным чиновникам, чтобы они исполняли должности свои заботливостию, бескорыстием и доброхотством. Строгое наблюдение мое за ними, уже оправдывает начало повсеместного спокойствия: отзывы мирных магометанцев в скором и справедливом удовлетворении их просьб передаются к народам в горы, и некоторых из них, самых упорных и сильных, склонили к подданству России. Я получил лично от девяти старших народов 11 генваря сего года о том прошение и изъявил им покровительство государя императора, требуя от тех народов присяги и аманатов, как изволите усмотреть из представляемых у сего копий с прошения их и моего им объявления» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 11–12]. Из процитированного фрагмента письма Емануеля к Дибичу следует, что первый таким образом, через приложенные копии документов, демонстрировал командованию свои усилия и успехи по привлечению горских народов на Кавказской линии к сотрудничеству. Вероятно, что Емануель перепутал упомянутых в этих документах чегемцев с чеченцами, отнеся их к числу «самых упорных и сильных», также на это указывает описка в «Ведомости о числе дворов дигорских и протчих народов, вновь покоривших русскому правительству», где вместо «чегемцев» ошибочно обозначены «чеченцы» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 17]. Такое же смешение обозначений всех народов, в 1827 г. обратившихся к российскому командованию на Кавказской линии с просьбой о подданстве, допускает и составивший жизнеописание Емануеля его биограф – Н.Б. Голицын: «Принятые начальником области меры мирных сношений с горцами способствовали еще и к тому, что многие из них начали приходить в подданство России и без употребления над ними силы оружия: первые приняли присягу в феврале тагаурцы, карабулаки, дигорцы, балкарцы, урусбиевцы, чегильцы, хуламцы, безенгиевцы (всех их: аулов – 36, семейств – 2420, душ обоого пола – 14 091), а потом некоторая часть из чеченцев и гумбетовцев (с 5 февраля 1827 по 17 ноября 1829 первых присягнуло на верноподданство России: аулов – 76, семейств – 2030, душ обоого пола 6895; – вторых: аулов – 15, семейств – 3007, душ обоого пола – 9021)» [Голицын 1851: 61]. По всей видимости, численные сведения о различных горских народах, присягнувших на верноподданство русскому императору в 1827 г., взяты Н.Б. Голицыным из нижеприведенного документа от 20 марта 1829 г., также сохранившим неточности в обозначении различных подразделений балкарцев.

Ведомость [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 23 и 23об.]

О числе деревень семейств и душ в оных горских жителей, принявших присягу на верноподданство Государю императору

Николаю Павловичу и наследнику его с прошлого 1827-го года по сие число
Марта 20 дня 1829 года

Означеніе времени принятія присяги и племени народов	Число деревень	Число семейств	Число душ обоого пола	Означеніе числа аманатов и мест в которых они содержатся
5-го числа февраля 1827-го года приняли присягу тагаурские старшины со всеми своими подвластными	21	962	5656	От всех сих народов выдано аманатов 22 человек, кото- рые находятся во Владикав- казе
В то же время присягнуло ка- рабулатского народа	2	200	787	

В том же году последовали примеру их следующие народы: Дигорские старшины со всеми своими подвластными	7	600	3600	Аманатов выдано 4
Болгарские владельцы с подвластными	2	300	1800	Аманатов выдано 2
Урусбиевцы в числе	1	88	528	Аманатов выдано 1
чеченцы	1	150	900	Аманатов выдано 3
хуламцы	1	60	360	Аманатов выдано 1
безенгиевцы	1	60	360	Аманатов выдано 1
В продолжении 1827-го года присягнуло чеченского народа	21	663	1989	Аманатов за сии деревни выдано 11, которые находятся по крепости: Грозной Внезапной
Гумбетовского владения	3	187	561	Гумбетовского владения 2, которые находятся в крепости Внезапной
В продолжении 1828-го года примкнуло чеченцев	23	818	2454	Аманатов выдано 20 человек, которые находятся в крепости: Грозной, Внезапной

В заключение обзора архивного дела следует сказать, что в нем содержится и подписанная Емануелем копия рассмотренного письма от 25 января 1827 г., но уже без столь важных для данной проблемы приложений [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 20–26].

Что касается текста прошения старшин от урусбиевцев, чегемцев, балкарцев, хуламцев, бизенгивцев и дигорцев 11 января 1827 г. (Рис. 1), то перевод его на русский язык представляет типичный образчик такого рода обращений от горских народов командованию Кавказской линии. Сам подлинник прошения «в переводе с турецкого языка» до сих пор не обнаружен. Известно лишь, что «за неумением никакой грамоты» уполномоченные на то старшины в удостоверение своего обращения «приложили перстами чернильные знаки».

Копии же всех трех документов удостоверены лично генерал-лейтенантом Емануелем. А на подлиннике его ответного письма уполномоченным старшинам горских народов имелся, как следует из источника, перевод на турецкий язык, а также значился полный титул и была приложена личная печать Емануеля.

Сам текст прошения старшин горских народов (Рис. 1), сохранившийся только в копии, представляет большой исследовательский интерес. Это текст обращения к командующему на Кавказской линии, представителю имперской власти в регионе, а не сам текст присяги новых подданных империи. В этом смысле обращение носит предварительный характер и обговаривает условия для принятия присяги. Цель обращения – «испрошение покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича». И если это прошение принято будет, то уполномоченные старшины от имени представленных народов выражают готовность принести верноподданническую присягу российскому императору и его наследнику, а также поступить на службу в случае востребованности. При этом указывается, что дети горских владельцев уже находятся в качестве аманатов в русских крепостях.

В качестве приложения к этому прошению тогда же была составлена «Ведомость о числе дворов дигорских и прочих народов, вновь покоривших русскому правительству» (Рис. 2), в которой были зафиксированы имена депутатов от различных горских обществ. Среди них значились от Балкарского общества

(400 дворов) Арслан аджи Жанхотов; от Чегемского (200 дворов) – Кельмамбет Баймурзов; от Хуламского и Безенгиевского (100 дворов) – Магомет Шакманов и от Урусбиевского (100 дворов) – Мурзакал Урусбиев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 17].

Вероятно, что приведенные выше сведения о количестве дворов в горских обществах даны приблизительно. Следует учитывать, что при первой публикации данного документа общее количество дворов в Хуламской и Безенгиевской общинах ошибочно обозначено – 1000 [Материалы 1942: 127] вместо 100. В самом же первоисточнике, точнее его копии, несколько искажены названия самих балкарских обществ и собственные имена уполномоченных старшин.

Письмо Емануеля (Рис. 3) представляет собой письменный ответ на это обращение и формулирует основные требования (кондиции) российской стороны. Прежде всего Емануель сообщает, что принял верноподданническую присягу все-российскому императору и его наследнику от представителей дигорского, чегемского, болкарского, хуламского, бизингиевского и урусбиевского народов и тем самым изъявил им «покровительство и всякую справедливую защиту». Затем командующий на Кавказской линии предоставил право старшинам дигорским: Касаю Кубатиеву, Довлетуку Абисалову, Биногеру Карабугокову, Созо Саватову и Татархану Туганову, чегемскому: Кельмамбету Баймурзову, болкарскому: Арслану Аджи Жанхотову, хуламскому и бизингиевскому: Магомету Шакманову и урусбиевскому: Мурзакалу Урусбиеву, по возвращении к своим народам привести их к присяге на верноподданство и доставить эти присяги через командира Кабардинского пехотного полка подполковника Швецова [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 18 об.].

В числе основных кондиций, которые должны фигурировать в присягах, значились, во-первых, готовность к службе его величества и, во-вторых, выдача аманатов от каждой фамилии по одному. Емануель возражал против ежегодной перемены аманатов. Здесь следует отметить, что практика выдачи аманатов от балкарских владельцев по заведенному порядку была распространена уже с 1822 г. На это обстоятельство указывают опубликованные списки аманатов от горских обществ за разные годы [Баразбиев 2005: 128; Глашева 2021: 95–104]. Доставленные самими старшинами аманаты с 1822 г. по 1 сентября 1826 г. содержались в крепости Георгиевской, а с сентября 1826 г. были переведены в крепость Нальчикскую. В 1827 году после принесения верноподданнической присяги от Балкарского общества выдано 2 аманата, от Урусбиевского – 1, от Чегемского – 3; от Хуламского – 1, и от Безенгиевского – 1 аманат [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 23]. Заложниками обычно становились мальчики из княжеских семей, они содержались в казенном доме в крепости Нальчик. Это был турлучный дом, состоявший из четырех комнат, с деревянным полом и потолком, крытый сеном. От времени он пришел в ветхость, поэтому, будучи еще в должности командующего войсками на Кавказской линии, Емануель приказал пол и потолок перебрать, заменить гнилые доски и оконные рамы, дом изнутри и снаружи обмазать глиной и побелить, вокруг сделать новый забор [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13 об.]. В дальнейшем кавказская администрация пыталась повлиять на горские народы через детей-аманатов, используя их как проводников российской культуры и общественного устройства. 1 февраля 1829 года, по указанию Емануеля, была открыта аманатская школа в крепости Нальчик. Предписывалось, «чтобы находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, равно и на русском языках» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 234 об.]. Обучением горских детей занялся адыгский просветитель Шора Ногмов, ему в помощники был назначен «российский чистописатель». В 1830 году в крепости на положении аманатов проживало около 10–11 мальчиков, представлявших знатные балкарские фамилии Урусбиевых, Суншевых,

Балкаруковых, Келеметовых, Абаевых, Айдеболовых, Шакмановых и др. В сутки для обеспечения одного мальчика казной отпускалось по 7,2 копейки [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 2. Л. 249].

Важно подчеркнуть, что Емануель в заключение своего письменного обращения заверил горских владельцев, что о прочих их просьбах после рассмотрения последует особенное решение [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 19].

В это время подобного рода присяги от различных кавказских народов поступали российской администрации в значительном числе. При этом имперские власти, предлагая те или иные условия, подходили к ним дифференцированно. Кавказская администрация стремилась учитывать особенности и возможности различных обществ и не выдвигала им одинаковых требований. Однако неизменно во внимание принимались интересы местной верхушки.

На первых порах вовлечение балкарских обществ в орбиту политического влияния России осуществлялось без институционального оформления административных прав империи. Сочетание военного администрирования с формами местного самоуправления, обращение к традиции должны были обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности. Так, своим распоряжением от 1837 года военный министр поручал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Вельяминову сообщить народам, подведомственным Сунженской, Кабардинской и Кубанской линиям «о сохранении прав их на земли, веру и обычаи предков, Государь Император изволил поручать отвечать, что никто не думает их лишать сего, но что награды всегда последуют верной службе» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 1 об.]. Такой ответ от Николая I последовал после того, как флигель-адъютант Его Императорского Величества Хан Гирей представил военному министру прошение, поданное царю от имени депутатов дигорского, балкарского, безенгиевского, хуламского, чегемского и урусбиевского обществ. В своем прошении горские владельцы изложили свои представления об условиях интеграции в российскую политико-административную систему. Они добивались: 1) оставить вероисповедание; 2) разрешить разбирательство по древним обычаям; 3) дозволить беспрепятственно пользоваться теми землями, которыми они пользовались до этого; 4) оставить родовые преимущества и звания; 5) возратить балкарца Алибека Абаева, отданного в солдаты [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 13].

После высочайшего одобрения поданного прошения для балкарских таубиев были установлены и подтверждены права на владение землями и социальные привилегии, представители владельческой знати оставили за собой все основные функции в местном управлении, также были сохранены вера и обычаи предков [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 20 и об.]. Что касалось возвращения аманатов, солдат, преступников, то решение этих вопросов оставлялось на усмотрение местного начальства [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 20 и об.]. Таким образом, в течение 10 лет шел поиск переходных форм замены этнолокального типа интеграции горских обществ государственно-имперским.

В целом можно констатировать, что обращение балкарских владельцев к российским властям на Кавказской линии и присяга 1827 г. представляют один из важных этапов на пути добровольного вхождения Балкарии в состав России. Вместе с тем интерпретация этого исторического опыта возможна только на пути приближения к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социокультурных факторов, обусловивших политическое сближение и последующую инкорпорацию региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв.

При этом рассмотрение и понимание логики развития истории балкарского народа возможно только в широком историческом контексте совместной истории. А проблема создания обобщающего труда по истории Балкарии как

интегрированной и непротиворечивой части кабардино-балкарской, северокавказской и общероссийской истории остается весьма актуальной и по сей день. Что касается юбилейных событий и памятных дат, знаменующих союз и единение народов Кабардино-Балкарии с Россией, то обращение к событиям и актам, касающимся проблемы вхождения Кабарды и Балкарии в состав Российского государства, лишний раз свидетельствуют о том, что кабардинский и балкарский народы двигались одним историческим путем. Взаимоотношения балкарских обществ с Российским государством также имеют многовековую историю. На этом длительном пути можно выделить несколько знаменательных вех.

Первый этап XVII–XVIII вв. – эпоха эпизодических политических и экономических контактов балкарцев с Российским государством. Первое знакомство российских посланцев с населением горских обществ произошло в 20-х годах XVII века в связи с разведкой залежей серебряной руды в Кавказских горах, а в середине этого столетия балкарцы попадают в поле зрения российских дипломатических миссий, развивающих политические отношения с Грузией. В русской документации балкарские общества уже фиксируются как самостоятельные социально-политические единицы. В марте 1658 г. впервые в истории балкаро-российских отношений один из горских владельцев – Артутай Айдаболов – был представлен ко двору русского царя Алексея Михайловича.

Источники XVIII в. также иногда упоминают балкарцев в связи с прагматичной политикой России на Северном Кавказе: разведкой рудных богатств, развитием экономических контактов через опорные пункты на Кавказской линии, усилением военного присутствия в регионе. Благодаря донесениям военных чинов и трудам академических ученых, совершивших в последней трети XVIII века экспедиции на Кавказ, балкарцы стали известны западноевропейской и российской науке.

В целом же, контакты балкарцев с Российским государством в XVII–XVIII вв. оставались эпизодическими, имели ознакомительную направленность и носили дружественный характер. Балкарские общества в определенной степени способствовали выполнению задач восточной политики России и установлению тесных связей с Грузией.

Второй этап охватывает последнюю четверть XVIII – 20-е гг. XIX века. В это время сложились политические предпосылки для вхождения Балкарии в состав империи. Россия стала претендовать на роль главного регулятора балкаро-кабардинских отношений, явно не поддерживая попыток кабардинской знати в восстановлении сюзеренитета над балкарскими обществами. В конце XVIII в. балкарские владельцы несколько раз проявляли инициативу и обращались к российскому военному командованию на Кавказской линии с просьбой о защите и подданстве. Процесс присоединения горских обществ был опосредован Кавказской войной и растянулся на несколько десятилетий. Разрушение системы этнополитического равновесия на Северном Кавказе, установление военно-политического контроля империи в регионе и строительство новой укрепленной линии у самых гор – привели к включению Балкарии в состав России в 20-х гг. XIX века. Политически это событие было оформлено актом присяги 11 января 1827 года, принятой главами владельческих фамилий всех балкарских обществ. Представители урусбиевских, чегемских, хуламских и балкарских таубиев прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Емануэлю и подали прошение о принятии их в русское подданство [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 16–19]. Они выразили готовность поступить на российскую военную службу и обязались выдать аманатов.

При подаче прошения представители балкарского народа ходатайствовали о сохранении всех их древних прав и обычаев, шариатского суда, свободного исповедания ислама и «получения издавна установленной владельцам с подданных дани». Генерал Емануэль привел балкарских и дигорских старшин к присяге и,

отпустив депутатов по домам, поручил им привести к присяге свои народы. Уже 16 марта 1827 года Емануэль доносил, «что старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 38]. С точки зрения царской военной администрации это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения балкарских обществ это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации Российской государственной власти в общественном сознании.

Третий этап 1830-е – 1860-е гг. – период «автономного» существования горских обществ в условиях внешнего российского управления. Эти тридцать лет отмечены постепенным процессом выстраивания системы косвенного управления при сохранении базовых основ функционирования балкарского социума. Горские общества находились в ведомстве начальника Центра Кавказской линии, однако ввиду формального характера подданических отношений традиционные балкарские и российские властные институты на этом этапе практически не взаимодействовали. Традиционное самоуправление балкарцев выражалось в сложившихся ранее формах гражданских общин, руководимых старшими членами владельческих фамилий того или иного ущелья. Только с 1846 года на пять балкарских обществ был распространен институт приставства, нацеленный на их изучение, полицейский контроль и косвенное управление, что положило начало конструированию административно-политического пространства Балкарии в составе Российской империи. Балкария проявила лояльный тип социально-политической адаптации к новым историческим реалиям, а балкарские таубии изложили свое видение интеграции горских обществ в административно-политическую систему Российской империи. Они добивались сохранения вероисповедания, родовых преимуществ и званий; разрешения разбирательств по древним обычаям; дозволения беспрепятственно пользоваться теми землями, которыми они располагали до присоединения к России.

Четвертый этап 1860-е – 1917 г. характеризовался постепенным распространением на Северный Кавказ, в целом, и Балкарию, в частности, общероссийских государственных и гражданских порядков, проведением земельной и сословной реформ. В этом контексте главным фактором подрыва автономности горских обществ стало включение в административно – политическую систему Российского государства. Фактически, в пореформенный период балкарские общины потеряли свою самостоятельность и самоуправление. К началу XX века сфера воспроизводства социальных традиций, всего ценностно-нормативного уклада балкарского общества была заметно сужена и испытывала повседневное воздействие неорганичных для нее внешних факторов. Вместе с тем, балкарские общины обладали значительным потенциалом для адаптации к новым условиям и для сохранения преемственности в этносоциальном развитии. В большом российском обществе они продолжали функционировать как более или менее целостные подобщества, способные к удовлетворению основных социальных потребностей своих членов.

Фактор российской политики не оставался неизменным. При всех поворотах в этой сфере можно говорить о постепенном нарастании активности, масштабов и глубины воздействия Российского государства на социально-исторические процессы в балкарском обществе [Муратова 2017b].

Список источников и литературы

Азаматов 1982 – *Азаматов К.Г.* К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е XX в.). Грозный: Чечен.-Ингуш. кн. изд-во, 1982. С. 273–276.

АКАК 1868 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 2. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.

АКАК 1875 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1875. 954 с.

Барзbieв 2005 – *Барзbieв М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник. 2005. № 2. С. 126–140.

Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. М.: ТАС-Издат, 2006. 190 с.

В Нальчике установят 2025 – В Нальчике установят памятный комплекс к 200-летию вхождения Балкарии в состав России // Сайт «Это Кавказ» [Электронный ресурс] URL: <https://etokavkaz.ru/news/183438> (Дата обращения: 7.07.2025)

Века совместной истории 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

Глашева 2021 – *Глашева З.Ж.* К проблеме изучения института аманатства на Северном Кавказе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 2 (100). С. 95–104.

Голицын 1851 – *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб.: Тип. Н. Греча, 1851. 200 с.

Документальная история 1998 – Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. / под общ. ред. Г.Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. М.: Норма, 1998. 672 с.

История Кабардино-Балкарской АССР 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. / Гл. ред. Т.Х. Кумыков. М.: Наука, 1967. 482 с.

История многовекового содружества 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

К вопросу о русско-балкарских 1992 – К вопросу о русско-балкарских отношениях // Живая старина. 1992. № 2. С. 18–19.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (Конец XVIII – начало XX века). Нальчик: Эльбрус, 1995. 125 с.

Каппелер 1997 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 344 с.

Карачаевцы. Балкарцы 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М.Д. Каракетов. М.: Наука, 2014. 815 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 350 с.

Материалы 1942 – Материалы по истории осетинского народа / Подготов. В.С. Гальцевым. Т. II. Орджоникидзе: Гос. изд. Сев.-Осет. АССР, 1942. С. 126–128.

Муратова 2006 – *Муратова Е.Г.* Концептуальные итоги изучения истории Балкарии XVII–XIX веков в постсоветской историографии // Исторический вестник. 2006. № 3. С. 71–87.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 419 с. С. 178–179.

Муратова 2017а – *Муратова Е.Г.* Вхождение балкарских обществ в состав Российского государства: основные параметры политического процесса // Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Материалы VII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону: Изд-во ООО Альтаир, 2017. С. 195–201.

Муратова 2017б – *Муратова Е.Г.* От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII–XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2017. № 3 (34). С. 7–11.

Очерки 1961 – Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 220 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Россия и народы 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству:

монография / Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. [и др.] Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.

Сабанчиев 2019 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Историография и терминология проблемы вхождения Балкарии в состав России // История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В.П. Невской): материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 1–2 ноября 2019 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 100–105.

Сабанчиев 2021 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Формы и направления русско-балкарского политического взаимодействия (XVII – первая треть XIX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 2 (53). С. 62–67.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса.-Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 224 с.

Указ 2025 – Указ Главы КБР № 1-УГ от 11 января 2025 года «О праздновании 200-летия добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства» // Сайт Главы КБР [Электронный ресурс] URL: https://glava.kbr.ru/upload/iblock/2f7/bpjgxef2henz9i039cj81xkv2fnyuoss/1_UG.pdf (Дата обращения: 7.07.2025)

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики

References

AZAMATOV K.G. *K voprosu o russko-balkarskikh otnosheniyah v XVIII v.* [On the issue of Russian-Balkarian relations in the 18th century]. IN: *Velikij Oktyabr' i peredovaya Rossiya v istoricheskikh sud'bah narodov Severnogo Kavkaza (XVI– 70-e XX v.)* [The Great October and progressive Russia in the historical destinies of the peoples of the North Caucasus (16th–70s of the 20th century)]. Groznyj: Chechen.-Ingush. kn. izd-vo, 1982. P. 273–276. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej: v 12 t. [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol.2. Tiflis: Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1868. 1238 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej: v 12 t. [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol.6. Part 2. Tiflis: Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1875. 954 p. (In Russian)

BARAZBIEV M.I. *Karachaj i Balkariya v Kavkazskoj vojne* [Karachay and Balkaria in the Caucasian War]. IN: *Istoricheskij vestnik*. 2005. № 2. P. 126–140. (In Russian)

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. M.: TAS-Izdat, 2006. 190 p. (In Russian)

V Nal'chike ustanovyat pamyatnyj kompleks k 200-letiyu vhozhdeniya Balkarii v sostav Rossii // *Sajt «Eto Kavkaz» [Elektronnyj resurs]* URL: <https://etokavkaz.ru/news/183438> (Data obrashcheniya: 7.07.2025) [In Nalchik, they will install a memorial complex for the 200th anniversary of Balkaria's entry into Russia // Website “This is the Caucasus” [Electronic resource] URL: <https://etokavkaz.ru/news/183438> (Accessed: 7.07.2025)] (In Russian)

Veka sovместnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917 gg.). [Centuries of shared history 2017 – Centuries of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p. (In Russian)

GLASHEVA Z.ZH. *K probleme izucheniya instituta amanatstva na Severnom Kavkaze* [On the problem of studying the institution of amanatism in the North Caucasus]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. 2021. № 2 (100). P. 95–104. (In Russian)

GOLICYN N.B. *Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emanuelya* [Biography of the cavalry general Emmanuel]. SPb.: Tip. N.Grecha, 1851. 200 p.

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2 t. T. 1. / Glav. red. T. H. Kumykov [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1. / Chief editor T. Kh. Kumykov]. M.: Nauka, 1967. 482 p. (In Russian)

Dokumental'naya istoriya obrazovaniya mnogonacional'nogo gosudarstva Rossijskogo: v 4 kn. Kn. 1. Rossiya i Severnyj Kavkaz v XVI–XIX vv. / Pod obshch. red. G.L. Bondarevskogo, G.N. Kolbaya [Documentary history of the formation of the multinational Russian state: in 4 books. Book 1. Russia and the North Caucasus in the 16th–19th centuries / Under the general editorship of G.L. Bondarevsky, G.N. Kolbay]. M.: Norma, 1998. 672 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2 t. T. 1. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day] / Glav. red. T.H. Kumykov. M.: Nauka, 1967. 482 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii / Otv. red. B.H. Bgazhnokov [History of the centuries-old commonwealth: On the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia / Ed. B.Kh.Bgazhnokov]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. 720 p. (In Russian)

K voprosu o russko-balkarskikh otnosheniyah [On the issue of Russian-Balkar relations]. IN: *ZHivaya starina*. 1992. № 2. P. 18–19. (In Russian)

KALMYKOV ZH.A. *Ustanovlenie russkoj administracii v Kabarde i Balkarii (Konec HVIII-nachalo HKH veka)* [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late 18th – early 20th century)]. Nal'chik: El'brus, 1995. 125 p. (In Russian)

KAPPELER A. *Rossiya – mnogonacional'naya imperiya: vzniknovenie, istoriya, raspad* [Russia is a multinational empire: emergence, history, collapse]. M.: Progress-Tradiciya, 1997. 344 p. (In Russian)

Karachaevcy. Balkarcy / Otv. red. M.D. Karaketov [Karachais. Balkars / Rep. ed. M.D. Karaketov]. M.: Nauka, 2014. 815 p. (In Russian)

KUMYKOV T.H. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke*. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. 350 p. (In Russian)

Materialy po istorii osetinskogo naroda / Podgot. V.S. Gal'cevm. T. II. [Materials on the history of the Ossetian people / Prepared by V.S. Galtsev]. Vol. II. Ordzhonikidze: Gos. izd. Sev.-Oset. ASSR, 1942. P. 126–128. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Konceptual'nye itogi izucheniya istorii Balkarii XVII–XIX vekov v post-sovetskoj istoriografii* [Концептуальные итоги изучения истории Балкарии XVII–XIX веков в постсоветской историографии]. IN: *Istoricheskij vestnik*. 2006. № 3. P. 71–87. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Social'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria XVII – early XX centuries]. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 419 p. (In Russian)

MURATOVA E. G. *Vhozhenie balkarskikh obshchestv v sostav Rossijskogo gosudarstva: osnovnye parametry politicheskogo processa* [The entry of Balkar societies into the Russian state: the main parameters of the political process]. IN: *Polietnicheskie gosudarstva i normativno-yuridicheskie sistemy narodov Kavkaza: ponyatie, raznovidnosti, istoricheskoe znachenie dlya formirovaniya nacional'nyh gosudarstv. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. D.YU. SHapsugov* [Polyethnic states and normative-legal systems of the peoples of the Caucasus: concept, varieties, historical significance for the formation of national states. Proceedings of the VII International scientific and practical conference / Ed. D.Yu. Shapsugov]. Rostov-na-Donu: Izd-vo OOO Al'tair, 2017. P. 195–201. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Ot sblizheniya k integracii: Balkariya i Rossijskoe gosudarstvo v XVII–XIX vv.* [From rapprochement to integration: Balkaria and the Russian state in the 17th–19th centuries]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij*. 2017. № 3 (34). P. 7–11. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskogo naroda: (S drevnejshih vremen do 1917 g.). [Essays on the history of the Balkar people: (From ancient times to 1917)]. Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1961. 220 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – srede XIX veka: sociokul'turnaya distanciya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu: monografiya / Dzamihov K.F., Borov A.H. i dr. [Russia and the Peoples 2018 – Russia and the Peoples of the North Caucasus in the 16th – mid-19th centuries: socio-cultural distance and movement towards state-political unity: monograph / Dzamikhov K.F., Borov A.Kh. and others]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij ot-del IGI KBNC RAN, 2018. 268 p. (In Russian)

SABANCHIEV H.-M.A. *Formy i napravleniya russko-balkarskogo politicheskogo vzaimodejstviya (XVII – pervaya tret' XIX v.)* [Forms and directions of Russian-Balkar political interaction (XVII – first third of the XIX century)]. IN: *Vestnik Akademii nauk CHechenskoj Respubliki*. 2021. № 2 (53). P. 62–67. (In Russian)

SABANCHIEV H.-M.A. *Istoriografiya i terminologiya problemy vhozheniya Balkarii v sostav Rossii* [Historiography and terminology of the problem of Balkaria's entry into Russia]. IN: *Istoriya narodov Kavkaza: dialog kul'tur, yazykov i religij (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. P. Nevskoj): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [History of the peoples of the Caucasus: dialogue of cultures, languages and religions (On the 100th

anniversary of the birth of Professor V.P. Nevskaya): materials of the international scientific and practical conference (Stavropol, November 1–2, 2019)]. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2019. P. 100–105. (In Russian)

TEBUEV R.S., HATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkarcev* [Essays on the history of the Karachay-Balkars]. M.: Ileksa.-Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2002. 224 p. (In Russian)

Ukaz Glavy KBR № 1-UG ot 11 yanvarya 2025 goda «O prazdnovanii 200-letiya dobrovol'nogo vhozhdeniya https://glava.kbr.ru/upload/iblock/2f7/bpjgxef2henz9i039cj81xkv2fnnyoss/1_UG.pdf *(Data obrashcheniya: 7.07.2025).* [Decree of the Head of the KBR No. 1-UG dated January 11, 2025 “On the celebration of the 200th anniversary of the voluntary entry of Balkaria into the Russian state” // Website of the Head of the KBR [Electronic resource] URL: https://glava.kbr.ru/upload/iblock/2f7/bpjgxef2henz9i039cj81xkv2fnnyoss/1_UG.pdf (Accessed: 07.07.2025)] (In Russian)

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, профессор кафедры всеобщей истории КБГУ;

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, профессор кафедры истории России и кавказоведения КБГУ.

Information about the authors

K.F. Dzamikhov – Doctor of Science (History), professor, Director of the Institute of Humanitarian Research, Professor of the Department of General History at Kabardino-Balkarian State University;

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor, Senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History at the Institute of Humanitarian Research, Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies at Kabardino-Balkarian State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 21.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 21.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-30-39

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmpрасолов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2025

Аннотация. В статье представлен историографический обзор одного из аспектов развития просветительских практик в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрена историография, в которой затрагивались формы общественно-государственного взаимодействия по материальному обеспечению местного образования. Своеобразие социокультурного развития кабардинцев и балкарцев в сфере народного просвещения в рассматриваемый период заключалось в наличии, функционировании и эволюции общественного софинансирования, осуществляемого через деятельность Кабардинской общественной суммы и съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Обоснован вывод, что, несмотря на разнообразный интерес профильных специалистов к истории народного образования на Северном Кавказе, и ее отдельным региональным и институциональным направлениям, необходимо комплексное исследование общественного участия в организационно-финансовом обеспечении различных образовательных процессов у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Кабардинский округ, Нальчикский округ, народное образование, историография, кабардинская общественная сумма, Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Общественное софинансирование развития образования в Кабардинском (Нальчикском) округе: проблемы историографии // Вестник КБГИ. 2025. № 2 (65). С. 30–39. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-30-39

Original article

PUBLIC CO-FINANCING OF EDUCATION DEVELOPMENT IN THE KABARDIN (NALCHIK) DISTRICT: PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Dmitry N. Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmpрасолов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2025

Abstract. This article presents a historiographical overview of one aspect of the development of educational practices in the Kabardian (Nalchik) district in the second half of the

19th and early 20th centuries. It examines the historiography that touched upon various aspects of public-state interaction in the material provision of local education. The uniqueness of the socio-cultural development of the Kabardians and Balkars in the field of public education during the period under review consisted in the existence, functioning, and evolution of public co-financing, carried out through the activities of the Kabardian public fund and the congress of entrusted of Greater and Lesser Kabarda and the Five Mountain Societies. It is reasonable to conclude that, despite the diverse interest of specialists in the history of public education in the North Caucasus and its individual regional and institutional directions, a comprehensive study of public participation in the organizational and financial support of various educational processes among the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th and early 20th centuries is necessary.

Keywords: Kabardians, Balkars, Kabardin District, Nalchik District, public education, historiography, Kabardin public fund, Congress of Representatives of Greater and Lesser Kabarda and Five Mountain Communities

For citation: Prasolov D.N. Public co-financing of education development in the Kabardin (Nalchik) district: problems of historiography. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 30–39. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-30-39

Прежде всего необходимо отметить, что общий обзор дореволюционных исследований по различным направлениям северокавказского просветительства нашел отражение в крупных современных обобщающих трудах [Колесникова 2011: 229–420]. Широко используя работы пореформенного периода Н.О. Блейх неоднократно отмечает недостатки финансирования, как одно из главных препятствий развитию школьного просвещения на Северном Кавказе, но не приводит данных о финансово-организационном участии общественности в решении этой проблемы [Блейх 2013: 152–153, 158–159]. Возможным объяснением этому является то, что в историографических источниках эпохи региональная специфика Кабардинского (Нальчикского) округа, при наличии информации о формах общественного материального содействия культурно-просветительским начинаниям, не учитывалась, либо затрагивалась фрагментарно.

В обзоре развития учебного дела на Кавказе до конца 1870-х гг. Л.Н. Модзалевский неоднократно упоминает о распоряжении казенным стипендиальным фондом, но не приводит данных об общественном участии в оказании финансовой помощи местному образованию [Модзалевский 1880]. Однако еще в типовом уставе Горских школ 1860 г. оговаривалось, что «в Нальчикской школе назначено из кабардинцев только 10 казенных пансионеров в том внимании, что сверх этих 10-ти мальчиков там будут содержаться на счет Кабардинской общественной суммы 25 детей туземных князей и узденей» [АКАК 1904: 659]. Возможно, ориентируясь на этот опыт, с восстановлением в 1867 г. Кавказского учебного округа Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом включило пункты, предполагающие для «полного сближения» с общим устройством народного образования «с допущением необходимых здесь по местным условиям особенностям»; привлечения «местных обществ и сословий к участию в содержании местных заведений» [Отчет попечителя... 1868: 3]. Наконец, из материалов областной периодической печати уже было известно об учреждении в декабре 1872 г. съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ из кабардинской общественной суммы (далее – КОС) стипендии имени М.Т. Лорис-Меликова [ТВ. 1873. № 15. С. 2], а также о софинансировании пансионеров Нальчикской окружной Горской школы и открытых при ней с 1876 г. курсов «приготовления аульных учителей Терской области» [ТВ. 1876. № 28. С. 2–3]. Таким образом, общественное софинансирование было достаточно известным явлением не только в профильных сообществах, но и обсуждалось в региональной публичной сфере, ограниченной пока еще формирующейся в Терской области периодической печатью.

Е. Максимов и Г. Вертепов одними из первых обратили внимание на изменения в конце 1880-х гг., произошедшие в порядке пополнения и распоряжения КОС,

и открывшиеся в связи с этим дополнительные возможности финансирования просветительских практик. Новым источником доходов общественного капитала стал 10-копеечный подесятинный сбор, установленный за пользование Зольскими и Горными пастбищами «согласно приговору уполномоченных от всех обществ и фамилий, совместно владеющих [пастбищной. – Д.П.] землей, состоявшемуся 8 ноября 1889 г.». Деньги поступали за пользование общественными пастбищами, официально закрепленными 21 мая 1889 г. Александром III «в постоянное пользование всех кабардинцев и сопредельных с ними пяти горских обществ». Существенный источник пополнения КОС позволил учредить несколько общественных стипендий, которые предоставлялись кабардинцам и балкарцам, обучавшимся в средних и высших учебных заведениях за пределами Нальчикского округа [Максимов, Вертепов 1892: 163].

Один из главных подвижников в деле введения земств в Терской области, осетинский общественный деятель и публицист Г. Баев неоднократно аргументировал готовность местного населения к современному самоуправлению фактами общественного финансирования просветительских проектов. Его небольшую статью о школьных фондах можно рассматривать как одну из первых специальных работ о состоянии общественного финансирования просветительских практик в Терской области [Баев 1905]. В том же году в газете «Каспий» вышла критическая статья о проблемах при распоряжении кабардинским общественным капиталом [Каспий. 1905. № 170. С. 4], содержание которой, очевидно, сформировалось под впечатлением ходатайств генерал-лейтенанта Т. Шипшева, немало поспособствовавших усилению прозрачности в управлении КОС [Прасолов 2018], в том числе и по части распределения общественных стипендий. Таким образом, уже к началу XX в. региональная публичная сфера становится не только источником информирования общественности о культурно-просветительских процессах, но и фактором актуализации общественного контроля за их финансовыми аспектами.

Брошюра первого смотрителя кабардино-горского Реального училища Д.Д. Мучкапского содержит краткий очерк тридцатилетних ходатайств, подготовки открытия первого среднего учебного заведения в Нальчикском округе в 1909 г., а также описание торжеств, связанных с вводом в 1913 г. в эксплуатацию нового здания, построенного при значительном содействии местного самоуправления кабардинцев и балкарцев и их общественного капитала [Мучкапский 1914]. Если ежегодные отчеты Кавказского учебного округа разумнее отнести к источникам по истории народного образования, то обзоры инспекторов за период их деятельности представляют собой аналитические работы, а характер их содержания позволяет рассматривать их в качестве историографических фактов. Характерно, что в видении руководителей учебных властей Кавказского края не уделялось особого внимания общественному участию в финансировании местного образования. Лишь некоторые данные о финансовом содействии местного самоуправления кабардинцев и балкарцев деятельности Нальчикского реального училища, но существенно выделяющиеся в контексте общего положения дел в Кавказском учебном округе, содержатся в отчете за 1908–1912 г., опубликованном его попечителем [Рудольф 1914: 162].

Одна из первых обобщающих работ по истории школьного образования в Кабардино-Балкарии в духе советской историографии критически оценивала дореволюционные результаты, превознося на их фоне достижения первых лет советского культурного строительства [Копачев 1964]. Значительное влияние на историографию истории народного просвещения в Кабарде и Балкарии оказали работы Т.Х. Кумыкова. В его монографии 1965 г. приводятся факты финансирования местного образования из КОС, но в общих оценках сделан акцент на отсутствие поддержки правительством общественных просветительских инициатив и классовом характере образования [Кумыков 1965: 335–348]. В последующих

специальных работах по проблемам развития культуры и общественной мысли оценки автора стали менее категоричны, однако не утратили в основном критический настрой по отношению к деятельности царских властей в вопросах местного народного образования [Кумыков 1996: 209-250; Кумыков 2002: 347–390]. Подобная концепция оказала существенное влияние на интерпретации культурно-просветительских процессов в обобщающих работах М.А. Кошева [Кошев 1991] и М.З. Саблирова [Саблиров 2001]. В отношении рассматриваемого аспекта особенность этих работ заключалась в том, что их авторы, оперируя архивными и историографическими данными об общественном софинансировании, не выявили их регулярный и к началу XX в. достаточно масштабный характер, свидетельствующий о существенном потенциале общественно-государственного взаимодействия в решении проблем социокультурного развития народов Нальчикского округа. Его субъектами выступали совместное самоуправление кабардинцев и балкарцев, институционализированное в деятельности КОС и Съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, а также представители кавказских властей всех уровней. Между тем, подчеркивая уникальность этого опыта, еще Мисост Абаев, компетентный современник событий, полемизируя с критиками равнодушного отношения народов Нальчикского округа к просвещению, писал: «Раньше других народностей Кавказа кабардинцы имели офицеров до чина генерала в русской армии и даже людей с высшим и средним образованием, открывали русские школы и назначали стипендии из кабардинских общественных средств желающим учиться». Выступая на страницах журнала «Мусульманин» в 1911 г., М. Абаев был убежден, что должный культурно-просветительский эффект от этого процесса мог бы проявиться еще «несколько десятков лет назад... если бы хоть те несколько человек молодых людей, получивших раньше высшее и среднее образование, пользуясь стипендией своего народа, возвращались домой, не оставаясь на стороне» [Этюды о Балкарии 2007: 136–137].

Мнение М. Абаева подчеркивает историографическую важность для рассматриваемой темы большого корпуса исследований деятельности и публикаций публицистического наследия «просветителей», в которых отражены различные аспекты общественного софинансирования образовательной деятельности с участием представителей кабардинцев и балкарцев. В их числе стоит отметить издания, подготовленные Т.Х. Кумыковым [Кумыков 1969], Р.У. Тугановым [Туганов 1981], Р.Х. Хашхожевой [Кази Атажукин 1991; Адыгская... 2005], Т.Ш. Биттировой [Карачаево-балкарские... 1993; Этюды о Балкарии 2007].

Р.У. Туганов в монографии о культурно-просветительских процессах в Кабарде в первой половине XIX в. анализирует архивные источники об организации финансирования в проектах Кабардинской школы [Туганов 1998: 342–356], которые можно рассматривать как исходный этап в формировании региональной традиции общественного софинансирования. А.Т. Урушадзе рассмотрел противоречивую историю учреждения Кабардинской дворянской школы с учетом общего контекста кавказской политики наместничества князя М.С. Воронцова [Урушадзе 2016: 195–203]. Недавние публикации З.Ж. Глашевой внесли существенные документальные уточнения в этот сюжет [Глашева 2022; Глашева 2024].

В монографии Е.И. Кобахидзе и Н.А. Ладониной отмечается особенность «тактики» Министерства народного просвещения в Осетии «поощрять тягу населения к открытию школ за счет общественных сумм» для экономии государственных средств [Кобахидзе, Ладонина 2017: 177]. Обобщающий анализ содержания и результатов интеграционных функций образовательной политики на Северном Кавказе представлен в статьях О.И. Шафрановой [Шафранова, Трофимов 2020; Шафранова 2021]. Однако многообразие образовательных стратегий и региональная конкретика по рассматриваемым вопросам в данных работах показана недостаточно.

Некоторые направления деятельности съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ в вопросах организации и софинансирования местного образования рассмотрены в статье Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019]. Среди новейших работ по истории среднего образования в Нальчикском округе, в которых обращается определенное внимание общественно-государственному партнерству в развитии образования в Нальчикском округе, следует отметить публикации П.А. Кузьминова и исследователей его научной школы А.А. Журтовой и Л.Р. Гауновой [Кузьминов и др. 2022; Гаунова и др. 2024; Гаунова 2025]. Данным коллективом в 2024 г. был представлен виртуальный сборник статей и материалов по истории Реального училища, который, к сожалению, пока не нашел фактического воплощения, доступного для публичного использования, даже в электронном виде*.

В серии статей Л.А. Урусмамбетовой в общих чертах показана роль съездов доверенных и санкционируемых ими ассигнований из КОС в организации деятельности Нальчикской окружной Горской школы, преобразованной в 1909 г. в кабардино-горское Реальное училище [Урусмамбетова 2025а; Урусмамбетова 2025б].

Значительный материал о стипендиальной поддержке учащихся Кабардино-горского Реального училища нашел отражение в книге О.Л. Опышко [Опышко 2020], но выявленный автором богатейший фактологический материал показан зачастую вне общего контекста процессов развития просветительских практик на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в.

Новейшие диссертационные исследования, затрагивающие смежные проблемы, отличаются недостаточным вниманием вопросам общественного софинансирования. А.В. Политова рассматривая роли благотворительности в развитии образования на Ставрополье и в Терской области, не приводит данные по общественным стипендиальным проектам [Политова 2023]. В диссертации М.Х. Бербековой, посвященной истории общественных капиталов в Нальчикском округе, неоднократно приводятся данные о стипендиальных расходах КОС, однако цельная картина последовательности их возникновения и развития автором не реконструирована [Бербекова 2023].

Таким образом, анализ историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на разнообразный интерес профильных специалистов к истории народного образования на Северном Кавказе, и ее отдельным региональным и институциональным направлениям, комплексного исследования по проблемам общественного участия в материальном обеспечении различных образовательных процессов у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. до настоящего времени пока нет. Между тем в значительной мере особенность социокультурного развития кабардинцев и балкарцев в сфере народного просвещения во второй половине XIX – начале XX в. заключалась в наличии, функционировании и эволюции общественного софинансирования, осуществляемого через деятельность КОС и съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ.

Список источников и литературы

Адыгская... 2005 – Адыгская публицистика конца 19 – начала 20 века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: «Эль-Фа», 2005. 352 с.

АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1558 с.

* В КБГУ состоялась презентация книги «История Кабардино-Горского реального училища имени Александра III: исследования и материалы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kbsu.ru/news/v-kbgu-sostojalas-prezentacija-knigi-istorija-kabardino-gorskogo-realnogo-uchilishha-imeni-aleksandra-iii-issledovanie-i-materialy/>; Виртуальная книга о реальном училище [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn----7sbablnnmsiuldzd9c.xn--p1ai/2024/04/11/virtualnaja-kniga-o-realnom-uchilishhe/> Дата доступа 05.05.2025 г.

- Баев 1905 – *Баев Г.* Школьные фонды у горцев // Тифлисский листок. 1905. № 4. С. 2.
- Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Общественный капитал в системе финансовых отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... канд. истор. наук. Нальчик, 2023. 206 с.
- Блейх 2021 – *Блейх Н.О.* Становление ислама и его роль в развитии культуры и образования у мусульманских народов Северного Кавказа (XVIII–XIX вв.). Казань: Изд-во «Офорт», 2021. 220 с.
- Гаунова и др. 2024 – *Гаунова Л.Р., Журтова А.А., Кузьминов П.А., Соблирова З.Х.* Н.Ф. Рудольф – организатор и попечитель народного образования на Кавказе // Былые годы. 2024. № 19 (3). С. 1453–1461.
- Гаунова 2025 – *Гаунова Л.Р.* Проблемы просвещения в Нальчикском округе на страницах периодической печати в начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 1. С. 52–71.
- Глашева 2022 – *Глашева З. Ж.* Документы к истории открытия Кабардинской (Нальчикской) школы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 3 (107). С. 67–77.
- Глашева 2024 – *Глашева З.Ж.* Зарождение и развитие светского образования у народов Центрального Кавказа в конце XVIII в. – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 4 (67). С. 25–33.
- Кази Атажукин 1991 – *Кази Атажукин.* Избранное. Вступительная статья и подготовка текстов к изданию Р. Хашхожевой / второе, дополненное изд. Нальчик, 1991. 251 с.
- Карачаево-балкарские... 1993 – *Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.* Избранное: В двух томах. Т. 1. / Составление, предисловие, статьи об авторах, комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1993. 264 с.
- Каспий, газета, г. Баку.
- Кобахидзе, Ладонина 2017 – *Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А.* Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. 321 с.
- Колесникова 2011 – *Колесникова М. Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
- Копачев 1964 – *Копачев И. П.* Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30-е гг. XX в.). Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 180 с.
- Кошев 1991 – *Кошев М.А.* Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. 160 с.
- Кузьминов и др. 2022 – *Кузьминов П.А., Апажеева С.С., Журтова А.А.* «Воздвигнут храм наук»: к истории создания реального училища в Нальчикском округе // Былые годы. 2022. № 17 (2). С. 844–852
- Кумыков 1969 – *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. Нальчик: книжное издательство «Эльбрус», 1969. 173 с.
- Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328 с.
- Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 448 с.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 420 с.
- Максимов, Вертепов 1892 – *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ: Тип. Обл. Прав. Терской Обл., 1892. 187 с.
- Модзалевский 1880 – *Модзалевский Л. Н.* Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1880. 96 с.
- Мучапский 1914 – *Мучапский Д.Д.* Торжество освящения здания Реального училища в слоб. Нальчик, Терской области, состоявшееся 20 октября 1913 года. Тифлис, 1914. 20 с.
- Опрышко 2020 – *Опрышко О.Л.* Жизни и судьбы: ученики Кабардино-Горского реального училища, 1909–1920. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 343 с.
- Отчет попечителя... 1868 – *Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1867 год.* Тифлис, 1868. 51 с.
- Политова 2023 – *Политова А.В.* Благотворительность в отечественном образовании, воспитании и просвещении в XIX – начале XX веков (на материалах Ставрополя и Терка). Дисс. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 2023. 189 с.

Прасолов 2018 – *Прасолов Д.Н.* Военная карьера и общественная активность как факторы социального отчуждения на Кавказе: случай генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева // Новое прошлое / The New Past. № 3. 2018. С. 68–89.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на Съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 2. С. 37–54.

Рудольф 1914 – *Рудольф Н.Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа. 1908–1912 гг. Тифлис, 1914. 231 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.

ТВ – Терские ведомости, газета, г. Владикавказ.

Туганов 1981 – *Туганов Р.У.* Талиб Кашежев. Нальчик: Эльбрус, 1981. 124 с.

Туганов 1998 – *Туганов Р.У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1998. 384 с.

Урусмамбетова 2025а – *Урусмамбетова Л.А.* Исторические аспекты преобразования Горской школы в Кабардино-Горское Императора Александра III реальное училище // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2025. № 1. С. 67–73.

Урусмамбетова 2025б – *Урусмамбетова Л. А.* Опыт Нальчикской горской школы в контексте образовательной политики Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2025. Т. 40. Вып. 2. С. 19–25.

Урушадзе 2016 – *Урушадзе А. Т.* Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середины XIX вв.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 280 с.

Шафранова 2021 – *Шафранова О.И.* Образовательные практики имперской администрации на Кавказе в XIX – начале XX века как инструмент социальной и административной инкорпорации // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2. С. 74–83.

Шафранова, Трофимов 2020 – *Шафранова О. И., Трофимов М. С.* Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин: северокавказская школа во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. 2020. С. 109–118.

Этюды о Балкарии 2007 – Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов // Сост., прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2007. 408 с.

References

Adygskaya publitsistika kontsa 19 – nachala 20 veka (Izbrannoe) [Adyghe journalism of the late 19th and early 20th centuries (Selected works)] / Comp. by R.Kh. Khashkhozheva. Nal'chik: «El'-Fa», 2005. 352 p. (In Russian)

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Documents collected by the Caucasian Archaeographic Commission]: T. XII. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. 1558 p. (In Russian)

BAEV G. *Shkol'nye fondy u gortsev* [School funds among mountains] IN: Tiflisskii listok. 1905. No 4. P. 2. (In Russian)

BERBEKOVA M.Kh. *Obshchestvennyi kapital v sisteme finansovykh otnoshenii Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh* [Public capital in the financial relations system of the Nalchik district of the Terek region in the second half of the 19th century – early 20th]. Diss. ... kand. istor. nauk. Nal'chik, 2023. 206 p. (In Russian)

BLEIKHN.O. *Stanovlenie islama i ego rol' v razvitiu kul'tury i obrazovaniya u musul'manskikh narodov Severnogo Kavkaza (XVIII–XIX)* [The establishment of Islam and its role in the development of culture and education among the Muslim peoples of the North Caucasus]. Kazan': Izd-vo «Ofort», 2021. 220 p. (In Russian)

GAUNOV L.R., ZHURTOVA A.A., KUZ'MINOV P.A., SOBLIROVA Z.Kh. *N.F. Rudol'f – organizator i popechitel' narodnogo obrazovaniya na Kavkaze* [N.F. Rudolf – organizer and patron of public education in the Caucasus] / IN: Bylye gody. 2024. № 19 (3). P. 1453–1461. (In Russian)

GAUNOVA L.R. *Problemy prosveshcheniya v Nal'chikskom okruge na stranitsakh periodicheskoi pechati v nachale XX veka* [Problems of education in the Nalchik district in periodicals]

at the beginning of the 20th]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». 2025. No 1. P. 52–71. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Dokumenty k istorii otkrytiya Kabardinskoi (Nal'chikskoi) shkoly* [Documents on the history of the founding of the Kabardian (Nalchik) School] / IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2022. № 3 (107). P. 67–77. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Zarozhdenie i razvitie svetskogo obrazovaniya u narodov Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII v. – pervoi polovine XIX v.* [The emergence and development of secular education among the peoples of the Central Caucasus in the late 18th century – first half of the 19th century] IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki. 2024. No 4 (67). P. 25–33. (In Russian)

Kazi Atazhukin. *Izbrannoe* [Kazi Atazhukin. Selected Works.] Vstupitel'naya stat'ya i podgotovka tekстов k izdaniyu R. Khashkhozhevoi. Nal'chik, 1991. 251 p.

Karachaevsko-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. *Izbrannoe* [Karachay-Balkar cultural figures of the late 19th and early 20th centuries. Selected works]. Vol. 1. / Comp. by T.Sh. Bittirovoi. Nal'chik: El'brus, 1993. 264 p. (In Russian)

Kaspii [Kaspy], gazeta, g. Baku. (In Russian)

KOBAKHIDZE E.I., LADONINA N.A. *Razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Osetii vo vtoroi polovine XIX veka* [The development of Ossetia's educational potential in the second half of the 19th century]. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. 321 p. (In Russian)

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [North Caucasian historiographical tradition: second half of the 18th century – early 20th]. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. 496 p. (In Russian)

KOPACHEV I.P. *Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarii* [Development of school education in Kabardino-Balkaria] (XVIII v. – 30-e gg. XX v.). Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 180 p. (In Russian)

KOSHEV M.A. *Iz istorii prosveshcheniya gortsev Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX veka* [From the history of education among the mountain peoples of the North Caucasus in the 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus, 1991. 160 p. (In Russian)

KUZ'MINOV P.A., APAZHEVA S.S., ZHURTOVA A.A. “*Vozdvignut khram nauk*”: k istorii sozdaniya real'nogo uchilishcha v Nal'chikskom okruge [“A temple of science shall be established”: the history of the creation of a real school in the Nalchik district] IN: Bylye gody. 2022. No 17 (2). P. 844–852. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. Kazi Atazhukin [Kazi Atazhukin]. Nal'chik: knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1969. 173 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, socio-political thought, and education in Kabarda in the second half of the 19th century and early 20th century]. Nal'chik: El'brus, 1996. 328 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevsev v XIX – nachale XX* [Public opinion and education among the Adyghe and Balkar-Karachay peoples in the 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus, 2002. 448 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 420 p. (In Russian)

MAKSIMOV E., VERTEPOV G. *Tuzemtsy Severnogo Kavkaza. Istoriko-statisticheskie ocherki. Vyp. 1. Osetiny, ingushi, kabardintsy* [Indigenous peoples of the North Caucasus. Historical and statistical essays. Issue 1. Ossetians, Ingush, Kabardians]. Vladikavkaz: Tip. Obl. Prav. Terskoi Obl., 1892. 187 p. (In Russian)

MODZALEVSKII L.N. *Khod uchebnogo dela na Kavkaze s 1802 po 1880 god* [The progress of education in the Caucasus from 1802 to 1880]. Tiflis: Tip. A.A. Mikhel'sona, 1880. 96 p. (In Russian)

MUCHKAPSKII D.D. *Torzhestvo osvyashcheniya zdaniya Real'nogo uchilishcha v slob. Nal'chik, Terskoi oblasti, sostoyavsheysya 20 oktyabrya 1913 goda* [The celebration of the consecration of the Real School building in the town of Nalchik, Tersk Region, held on October 20, 1913]. Tiflis, 1914. 20 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Zhizni i sud'by: ucheniki Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha, 1909–1920* [Lives and destinies: students of the Kabardino-Gorsky Real School]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2020. 343 p. (In Russian)

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1867 god [Report by the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions in 1867]. Tiflis, 1868. 51 p. (In Russian)

POLITOVA A.V. *Blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii, vospitanii i prosveshchenii v XIX – nachale XX vekov (na materialakh Stavropol'ya i Tereka)* [Charity in domestic education, upbringing, and enlightenment in the 19th and early 20th centuries (based on materials from Stavropol and Terek)]. Diss. ... kand. istor. nauk. Stavropol', 2023. 189 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Voennaya kar'era i obshchestvennaya aktivnost' kak faktory sotsial'nogo otchuzhdeniya na Kavkaze: sluchai general-leitenanta T.A. Shipsheva* [Military career and social activism as factors of social alienation in the Caucasus: the case of Lieutenant General T.A. Shipshchev]. IN: *Novoe proshloe/The New Past*. No 3. 2018. P. 68–89. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Prosvetitel'skie praktiki i intellektual'naya kul'tura korennoy naseleeniya Severnogo Kavkaza v usloviyakh imperskoi modernizatsii (shkol'nyi vopros na S'ezdakh doverennykh Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale XX v.)* [Enlightenment practices and intellectual culture of the indigenous population of the North Caucasus in the context of imperial modernization (the school issue at the Congresses of Representatives of the Nalchik District in the last third of the 19th century and early 20th century)] IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 2019. No 2. P. 37–54. (In Russian)

RUDOLF N.F. *Obzor deyatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga* [Overview of the activities of the Caucasian Training District]. 1908–1912. Tiflis, 1914. 231 p. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: Adyge kheku, 2001. 232 p. (In Russian)

Terskie vedomosti, gazeta, g. Vladikavkaz. (In Russian)

TUGANOV R.U. *Talib Kashezhev* [Talib Kashizhev]. Nal'chik: El'brus, 1981. 124 p. (In Russian)

TUGANOV R.U. *Istoriya obshchestvennoi mysli kabardinskogo naroda v pervoi polovine XIX veka* [The history of public thought among the Kabardian people in the first half of the 19th century]. Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1998. 384 p. (In Russian)

URUSMAMBETOVA L.A. *Istoricheskie aspekty preobrazovaniya Gorskoi shkoly v Kabardino-Gorskoe Imperatora Aleksandra III real'noe uchilishche* [Historical aspects of the transformation of the Mountain School into the Kabardino-Mountain Real School of Emperor Alexander II]. IN: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. 2025. No 1. P. 67–73. (In Russian)

URUSMAMBETOVA L.A. *Opyt Nal'chikskoi gorskoi shkoly v kontekste obrazovatel'noi politiki Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX* [The experience of the Nalchik Mountain School in the context of the educational policy of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th]. IN: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2025. Vol. 40. Vyp. 2. P. 19–25. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Kavkaz: vzaimodeistvie kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.)* [The Caucasus: Cultural Interaction (Late 18th – Mid-19th Centuries)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 280 p. (In Russian)

SHAFRANOVA O.I. *Obrazovatel'nye praktiki imperskoi administratsii na Kavkaze v XIX – nachale KhKh veka kak instrument sotsial'noi i administrativnoi inkorporatsii* [Educational practices of the imperial administration in the Caucasus in the 19th and early 20th centuries as a tool for social and administrative incorporation] IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2021. No 2. P. 74–83. (In Russian)

SHAFRANOVA O.I., TROFIMOV M.S. *Imperskaya model' obrazovatel'noi integratsii dlya natsional'nykh okrain: severokavkazskaya shkola vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The imperial model of educational integration for national peripheries: the North Caucasus school in the second half of the 19th century and early 20th century]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No 3. 2020. P. 109–118. (In Russian)

Etyudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhhanov [Etudes on Balkaria: Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhhanov]. Comp. by T.Sh. Bittirovoi. Nal'chik: El'brus, 2007. 408 p. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History) , Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 01.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

**ПАРНЫЙ КОНЦЕПТ «КІАХЭ – ЩХЪАГЪ(Э)»:
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ЧЕРКЕСИИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX В.**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Аннотация. Начиная с эпохи Нового времени Черкесия нередко попадала в поле зрения различных исследователей. Однако многие аспекты черкесской культуры долго не получали должного отражения в их штудиях. В частности, аутентичные представления о хоронимических реалиях в Черкесии и к началу XIX в. оставались непроясненными. Процесс восполнения лакун последовал в течение второй трети этого столетия, когда, с одной стороны, началась активная исследовательская деятельность выдающихся черкесских гуманитариев Ногма Шоры и Султана Хан-Гирея. А с другой, ряд европейских авторов получил возможность длительного погружения в черкесскую культуру, что позволило им преодолеть барьеры «внешнего наблюдателя». Настоящий текст сосредоточен на анализе отражения в этих работах базового этнокультурного членения Черкесии посредством парного концепта «Кіахэ – Щхъагъ(э)».

Ключевые слова: Черкесия, Кіахэ, Щхъагъ(э), макрорегионы, хоронимы, этнографические исследования, территориальное членение

Для цитирования: Алоев Т.Х. Парный концепт «Кіахэ – Щхъагъ(э)»: архетипические регионы Черкесии в этнографическом дискурсе второй трети XIX в. // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 40–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

Original article

**PAIRED CONCEPT “KIAHƏ – SHKHAG(E)”:
ARCHETYPICAL REGIONS OF CIRCASSIA IN ETHNOGRAPHIC DISCOURSE
OF THE SECOND THIRD OF THE 19TH CENTURY**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Abstract. Annotation: Since the early modern period, Circassia has often attracted the attention of various researchers. However, many aspects of Circassian culture remained inadequately reflected in their studies for a long time. In particular, authentic representations of the toponymic realities in Circassia remained unclear until the beginning of the 19th century. The process of filling these gaps took place during the second third of this century when, on

one hand, prominent Circassian humanitarians Nogma Shory and Sultan Khan-Girey began active research activities. On the other hand, several European authors were granted the opportunity for prolonged immersion in Circassian culture, allowing them to overcome the barriers of “external observation.” The present text focuses on the analysis of how this basic ethnocultural division of Circassia is reflected in these works through the paired concept of “K’iahe – Sh’hag(e).”

Keywords: Circassia, KІakhe, Shchhag(e), macroregions, horonyms, ethnographic research, territorial division

For citation: Alov T.Kh. Paired concept "KІahe – Shkhag(e)": archetypal regions of Circassia in the ethnographic discourse of the second third of the 19th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 40–46. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-40-46

Пожалуй, представление о том, что, по меньшей мере, с периода Средневековья Черкесия предстает как страна, состоящая из макропровинций, пребывающих в диадических отношениях не противоречит исторической действительности. Двуделимость страны явственно выражается в парном концепте (или, в зависимости от оптики, «парных понятиях») КІахэ-Шхъагъ(э). Подобное положение напоминает соотношение Хайленда и Лоуленда в Шотландии, Нижней и Верхней Австрии на берегах среднего Дуная. Определенные параллели просматриваются и в комплексе Валахия/Молдова как *untereren Donarum* в низовьях великой реки. Сходное членение этнокультурного пространства относимо к культурным универсалиям и, к примеру, отражает реалии во Вьетнаме: оппозиция горы – дельта. В этом отношении примечательна и социальная география чувашей, которая покоится на четком делении по течению Волги на верховых (вирьял) и низовых (анатри). Заметная аналогия проступает и в случае с Нидерландами (Нижними землями) и Верхней Германией (по Рейну) в римский период. Но наибольшее сходство черкесские реалии обнаруживают, пожалуй, с ситуацией в Литве: Жемайтия (*Zemaitė*) – «Нижняя земля» и Аукштайтия (*Aukštaitija*) – «Верхняя земля».

Подобное положение вещей явственно эксплицируется в черкесском языковом пространстве. «Уешэсыштмэ шхъагъым, уишъузыштмэ КІэхэпхъу» («Если садиться верхом, то на шаг(ского), если (брать) в жены, то кяхскую дочь») отмечается в одной пословице [Адыгабзэм изэхэф... 2012: 104]. «Ушыуштмэ – шхъагъыш, уунэштмэ – КІэхэпхъу» – «Хочешь стать хорошим всадником – приобретай кабардинскую (шагскую) лошадь, хочешь иметь хорошую семью – возьми в жены кяхскую девушку» говорится в другой версии этой идиомы [Аутлев 1975: 251]. Как бы доводя до экстремума кяхско-шагский дуализм, в одном из фольклорных текстов произносится: «КІахэм япщэу Джанболэт, КІахэм екІышь Шхъагъым макІо... – кяхский князь Джанболет из Кяхэ отправился в Шхаг...» [Шхъхъэлахъо Абу 1994: 81].

В работах классиков черкесской культуры подобные реалии, естественным образом, не были обойдены вниманием. Ногма Шора, к примеру, актуальность номинации КІахэ относит уже ко времени войны народа *адыгэ* с хазарами [Ногмов 1958: 109]. Показательно и его напоминание о том, что когда-то «...татарский хан с многочисленным войском вступил в западную часть Кавказа и объявил войну кахам...» [Ногмов 1958: 117]. Представляют интерес и его наблюдения по поводу региональных особенностей поселенческой культуры Черкесии. «Из множества племен адыгов, живущих за Кубанью, кягхе, или нынешние шапсуги, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобства для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот... Убежища эти служили им оградой от беспрестанно ожидаемого врага. Они брали еще другие предосторожности: делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь возможность скорее спастись бегством...», – отмечается в пространном рассуждении в

компаративистском ключе [Ногмов 1958: 83]. «Кабардинцы же строились преимущественно на равнинах и только частью в ущельях. Селения обрывали канавой и делали кругом завалы, подобные нынешним полевым укреплениям. Издревле имели привычку располагать дома четверугольником, так что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота. Кунакские дома для гостей находились в недалнем от жилья расстоянии», – писал автор, развивая свой сравнительный пассаж [Ногмов 1958: 84].

В другом месте, разворачивая сюжет, значимый для обеих частей Черкесии Ногма указывает на событие XVI в., в котором «Князь Идар, находившийся тогда у деда своего Хамишева в земле кахов, сведав о распрях, возникших между его братьями, вознегодовал на них. Через два года позже он посылал к ним несколько раз, увещевая прекратить ссоры, и требовал от них примирения и дружбы на будущее время» [Ногмов 1958: 122]. Симптоматично, что издатель ногмовского труда – Адольф Берже, счел необходимым в схолии указать на то, что Ногма Шора «впадает здесь в явное противоречие. Выше сказано, что дед Идара Эльжеруко Хамишев был князь бжедухов, а здесь он назван князем кахов». О мнимости обнаруженного противоречия можно судить по концовке пассажа, к которому комментатор оказался невнимателен. Она гласит: «Но видя, что они пренебрегают его советами и посредничеством, Идар собрал из кахов или чапсогов, хегаков, бжедухов, махашев и прочих закубанских племен, многочисленное войско и пошел в Кабарду с намерением усмирить враждующих князей...» [Ногмов 1958: 122]. Последовавшее уточнение позволяет предположить, что отождествляя шапсугов с кяхами в первом отрывке Ногма не подразумевал, что последние ограничиваются лишь частью сообщества агучипсов. Видимо, автор, учитывая географию и демографический потенциал тогдашней Шапсугии, обозначил ее в качестве культурного воплощения кяхского при сравнении с шхагским, которое представлено «кабардинцами» в широком смысле, в то время как узкое понимание предполагает, что номинации «бесленевцы», «талостаневцы» и «джиляхстаневцы» уже давно таксономически занимали один ранг с последним.

Подобные наблюдения Ногма (несмотря на некоторые недостатки) обнаруживают в нем непревзойденного знатока этнокультурных реалий Черкесии. Однако в отношении рассматриваемого предмета, наследие его современника Хан-Гирея демонстрирует более полную по объему и многогранности фактуру. Если в ногмовском повествовании, в силу его диахроничной оптики специфика территориального структурирования черкесского этнокультурного пространства затрагивается спонтанно в контексте и рамках описания тех или иных исторических сюжетов (и только в той мере, в которой культурно-географический сеттинг эксплицирует их развитие), то для Хан-Гирея эта проблематика имеет самостоятельную значимость. В силу этого в его текстах построена более центрированная перспектива, обращенная на нее. В независимости от характера произведения (художественное, или же исследовательское) им последовательно артикулируется актуальность бинарной оппозиции между «нижней» и «верхней» частями Хэку в увязке с культурными особенностями каждой из них [Хан-Гирей 2008: 272]. К примеру, коснувшись представлений о путях распространения ислама в стране и отметив, что жанеевцы «первые из низовых* племен черкесских приняли магометанское исповедание...» в примечании дается пояснение, согласно которому «Большую часть черкесских племен разумеют под именем тчах (низовых)» [Хан-Гирей 1974: 56]. Продолжая «исламскую линию» рассуждений и описывая влияние этой религии на современную ему Черкесию он не преминул отметить, что «... в низовых племенах (тчах) из ста дел едва ли и пять решались духовным судом» [Хан-Гирей 1974: 307]. Фиксируя такую картину, автор, возможно, подразумевал или свое незнание подобных обстоятельств в шхагской части страны или же, что они там разительно отличались от кяхских обыкновений.

Относительно последних, Хан-Гирей и впрямь проявлял замечательную осведомленность. Так, им указывалось, что «...для настоящего поколения низовых черкесов (тчах), Бзийкское поражение составляет эпоху» [Хан-Гирей 1974: 237]. И действительно, сложно не согласиться с тем, что в историческом сознании шхагского населения – это событие если и имело какой-то отзвук, то несопоставимый с тем как оно запечатлелось в коллективной памяти вовлеченных в кровопролитную военно-политическую коллизию бжедугов и шапсугов. Фиксируемые Хан-Гиреем культурные различия в черкесских макрорегионах этими наблюдениями не ограничились. «У низовых черкесских племен начинают каждый раз пение при раненом так называемой песней кракец...» – пишет он об одной особенности в проведении обряда *кIапиц* на западе Черкесии [Хан-Гирей 1974: 127].

Региональные особенности отмечаются им и в танцевальной культуре. Это обстоятельство проступает при упоминании «...известной у низовых черкесов плясовой песни купс...» [Хан-Гирей 1974: 128].

Культурно-исторический дуализм страны воплощался и в наличии соответствующих диалектных провинций *адыгэбзэ* мимо чего Хан-Гирей, разумеется, не прошел. «Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы... Второе есть общее у всех прочих племен, составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т.е. которым говорят низовые черкесы (выделено автором. – Т.А.)», – писал автор [Хан-Гирей 2008: 131]. О географических параметрах изоглоссы в черкесском диалектном континууме, совпадавшей с границами шхагских и кяхских политий позволяют судить источники. В «Песне скорби Гашогаг» отмечается: «По-над Лабю брожу, гляжу я, // Жду весточки с Кяха, // Слуха с низовья дожидаюсь... // С низовья, С Кяха песня скорби звучит» [Кабардинский... 2000: 385]. Артикулируя исторические предания о путях формирования диспозиции черкесских княжеств кубанского левобережья, Каменев отмечал, что «...Хатук (родоначальник княжества Хатукай. – Т.А.) [расположился] – от Афипса до Псекупса, а Болоток (устроитель кемиргоевского владения. – Т.А.) – от Псекупса до Ходза (левого притока Лабы. – Т.А.), не приближаясь к горам» [Каменев 2019: 103.]. Не случайно, поэтому потомок последнего – знаменитый Джамбулат, на востоке ограничивал территорию своих легитимных притязаний обозначенной географией. Его позиция гласила: «...и владения моих предков простирались по Кубани, от реки Лабы до Черного моря... Все должны это знать» [Щербина 1916: 86]. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что бассейн левобережной Лабы внутри черкесского языкового пространства образовывал изоглоссу, к примеру, наподобие, линии Бенрата, составляющей языковую границу между верхне- и нижненемецкими диалектами.

Наряду с упомянутыми примерами, значимым маркером шхагско-кахского дуализма предстает культура питья в Черкесии. «Относительно употребления пьяных напитков черкесов должно разделить на две части», – сообщал Хан-Гирей и, далее, разъяснял свой тезис, – а именно: на верхних, как-то: кабардинцев, бейс-ленейцев и маххошцев¹, некоторым образом к ним принадлежащих, и на низовых черкес, т.е. всех остальных племен».

О том, как эти различия проявлялись, автор весьма увлеченно распространялся в следующих словах: «Первые, можно сказать, всю зиму проводят в пьянстве: зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин **пить и веселиться** (выделено автором. – Т.А.) или к ним привозят крепкую мармезию. И тут по целым ночам пьют и забавляются: стрельба вторит испуганным их крикам, и дым пороха столбом носится над их восторженными головами и под сводом гостиниц или на открытом воздухе».

Так жила кабардинцы, когда были в совокупности, и другие им подражали; да и теперь тоже делают, сколько это позволяет спокойствие и достаток. Бывало, сказывают, во время народных сборищ всякую ночь князя и старшины проводили

в полном веселии и нередко тут дела решали или, по крайней мере, толковали об них в самом приятном расположении духа. Впрочем, и ныне старцы, вспоминая прошедшие дни беззаботной юности, составив особенные круги, напиваются нередко допьяна, да и молодые люди иногда не отстают от них в этих подвигах. Напротив того, низовые черкесы никаких напитков до неумеренности не употребляют, да и самые напитки, у них приготовляемые не так бражны» [Хан-Гирей 2008: 272, 273].

Хотя Хан-Гирей, без ложной скромности, и заявлял «о совершенном знании им Черкесии» все же осознавал, что его компетентность имела ограничения, поэтому следующую его оговорку следует признать подтверждением трезвой оценки своих познаний. «Должно заметить, как слова черкесские, здесь помещенные, так и описываемые мною обряды преимущественно употребительны между низовыми (тхач / тчах) черкесами» [Хан-Гирей 1974: 128]. На фоне внимания, уделенного им рассматриваемому предмету, вполне объяснима и авторская гипотеза о происхождении столь часто упоминаемой им номинации. «Надобно думать, что жанинцы с хеххадцами и вепснцами (которые, будучи слабее их, во всем согласовались с ними) составляли именно те колена черкесские, которые древними писателями названы чихами от слова дчах, под коим, как выше сказано, черкесы разумели в древние времена, как и ныне, низовых жителей» [Хан-Гирей 2008: 232]. Заметим, что и автор «Преданий черкесского народа» не оставался равнодушным к вопросу о связях аутентичной номинации *klax* с фигурантами древней этнической номенклатуры Западного Кавказа. «Косоги – это кеггахи, или чапсоги, названные сим испорченным именем иноплеменным народом... Могло быть, что имя русских исчезло в памяти народной и было заменено именем татар, которые заняли на западе то место, от которого приходили русские к косогам или кахам», – предполагал Ногма [Ногмов 1958: 118].

Переходя от «интерсубъективного» фокуса изнутри черкесского контекста к перспективе внешнего наблюдателя уместно обратиться к иностранным современникам вышеупомянутых авторов. Проживавший в черкесской среде несколько лет Леонтий Люлье писал, «...что кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют... всех же закубанцев, исключая бесленеевцев, – *кияхъ*, то есть *низовые жители*...» [Кавказ... 2014. 63]. Невнимательное прочтение этих строк в последующем привело к искаженному представлению будто только кабардинцы употребляли термин *кияхъ* в отношении «низовых жителей», в то время как из приведенной цитаты явствует, что это имя было и самоназванием закубанских черкесов за исключением бесленеевцев [Люлье 2004: 54].

Опыта «включенного наблюдения» другого автора также оказалось достаточно для артикуляции одного из элементов рассматриваемой бинарной системы. Карл Сталь следующим образом передавал циркулировавший в 40-х гг. XIX в. нарратив о складывании актуальной на тот момент констелляции политий и локально-исторических групп Черкесии. «После кабардинцев и бесленеевцев, по преданиям, выселились с побережья Черного моря темиргоевцы и гатукаевцы и, потеснив бесленеевцев, поселились в горах, где живут ныне абадзехи. После темиргоевцев перевалились через хребет и заняли подгорье по Нижней Кубани шапсуги, бжедухи и натхокуадж, после них махашевцы. Сии последние, потеснив темиргоевцев на плоскость (кях – нижняя земля), поселились на реке Белой, в Майкопском ущелье» [Кавказ... 2014: 335].

Полтора десятилетия спустя писавший по еще свежим следам уничтоженной страны Каменев был также чуток к рассматриваемому здесь предмету. Кяхско-шагаская семантическая дихотомия в его повествовании проступает более чем явственно.

Не вдаваясь в чрезмерное для настоящего текста подробное изложение сюжетов, в контексте которых автор эксплицирует модальность кяхско-шагаского взаимодействия, приведем лишь отрывки повествования, где этот феномен

представлен очевидным образом. «Будущие нутухайцы и шапсуги, носившие иногда название «кяхга» – низовых жителей, не в силах были сопротивляться нападению кабардинцев» [Кармов 2019: 119].

«Покорение народа кяхга сделало кабардинцев владельцами Хекужжа до ущелий, занятых убыхами, и первенствующим племенем в числе кавказских аборигенов» [Кармов 2019: 120].

«Произошло кровопролитное сражение, в котором приняли участие совместно с кабардинцами и подвластные им низовые жители» [Кармов 2019: 121]. Также имеется упоминание о том, что «... некоторые честолюбцы отправились искать счастья и власти к низовым жителям, среди которых положили начало дворянскому сословию» [Кармов 2019: 122].

«...Херзег из фамилии Анзорова, бросил кабардинцев, из реки Белой пробрался к низовым жителям... С водворением Абата у низовых жителей они начали именоваться нетхакуадже и шапсуг», – отмечает автор [Кармов 2019: 123].

Рассмотрев присутствие шхагско-кяхского бинарного кода в этнографических работах по черкесской культуре рассматриваемого периода нельзя не заметить, что, в превалирующей степени, на противоположном от компоненты *КIахэ* семантическом полюсе находится не изоморфная ей номинация *Щхьагъ(э)*, а имя собственное *Кабарда / кабардинский*. Объясняется это исторически сложившейся традицией словоупотребления упомянутых лексических единиц. С одной стороны, сложившаяся, по меньшей мере уже к исходу XIV в. в качестве самостоятельной политической единицы Кабарда на протяжении последующих веков (несмотря на последовательное отпадение Бесленеевского, Джиляхстанеевского и, наконец, Талостанеевского княжеств) оставался доминирующим политическим игроком в щхьаг`ской части страны. Непрерывная многовековая интегральная роль Кабарды в политическом пространстве Щхьагъ`а привела к преобладанию названия политики над номинацией, отражавшей географические и социокультурные реалии. Напротив, в кяхской части страны многополярность центров силы всегда составляла неизменную черту политического баланса в этом макрорегионе Черкесии. Вследствие этого *КIахэ* оставался неотменимым семантическим узлом в черкесском языковом пространстве.

Содержание этнографических штудий рассмотренного периода в целом и отразили подобное положение вещей.

Резюмируя, можно постулировать: в рамках исследовательских инициатив, предпринятых как черкесскими учеными, так и сторонними (но весьма заинтересованными) наблюдателями, зафиксированы аутентичные представления о базовом членении черкесского этнокультурного пространства парным концептом «*КIахэ-Щхьагъ(э)*», сложившимся на протяжении предыдущих веков. Показательно, что несмотря на разность исследовательских приоритетов и инструментария (диахрония / синхрония, интерес к языковым явлениям / прикладной интерес к актуальной политической конфигурации) привлеченные к анализу изыскания полустолетней давности единодушно валидируют индигенные концепты, отражающие диадические отношения между черкесскими макрорайонами.

Список источников и литературы

Адыгабзэм изэхаф... 2012 – *Адыгабзэм изэхаф гуыцIалъ* (Толковый словарь адыгейского языка) / Бырсыр Б.М. (ред.), Гыш Н.Т., ЗекIогъу У.С., Мэрэтыкъо Къ.Хъ., Тутурьщ М.К., Тхьаркъохъо Ю.А. Тэу (Хьабэхъумэ) Н.А. Т. II. Майкоп: ГБУ АРИГИ им. Т. Керашева. ОАО Полиграф Юг, 2012. Н. 1042.

Аутлев 1975 – *Аутлев П.У.* Из адыгской этнонимии // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 236–263.

Кабардинский фольклор... 2000 – *Кабардинский фольклор*. Общая редакция Г.И. Бройдо. Издание второе дополненное. Нальчик, 2000. 649 с.

Кармов 2019 – *Кармов Р. Блики*. Альтернативные изыскания по абазо-адыгской истории. Вып. 8. СПб., 2019. 288 с.

Кавказ... 2014 – *Кавказ*. Черкесия. Нальчик, 2014. Вып. 17. 440 с.

Люлье 2004 – Люлье Л.Я. Черкесия (Историко-этнографические статьи) // *Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века*. Нальчик, 2004. С. 41–86.

МыкIосэ жъуагъуэхэр... 1994 – *МыкIосэрэ жъуагъоэхэр*. Мыекъуапэ: Меоты, 1994. Н. 336. (Немеркнувшие звезды. Историко-героические песни, песни-плачи, пщинатли и рассказы. Майкоп: Меоты, 1994. 336 с. На адыг. яз.)

Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. 239 с.

Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Нальчик, 1974. 333 с.

Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.

Щербина 1916 – *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесогаяев. Екатеринодар. 1916. 396 с.

References

Tolkovyj slovar' adyghejskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Adyghe Language] / Bysyr B.M. (red.), G'yshch N.T., Zeklog'u U.S., Meretyk'o K».H»., Tuturyshch M.K., Th'ark»oh»o YU.A. Teu (H'abekh»ume) N.A. T. II. Majkop: GBU ARIGI im. T. Kerasheva. OAO Poligraf YUG, 2012. P. 1042. (In Adyghe)

AUTLEV P.U. *Iz adygskoj etnonimii* [From Adyg Ethnonymy]. IN: *Sbornik statej po etnografii Adygei* [Collection of Articles on the Ethnography of Adyghea]. Maykop, 1975. Pp. 236–263. (In Russian)

Kabardinskij fol'klor [Kabardian Folklore]. Obshchaya redakciya G.I. Brojdo. Izdanie vtoroe dopolnennoe. Nal'chik, 2000. 649 p. (In Russian)

KARMOV R. *Bliki. Al'ternativnye izyskaniya po abazo-adygskoj istorii* [Glare. Alternative studies on Abazo-Adyghe history]. Vyp. 8. SPb., 2019. 288 p.

Kavkaz: Cherkesiya [Caucasus: Circassia]. Nal'chik, 2014. Vyp. 17. 440 p. (In Russian)

LYUL'E L.YA. *Cherkesiya (Istoriko-etnograficheskie stat'i)* [Circassia (Historical and Ethnographic Articles)]. IN: *Landschaft, etnograficheskie i istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Landscape, ethnographic and historical processes in the North Caucasus in the 20th – early 20th centuries]. Nal'chik, 2004. pp.41 – 86. (In Russian)

Myklosere zhuagohe (Nemerknushchie zvezdy. Istoriko-geroicheskie pesni, pesniplachi, pshchinatli i rasskazy) [Unfading stars. Historical and heroic songs, lamentation songs, pschinatli and stories]. Majkop: Meoty, 1994. 336 p. (in Adyghe)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adyghejskogo naroda* [History of the Adyg People]. Nalchik, 1958. 239 p. (In Russian)

KHAN-GIREY. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Nalchik, 1974. 333 p. (In Russian)

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nalchik, 2008. 363 p. (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Istoriya Armavira i cherkesogayev* [History of Armavir and the Circassians]. Ekaterinodar. 1916. 396 p. (In Russian).

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 81.27

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-47-54

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2025

Аннотация. Цель исследования заключается в осуществлении анализа злободневной проблемы – ситуации с кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языком в Кабардино-Балкарской Республике, где они официально имеют статус государственных языков. Насколько они соответствуют указанному положению по выполняемым ими функциям в настоящее время, если не соответствуют, какие меры нужно предпринимать для того, чтобы данные языки были затребованы обществом сполна – найти ответы на такие вопросы – вот основные задачи, поставленные в этой статье. Сохранение и развитие языков титульных наций входит в один из важнейших предназначений национальных автономий в составе Российской Федерации, и власти КБР делают немало для этого: функционируют газеты, журналы, радио, телевидение, театры и т.д. на национальных языках. Тем не менее, время показывает, что при нынешних глобализационных процессах всего этого оказывается недостаточно для того, чтобы кабардинский и балкарский языки не оказались в числе исчезающих. Для избежания подобной опасности единственным выходом является их внедрение во внутреннее делопроизводство. Достижимо ли это – время покажет. Но в настоящее время имеются ряд возможностей для укрепления позиций родных языков и продления их жизни. Они и предлагаются в этой статье.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, карачаево-балкарский язык, государственный язык, закон о языках, глобализация, ассимиляция

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Проблема функционирования языков коренных народов Северного Кавказа в условиях глобализации (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 47–54. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-47-54

Original article

THE PROBLEM OF FUNCTIONING OF THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION (USING THE EXAMPLE OF KABARDINO-BALKARIA)

Boris Ch. Bizhoev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian

Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhiov1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhiov, 2025

Abstract. The purpose of the study is to analyze a topical problem—the situation with the Kabardino-Cherkess and Karachay-Balkarian language in the Kabardino-Balkarian Republic, where they officially have the status of state languages. How much they correspond to the indicated provision on the functions they perform at the present time, if they do not match what measures must be taken so that these languages are requested by the company – to find answers to such questions – these are the main tasks posed in this article. The preservation and development of the languages of titular nations is one of the most important destinations of national autonomies as part of the Russian Federation, and the KBR authorities do a lot for this: newspapers, magazines, radio, television, theaters, etc. function. In national languages. Nevertheless, time shows that with the current globalization processes of all this, it is not enough for the Kabardinsky and Balkarian languages to be not among the endangers. To avoid such a danger, the only way out is their introduction into internal paperwork. Is it achievable – time will tell. But at present there are a number of opportunities for strengthening the positions of native languages and prolonging their life. They are proposed in this article.

Keywords: Kabardino-Circassian language, Karachay-Balkar language, state language, law on languages, globalization, assimilation

For citation: Bizhiov B.Ch. The Problem of Functioning of the Languages of the Indigenous Peoples of the North Caucasus in the Context of Globalization (using the example of Kabardino-Balkaria). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 47–54. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-47-54

Комплекс нерешенных вопросов о малочисленных языках мира и нахождение новых методов сохранения их во времени и пространстве – одна из важнейших проблем современной лингвистики [Габуня, Тирадо 2011: 10].

Нынешняя ситуация с кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языком вызывает серьезную озабоченность как у специалистов, так и в среде интеллигенции, несмотря на закрепленный в Конституции КБР высокий их статус как государственных [Конституция 2006]. По оценке лингвистов, указанные языки относятся к категории «неблагополучных» языков, причем наблюдается усиление ряда факторов, неблагоприятно влияющих на их функционирование (высокий уровень урбанизации, массовая миграция сельского населения в города, где в условиях полиэтнического общества доминирующим является русский язык и т.д.).

В данной работе дается оценка общего состояния кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков в Кабардино-Балкарии. На основе результатов исследования, а также с учетом международного опыта предлагается ряд мер, направленных на оздоровление ситуации с кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языком. В сказанном и заключаются цель и задачи статьи.

Теоретической базой послужили труды исследователей, занимавшихся данной проблематикой: С.К. Башиева [Башиева и др. 2016], Б.Ч. Бижоев [2013; Бищю 2008; Бижоев, Хакуашева 2014], З.М. Габуня, Р.Г. Тирадо [Габуня, Тирадо 2010], Т.Т. Камболов [Камболов 2002], В.А. Чирикба [Чирикба 2012].

Несмотря на появление целого ряда работ, посвященных данной тематике, многие ее аспекты требуют дальнейшего анализа, поэтому актуальность предлагаемого исследования не вызывает сомнений. Одной из важнейших проблем, волнующих в настоящее время всех представителей непредставленных, т.е. не имеющих своей государственности народов – это будущее их родного языка. Над ними нависла угроза утери своей национальной идентичности, что, в первую очередь, относится к родному языку. К сожалению, в последние годы в нашей стране наметилась тенденция по ограничению роли языков нерусских народов, которая проявляется в том, что сокращается время, уделяемое им в учебном и воспитательном процессе, вплоть до того, что они объявлены необязательными. И это не может не вызвать тревогу и возражение [Бижоев, Хакуашева 2014].

Если первоначально Закон об образовании гласил, что «вопрос изучения государственных языков в составе Российской Федерации регулируется законодательством этих республик», то впоследствии в него заложены положения, выводящие конкретные вопросы языковой политики с субъектного уровня на федеральный [Каболов 2002: 16]. Наряду с вышеприведенным примером можно указать на то, что вопросы реформирования или смены письменности, графики, орфографии родных языков народов РФ находится в ведении Российской Федерации, школьные учебники по родным языкам и литературам должны пройти экспертизу на федеральном уровне и т.д.

В данной статье речь пойдет в основном о кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, но, несомненно, это касается всех малочисленных народов, по крайней мере для северокавказских языков. Необходимо подчеркнуть, что распространенное мнение о том, что малочисленность этноса является угрозой для его языка, небезосновательно, однако фактором устойчивого сохранения языка является не столько число его носителей, сколько «социальный статус языка, его престижность и та роль, которую данный язык играет в социально-экономической и культурной жизни данного сообщества [Чирикба 2012: 7]. Именно на эти стороны нужно акцентировать свое внимание при анализе состояния того или другого языка.

Название «кабардино-черкесский» утвердилось как официальный научный термин, его носители территориально разделены на исторической родине на два субъекта Российской Федерации – Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую Республики. Такова ситуация и с карачаево-балкарским языком [Башиева и др. 2016: 4]. Официально жителей Кабардино-Балкарии фиксируют как кабардинцев и балкарцев, а жителей Карачаево-Черкесии – карачаевцами и черкесами, хотя и те, и другие один народ, и язык у них один и тот же. В пределах Северного Кавказа по количеству носителей кабардино-черкесский язык находится в числе лидеров – по последним данным около 600 тысяч, большая часть народа живет вне своей исторической родины, в основном в Турции – так получилось в результате массового выселения людей во время и после Кавказской колониальной войны. Носителей карачаево-балкарского языка около 270 тысяч.

Кабардино-Балкария является формой национальной автономии, в связи с чем одной из важнейших функций данного субъекта Российской Федерации является сохранение и развитие родных языков титульных народов – кабардинцев и балкарцев. На такую задачу нацелен закон республики о языках, который введен в действие с 1995 года [Закон 1995]. Еще раньше была принята Конституция КБР, которая придала статус государственного кабардинскому и балкарскому языкам [Конституция 2006].

Воплощением в жизнь требований Конституции и названного закона заняты целый ряд республиканских государственных органов: министерства образования и науки, культуры, по делам национальностей. Подобная задача войдет в обязанности созданного сравнительно недавно министерства по делам молодежи. Проблемы, связанные с родными языками, регулярно обсуждаются и принимаются решения по их устранению в Парламенте КБР. Начиная с постперестроечных лет активно подключились к данной сфере национальные общественные организации.

Результатом совместной деятельности государства и общества является нынешнее состояние дел. Конкретно оно выглядит следующим образом.

Кабардинский и балкарский языки в качестве регионального компонента входят во все дошкольные воспитательные и школьные и другие образовательные учреждения республики. Родным языкам и литературам в школе отводится 3 часа в неделю, в детских садах по ним проводятся 2–3 занятия в неделю. Министерством образования и науки с 2020 года проводится работа по модернизации учебников по родным языкам и литературам и вводу их в федеральный реестр. К настоящему

времени новые учебники получили учащиеся 1–6-х классов, вплоть до 11 класса процесс будет завершён в 2025 году. Учебники имеют, наряду с печатным, также и электронные версии. Обновляются и вспомогательные пособия, расширяется их круг. Все это, несомненно, будет способствовать повышению уровня преподавания данных дисциплин, но вместе с тем необходимо отметить, что, по мнению педагогов и родителей, отводимого времени явно недостаточно даже для сносного овладения родными языками. Ещё более проблематично состояние дел в детских садах – здесь необходимо ежедневное общение с детьми на родном языке, чтобы они пришли в школу, владея речью. Министерство образования с прошлого года ведёт эксперимент по созданию в дошкольных детских учреждениях кабардинских и балкарских языковых групп, время покажет эффективность подобного решения проблемы.

Сохранению и развитию родных языков способствуют и другие факторы: успешное функционирование национальных театров драмы, постановки спектаклей на кабардинском и балкарском также в музыкальном и эстрадном театрах, театре кукол; издание республиканских газет «Адыгэ псалъэ» на кабардинском и «Заман» на балкарском языках, отвод места данным языкам и в других республиканских и районных газетах, выход литературно-художественных журналов «Ошхамахо» и «Минги-тау», детских ежемесячных журналов «Нур» и «Нюр». Большая часть вещания республиканского радио и телевидения идет на родных языках, причем радио работает круглосуточно, телевидение – каждодневно 10 часов, в ближайшей перспективе переход последнего на круглосуточное вещание. В республике функционирует государственное книжное издательство «Эльбрус», а также ряд частных издательских типографий, которые каждый год выпускают десятки разножанровых книг на кабардинском и балкарском языках, но, к сожалению, их тиражи из года в год падают, т.е. количество людей, читающих книги, уменьшается. Это отражается и на тиражах газет и журналов.

Нельзя обойти вниманием и деятельность общественных организаций – их сотрудничество с властями приносит свои плоды. В качестве удачного примера можно привести проводимый в республике уже более 20 лет конкурс «Родной язык – душа моя», в котором принимают участие огромное количество учащихся со всех населённых пунктов КБР. По сути каждое мероприятие в рамках указанного проекта становится праздником родного языка, который охватывает фактически все население того села или города, где оно проходит. Ежегодно также организуются олимпиады, где выявляются наиболее преуспевающие по родному языку и литературе учащиеся. Их победителей приглашают на продолжение учебы в Кабардино-Балкарский госуниверситет, который готовит специалистов по родным языкам и литературам – не только учителей, но и ученых-филологов. Лучшие выпускники вуза имеют возможность поступить в аспирантуру нальчикского университета или же Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (КБНЦ РАН).

Уместно остановиться на участии последнего в анализируемом процессе. В Институте гуманитарных исследований – филиале данного центра в структуре имеются ряд подразделений, деятельность которых непосредственно связана с кабардино-черкесским или карачаево-балкарским языком. Это сектора по языку, фольклору и литературе отдельно для каждого языка. Не углубляясь далеко в прошлое, можно отметить, что за последние 15–20 лет сотрудниками указанных секторов разработаны и изданы значительное количество трудов, одно перечисление которых займет много места. Языковедами подготовлены национально-русские и русско-национальные, толковые, фразеологические, синонимические академические словари и научные грамматики как на русском, так и на родном языках. Кроме этого, по заказу Министерства образования республики ученые составили специальные школьные (учебные) словари, ими же написаны ряд школьных

учебников. Сектора по национальным литературам разработали историю их становления, им же принадлежат монографические исследования по творчеству ведущих поэтов и писателей в двух вариантах – на русском и родном языке. Фольклористы на базе богатого архива Института фактически каждый год издают сборники с разными жанрами устного народного творчества.

Все перечисленное является надежной базой для успешной организации учебного процесса по родным языкам и литературам как в школах, так и в средних специальных и высших учебных заведениях.

Родные языки, как видно из сказанного, не остаются без внимания со стороны как властей, так и общества. Однако это не значит, что с их положением все гладко. Ситуация серьезно усугубилась за последние 25–30 лет. Чтобы разобраться в причине этого, необходимо ответить на вопрос: что же до этого помогало сохранять родной язык в незыблемости?

Вплоть до конца прошлого века были представители народа, которые вовсе не владели или же плохо знали русский язык. Это старшее поколение, т.н. бабушки и дедушки. И в семьях общение происходило на родном, не только с ними, но и между другими членами семьи, чтобы разговор был доступен всем. Переход на иной язык считался дурным тоном, неуважительным отношением к старшим. Эти же бабушки и дедушки были учителями для своих внуков, проживавших в городах в иноязычной среде. Связь кабардинцев и балкарцев – горожан с родным селом не прерывалась – они, как правило, почти каждый свой выходной ездили всей семьей в родное село, их дети все свои каникулы проводили там в общении с сельскими родственниками и таким образом неплохо овладевали родным языком.

Необходимо также отметить, что в Советском Союзе советская власть при всех своих недостатках все же уделяла внимание развитию языка и культуры нерусских народов – это было важнейшей частью государственной политики. Исключительно благодаря ей такие малочисленные народы, как кабардинцы и балкарцы, смогли создать свою национальную литературу, свои театры, филармонии, газеты и журналы и т.д. Было введено изучение родного языка и литературы в школах и других учебных заведениях, готовились национальные кадры по всем этим отраслям не только на местах, но также в Москве, Ленинграде, других крупных городах страны. Так, например, центрами подготовки специалистов по изучению адыгских и других северокавказских языков стал кроме уже названных городов также и Тбилиси – столица Грузии. Уже в 1930-е годы прошлого века заработало радиовещание на родном языке, которое охватывало все населенные пункты республики. Позже, уже в 1950-е годы, задействовало и телевидение. И у радио, и у местного телевидения была широкая аудитория слушателей, можно уверенно сказать, таковыми были все носители языка. Кабардиноязычные и балкароязычные газеты и журналы, а также художественная литература выходили крупными тиражами – они поступали почти в каждую кабардинскую и балкарскую семью и их активно читали.

Все перечисленное обеспечивало не только стабильное функционирование родных языков, но и его дальнейшее обогащение и развитие.

Обстановка в корне стала меняться с момента развала СССР – с 90-х годов XX века. В так называемые годы перестройки был небольшой период эйфории по поводу наступившей демократии. Казалось, что она намного расширит возможности по сохранению национальной идентичности, в том числе и родного языка. Но вскоре обнаружилось, что это было заблуждением. Пророческими были слова К. Маркса о том, что капитализм уничтожает нации. Как ни странно, но закрытость границ СССР как бы служила оберегом для языков его малочисленных народов. Мировая глобализация, развитие цивилизации, прогресс науки и техники – все это ускоренными темпами ведет к ассимиляции не только таких малочисленных этносов, как наши, но даже многомиллионных, если они не

имеют своей государственности, где родной язык являлся бы официальным, т.е. на нем велось бы внутреннее делопроизводство.

Теперь о современной ситуации с кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языками. Что изменилось за три десятилетия, прошедшие с момента смены советской власти?

Видимо, стоит начать с правового статуса кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков в Российской Федерации.

Разработанная в 1990-х годах законодательная и нормативно-правовая база (Конституция РФ, закон «О языках народов РФ», Концепция региональной политики в РФ, закон «Об образовании») предоставляла большие возможности республикам в составе РФ по сохранению и развитию языков и культур коренных народов, но время показало, что эти акты оказались малоэффективными и не смогли остановить дальнейшую языковую ассимиляцию.

Выше сказано о тех фактах, которые до недавнего времени служили опорой родного языка. Но обстановка изменилась за короткое время неузнаваемо. Теперь трудно найти кабардинца и балкарца, который не мог бы изъясняться на русском языке, в настоящее время бабушки и дедушки нередко вместо того, чтобы обучать внуков родному языку, сами предпочитают говорить с ними на русском. С другой стороны, объем такого общения также сократился в разы из-за того, что дети предпочитают вместо того, чтобы слушать бабушкины сказки, сидеть у экрана телевизора или же возиться со смартфоном. Именно они – многоканальное телевидение и всемирная паутина – Интернет являются в настоящее время главной опасностью для будущего родного языка: ведь в этих источниках наши родные языки присутствует в мизерной доле и они никак не могут конкурировать с русским или английским языком. Дело дошло до того, что даже в чисто кабардинских и балкарских селениях сейчас подрастающее поколение с ранних лет начинает предпочитать говорить на этих языках. В школах по-прежнему преподают родной язык, но он теперь не обязателен, родители могут отказаться от него, часть из них так и поступает, считая, что не стоит тратить время и силы на то, что в дальнейшем нигде не пригодится. Можно их упрекать в отсутствии любви к родной словесности, но необходимо признать тот факт, что люди избавляются от всего, что не имеет практического применения. Допустим, совместными усилиями родителей и учителей ребенка научили говорить и даже писать на родном языке, но после того, как он повзрослел, где он будет пользоваться этим языком? Если бы этот язык не только на бумаге, но и в жизни выполнял функцию государственного языка, т.е. если на нем велось бы делопроизводство – одно дело, но если этого нет – он быстро забудет свои познания по родному языку. В советское время в школе и Вузе обучали иностранным языкам – кого-то английскому, кого-то немецкому, а практически их применять было негде – выезжать за границу удавалось лишь немногим, даже зарубежные радио не было возможности слушать, поскольку их нещадно глушили. Вот и люди быстро забывали все, что было усвоено. Примерно также получается сейчас с родным языком.

Нельзя не упомянуть еще один факт, который не способствует стабильности родного языка: значительная часть его носителей в настоящее время живет и работает за пределами своей малой родины. В результате массовой миграции населения, особенно молодежи, в поисках нормально оплачиваемой работы десятки тысяч кабардинцев и балкарцев переехали в Москву, Санкт-Петербург и другие города. Не так много, но определенное количество людей оказалось в зарубежных странах. По всей вероятности большинство из них там и останутся навсегда, и нет никакой гарантии, что их дети, а тем более внуки будут владеть родным языком.

В качестве вывода можно вернуться к ранее высказанной мысли: языки, не имеющие статуса государственного, рано или поздно исчезнут, как ни горько этот факт констатировать.

Но все же не хочется завершить на минорной ноте. Наш вывод касается нынешнего положения вещей. Но есть еще надежда, что со временем все изменится в лучшую сторону. Не хочется верить в то, что языки постигнут такую же участь, как исчезающие с земного шара многие представители флоры и фауны.

В качестве рекомендаций по продлению жизни родного языка предлагаем следующие. Часть из них была обнародована раньше [Бижоев 2011: 14–15; Биццло 2008: 373]:

1. В школьной программе необходимо увеличить время, отводимое родному языку – вместо нынешних 3-х часов в неделю хотя бы до 1 часа каждый учебный день – 5–6 часов.

2. В дошкольных детских учреждениях создать языковые группы, где также ежедневно общаться с детьми на родном языке.

3. Запустить круглосуточный телеканал, вещающий только на родном языке и транслировать его через спутник, и таким образом сделать доступным для всех представителей народа, где бы они не проживали.

4. Более активно внедрить родной язык в интернет, предлагая его пользователям материалы, которые их интересуют.

Список источников и литературы

Башиева, Улаков, Хамдохова 2016 – *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. 172 с.

Бижоев, Хакуашева 2014 – *Бижоев Б. Ч., Хакуашева М.А.* Проблема в анонимной политической воле // Газета Юга. 26 июня. Нальчик. 2014.

Бижоев 2011 – *Бижоев Б.Ч.* О месте языков народов Российской Федерации в общеобразовательных школьных учреждениях // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Материалы Международной конференции. Нальчик: КБГУ, 2011. С. 10–15.

Бижоев 2013 – *Бижоев Б.Ч.* О статусе языков нерусских коренных народов Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 13. С. 159–161.

Биццло 2008 – *Биццло Б. Ч.* Ди бзэр тхъумэжыну дыхуеймэ // Гуашхъэмахуэ. № 1–2. Нальчик, 2008. Нап. 370–374.

Биццло 2005 – *Биццло Б. Ч.* Ди анэдэльхубзэм и къэкIуэзум теухуауэ // Бижоев Б.Ч. Грамматические и лекско-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.

Габуниа, Тирадо 1996 – *Габуниа З.М., Тирадо Р.Г.* Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 589 с.

Государственная программа ... 1996 – *Государственная программа* развития языков народов КБР // «Кабардино-Балкарская правда» № 31. Нальчик, 1996.

Закон КБР ... 2002 – *Закон КБР* «О языках народов Кабардино-Балкарской республики. 16 января 1995 г.

Камболов 2002 – *Камболов Т.Т.* Опыт языковой политики и приоритеты языкового строительства в республике Северная Осетия – Алания. Владикавказ: из-во СОГУ, 2002. 96 с.

Конституция ... 2006 – *Конституция* Кабардино-Балкарской республики (в редакции, принятой Конституционным собранием КБР 12.07.2006).

Чирикба 2012 – *Чирикба В.А.* Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2012. 64 с.

References

BASHEVA S.K., ULAKOV M.Z., KHAMDOKHOVA ZH.M. *Yazykovaya situatsiya v Kabardino-Balkarskoj Respublike: sostoyanie i problem* [Language situation in the Kabardino-Balkarian Republic: state and problems]. Nalchik: KBNC RAS, 2016. 172 p. (In Russian)

BIZHOEV B.CH. *O meste yazykov narodov Rossijskoj Federacii v obshcheobrazovatel'nyh shkol'nyh uchrezhdeniyah* [On the Place of Languages of the Peoples of the Russian Federation in General Education School Institutions]. IN: Yazyk, kul'tura, etiket v sovremennom politicheskom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Nal'chik: KBGU, 2011. P. 10–15. (In Russian)

BIZHOEV B.CH. *O statuse yazykov nerusskikh korennykh narodov Rossijskoj Federacii* [On the status of languages of non-Russian indigenous peoples of the Russian Federation]. IN: Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2013. No. 13. P. 159–161 (In Russian)

BIZHOEV B.CH., KHAKUASHEVA M.A. *Problema v anonimnoj politicheskoy vole* [The Problem in Anonymous Political Will]. IN: Gazeta Yuga. 26 iyunya. Nal'chik. 2014. (In Russian)

BISHCHIO B.CH. *Di bzer th''umezhynu dyhuejme //* [If we want to preserve our native language]. IN: Iuashchkh'emahue. № 1–2. Nalshyk, 2008. P. 370–374. (In Kabardino-Circassian)

BISHCHIO B.CH. *Di anedel''hubzem i k''ekluenum teuhuaue* [About the future of our native language]. IN: Bizhiov B.CH. Grammaticheskie i leksko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka. Nal'chik: El'-Fa, 2005. 352 p. (In Russian)

CHIRIKBA V.A. *Razvitie abkhazskogo yazyka v usloviyah politicheskogo obshchestva: vyzovy i perspektivy* [The development of the Abkhaz language in the conditions of polyetonic society: challenges and prospects]. Sukhum, 2012. 64 p. (In Russian)

GABUNIA Z.M., TIRADO R.G. *Malochislennye yazyki v tret'em tysyacheletii i processy globalizacii* [Minor languages in the third millennium and globalization processes]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. 589 p. (In Russian)

Gosudarstvennaya programma razvitiya yazykov narodov KBR [State program for the development of languages of the peoples of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: Kabardino-Balkarskaya Pravda. No. 31. Nalchik, 1996. (In Russian)

KAMBOLOV T.T. *Opyt yazykovoj politiki i priority yazykovogo stroitel'stva v respublike Severnaya Osetiya – Alaniya* [Experience of language policy and priorities of language construction in the Republic of North Ossetia – Alania]. Vladikavkaz: SOGU Publishing House, 2002. 96 p. (In Russian)

Konstituciya Kabardino-Balkarskoj respubliki (v redakcii, prinyatoj Konstitucionnym soboraniem KBR 12.07.2006) [Constitution of the Kabardino-Balkarian Republic (as amended by the Constitutional Assembly of the KBR 12.07.2006)]. (In Russian)

Zakon KBR «O yazykah narodov Kabardino-Balkarskoj respubliki. 16 yanvarya 1995 g [The Law of the KBR “On the languages of the peoples of the Kabardino-Balkarian Republic. January 16, 1995]. (In Russian)

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhiov – Doctor of Science (Philology), Leading researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025; одобрена после рецензирования 11.06. 2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 01.06.2025; approved after reviewing 11.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-55-64

АДЫГЭБЗЭМРЭ АДЫГЕИБЗЭМРЭ ЗЭХЭЛЪЫКІӘКІӘ ШЫЗЭТЕХУЭ ПСАЛЪЭХЭМ ЯІӘ ШХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Дзыгъуанэ Ритэ Хъэбалэ ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІә институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІә «Урысейм шІэныгъэхэмкІә и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Дзыгъуанэ Р.Хъ., 2025

Аннотаци. Лэжыгъэм и мурад нэхьыщхьэр зытеухуар адыгэбзэмрэ адыгейбзэмрэ (кІахэбзэмрэ) я лексикэм шыщу зэхэлъыкІәкІә зэтехуэу, ауэ мыхъэнэкІә зэпэжыжъэ е зэтемыхуэж хъуа псалъэхэр къэгъэнэхуэнырщ Апхуэдэ псалъэхэм, лексикэ (мыхъэнэ) ильэныкъуэкІә имызакъуэу, фонетикэ ильэныкъуэкІә шхъэхуэныгъэ гуэрхэр ягъэлъагъуэ. Ахэр гъэнэлунри лэжыгъэм и къалэнхэм хохъэ. Абы къыхэкІыу, дызыкІэлыпль бзитІми я лексикэм зэхэлъыкІәкІә шызэтехуэу хэт псалъэхэр гупитІу дгуэшащ: 1) зи мыхъэнэ нэхьыщхьэр зэкІуалэу, зэгъунэгъуу бзитІми къышчыкІуэ псалъэхэмрэ; 2) мыхъэнэ зэмышхъэ яІәу, ауэ зэхэлъыкІәкІә зэтехуэу къэна псалъэхэмрэ. ГупитІми хыхъэ псалъэхэр тхыпкъыльбэкІә шызэкІэлыхъащ, мыхъэнэгъэнахуэхэр тхыхъхэм дэту къышчыжъауэ. Лэжыгъэм зэгъэпщэныгъэ метод къышчыдгъэсэбэпащ икІә адыгэбзэми кІахэбзэми лексикэ зэгъэпщэныгъэ лэжыгъэ щезыгъэкІуэкІә шІэныгъэлІ цІэрыІуэхэм я тхыгъэхэр лъабжъэ хуэтщІыжаш.

Ди къэхутэныгъэм къызэщІиубыдэ лексикэ Іыхъэм бзитІми (адыгэбзэми кІахэбзэми) шызэтехуэ псалъэхэм фонетикэ ильэныкъуэкІә ягъуэта зэхуэкІыныгъэ машІэхэр адыгэбзэ фонетикэм и хабзэм зэрэзэгъыр къышчыдгъэлыгъуащ. ГупитІу дгуэшауэ дызыкІэлыпль псалъэхэм я япэ гупым – зи мыхъэнэ нэхьыщхьэр зэтехуэ, зэкІуалэухэм я бжыгъэр нэхьыбэ мэхъу, зэхэлъыкІә къудейкІә зэтехуэу, зи мыхъэнэхэр зэщхъыщкІахэм нэхьрэ. БзитІми къахэдгъэшхъухуа псалъэхэм къызэщІаубыдэ дуней къэхьукъащІэм епха псалъэхэм щегъэжъауэ, цІыхухэм я Іэпкъыльэпкъхэм я цІэхэр, лэжыгъэцІэхэр, гъавэм, шхын лІэужыгъуэхэм я фІэщыгъэхэр, пхъэщхъэмышхъэхэм я фІэщыгъэцІэхэр, ухуэныгъэм епха псалъэхэр, шыгъынхэм, хъэкъушыкъуэхэм я фІэщыгъэхэри къызэщІиубыдэу, нэгъуэщІхэри къынэмышІхэри.

Къыхэгъэщыпхъэщ мы лэжыгъэм дызыкІэлыпль бзитІми я лексикэм къэпсэлъыкІәкІә, мыхъэнэкІә зэтехуэу хэт псалъэхэр зэрыхэдмыгъэхьар.

Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуамкІә, бзитІми (къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэми адыгейбзэми) я лексикэм зэхэлъыкІәкІә зэтехуэу къыхэдгъэща лъэужхэр адыгэбзэ шадж филологие факультетхэм КъБР-ми, КъШР-ми, Адыгейми шыІэ еджапІэ нэхьыщхъэхэм сэбэп яхуэхунуш. Апхуэдэу бзэщІэныгъэлІхэми, бзэ зыджхэми, езыгъаджэхэми нэмышІ, тхыдэтххэми я дежкІә шхъэпэну ди гугъэщ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: зэгъэпщэныгъэ, адыгейбзэ, къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэ, лексикэ, тхыпкъыль

Цитатэ къызэрыхъхъыну: Дзыгъуанэ Р.Хъ. Адыгэбзэмрэ адыгейбзэмрэ зэхэлъыкІәкІә шызэтехуэ псалъэхэм яІә шхъэхуэныгъэхэр // Вестник КБІГІ. 2025. № 2 (65). С. 55–64. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-55-64

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СЛОВ, СОВПАДАЮЩИХ ПО СТРУКТУРЕ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ И АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Дзуганова Рита Хабаловна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Р.Х. Дзуганова, 2025

Аннотация. Целью данного исследования является выявление из словарного состава кабардино-черкесского и адыгейского языков слов с одинаковой структурой, но имеющие некоторые семантические сдвиги. Такие слова имеют определенные особенности, как в лексико-семантическом плане, так и в плане фонетики. Анализ материала показывает, что фонетические изменения, наблюдаемые в исследуемой группе слов, вполне вписываются в рамки фонетических законов, действующих в адыгских языках. Относительно семантических изменений рассматриваемые слова можно разделить на две группы: 1) слова, где основное содержание совпадают (или близки) в обоих языках; 2) слова, которые имеют одинаковый фонетический облик, но где семантика подверглась изменению. Слова, входящие в состав исследуемых групп, обозначают названия разнообразных явлений и предметов, начиная с названий природных явлений, предметов домашнего обихода, одежды, кушаний, названий деревьев, фруктов, сюда входят многие глагольные лексемы, слова, обозначающие абстрактные понятия и т.д. Чтобы определить соответствия и различия в лексике указанных языков, в работе использовался метод сравнительного анализа. Теоретической базой данной статьи послужили сравнительно-исторические исследования известных адыгovedов по лексикологии.

Следует отметить, в анализируемые группы не вошли слова, имеющие одинаковое звучание и содержание в адыгских языках.

Анализ материала показал, что количество слов, сохранивших семантическую близость в исследуемых языках, значительно больше, чем в той группе слов, где произошли семантические сдвиги. Результаты исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов на филологических факультетах университетов в КБР, КЧР и Адыгее. Они могут быть полезны не только исследователям современных адыгских языков, но и тем, кто изучает историю указанных языков.

Ключевые слова: сравнительный анализ, адыгейский язык, кабардино-черкесский литературный язык, лексика, алфавит

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. Особенности слов, совпадающих по структуре в кабардино-черкесском и адыгейском языках // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 55–64. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-55-64

Original article

FEATURES OF WORDS WITH THE SAME STRUCTURE IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN AND ADYGHE LANGUAGES

Dzuganova Rita Khabalovna

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© R.Kh. Dzuganova, 2025

Abstract. The purpose of this study is to identify words with the same structure, but having some semantic shifts, from the vocabulary of the Kabardino-Circassian and Adyghe languages. Such words have certain features, both in the lexical-semantic plan and in the phonetic plan. The analysis of the material shows that the phonetic changes observed in the

studied group of words fit well into the framework of the phonetic laws operating in the Adyghe languages. With respect to semantic changes, the words under consideration can be divided into two groups: 1) words where the main content is the same (or close) in both languages; 2) words that have the same phonetic appearance, but where the semantics has undergone changes. The words included in the studied groups denote the names of various phenomena and objects, starting with the names of natural phenomena, household items, clothing, food, names of trees, fruits, this includes many verbal lexemes, words denoting abstract concepts, etc. In order to determine the correspondence and differences in the vocabulary of these languages, the method of comparative analysis was used in the work. The theoretical basis for this article was comparative historical studies of famous Adyghe scholars in lexicology.

It should be noted that the analyzed groups did not include words that have the same sound and content in the Adyghe languages.

The analysis of the material showed that the number of words that have retained semantic proximity in the studied languages is significantly greater than in the group of words where semantic shifts occurred. The results of the study can be used when reading special courses at the philological faculties of universities in the Kabardino-Balcar Republic, Karachay-Cherkessia and Adyghea. They can be useful not only for researchers of modern Adyghe languages, but also for those who study the history of these languages.

Keywords: comparative analysis, Adyghe language, Kabardino-Circassian literary language, vocabulary, alphabet

For citation: Dzuganova R.Kh. Features of words with the same structure in the Kabardino-Circassian and Adyghe languages. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 55–64. (In Kabardino-Circassian) DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-55-64

Зы зэман зыбзэу шыта адыгэбзэмрэ адыгейбзэмрэ (кӀахэбзэмрэ) я лексикэм, зэрыгурыуэгъуэщи, псалтэ куэд хэтщ я зэхэлтыкӀэкӀи, я мыхьэнэкӀи щызэтэхуэу. Ауэ я зэхэлтыкӀэкӀэ зэтэхуэу мыхьэнэкӀэ зэпэжыжьэ е зэтемыхуэж хьуа псалтэхэм я бжыгэхэри мащӀэкъым. Ахэр гьэнэӀуэным, абыхэм яӀэ щхьэхуэныгэхэр къэгъэлтэгъуэным теухуаш мы лэжыгьэр.

ДызыкӀэлтыплъ бзитӀми я лексикэм зэхэлтыкӀэкӀэ щызэтэхуэу хэт псалтэхэр гупитӀу бгуэш хьунуш: 1) зи мыхьэнэ нэхьыщхьэр экӀуалӀэу, зэгъунэгъуу бзитӀми кыщыкӀуэ псалтэхэр; 2) мыхьэнэ зэмыщхь яӀэу, ауэ зэхэлтыкӀэкӀэ зэтэхуэу къэна псалтэхэр. ГупитӀми хыхьэ псалтэхэр лэжыгьэм тхыпкыльэкӀэ щызэкӀэлтыхьаш, мыхьэнэгъэнахуэхэр тхыхьхэм дэту кыщыхьыжащ. Лэжыгьэм зэгъэпщэныгъэ метод кыщыдгъэсэбэпащ икӀи адыгэбзэми кӀахэбзэми лексикэ зэгъэпщэныгъэ лэжыгьэ щезыгъэкӀуэкӀа щӀэныгъэлӀ цӀэрыуэхуэ Балъкьэр Б.Хь. (1970), Къумахуэ М.И. (1981), Къумахуэ З.Ю. (1972), Шагъыр И.Кь. (1962, 1982, 1989), Гыш Н.Т. (1989), Апажэ М.Л. (2000), Абдокъуэ И.И. (1973) сымэ я тхыгэхэр лъабжьэ хуэхуаш. Апхуэдэу адыгэбзэкӀи (1999), кӀахэбзэкӀи (1960) щылэ мыхьэнэгъэнахуэ псалтэхэри лэжыгьэм кыщыдгъэсэбэпащ.

Ди къэхутэныгъэм кызыщӀиубыдэ лексикэ Ӏыхьэм бзитӀми (адыгэбзэми кӀахэбзэми) зэхэлтыкӀэкӀэ щызэтэхуэ псалтэхэм фонетикэ илъэныкъуэкӀэ ягъуэта зэхьуэкӀыныгъэ мащӀэхэр адыгэбзэ фонетикэм и хабзэм йозагъэ. ГупитӀу гуэшауэ дызыкӀэлтыплъ псалтэхэм я япэ гупым – зи мыхьэнэ нэхьыщхьэр зэтэхуэ, экӀуалӀэхэм я бжыгьэр нэхьыбэ мэхьу, зэхэлтыкӀэ къудейкӀэ зэтэхуэу, зи мыхьэнэхэр зэщхьыщкӀахэм нэхьэр. БзитӀми кыхэдгъэщхьэхукӀа псалтэхэм кызыщӀаубыдэ дуней къэхьукъащӀэм епха псалтэхэм щегъэжьауэ, цӀыхухэм я ӀепкӀьэпкхьэм я цӀэхэр, лэжыгьэцӀэхэр, гъавэм, шхын лӀэужыгьуэхэм я фӀэщыгэхэр, пхьэщхьэмыщхьэхэм я фӀэщыгъэцӀэхэр, ухуэныгъэм епха псалтэхэр, щыгынхэм, хьэкъушыкӀухэм я фӀэщыгэхэри кызыщӀиубыдэу, нэгъуэщӀхэри кьинэмыщӀхэри.

ДызыкӀэлтыплъ бзитӀми зэхэлтыкӀэкӀи, я мыхьэнэ нэхьыщхьэмкӀи щызэтэхуэу, ауэ зым мыхьэнэ нэхьыбэ иӀэ хьуауэ, адреим зы мыхьэнэ фӀэкӀа имыӀэу кыщыкӀуэ псалтэ гупыр япэ идгъэуаш.

1) Къэбэрдэ-шэрдэжэс литературэбзэми кӀахэбзэми мыхьэнэ нэхьыщхьэмкӀэ экӀуалӀэу хэт псалтэхэр.

Къэб.-шэрдж. *бгъэхэу* (цыхубзхэм я бгъэм хэуауэ кьрахьэкI зэрызрагъэщIэращIэ хьэпшып цыкIу, п.п., дыщэ, дыжбын сыт хуэдэхэм кыхэщIыклауэ)

Адыг. *бгъэхэу* (1. Цыхубзхэм я бгъэм хэуауэ кьрахьэкI зэрызрагъэщIэращIэ хьэпшып цыкIу, п.п., дыщэ, дыжбын сыт хуэдэхэм кыхэщIыклауэ; 2. Мастэкьяншэ)

Къэб.-шэрдж. *бжэмышх* (шэ, шху сыт хуэдэ зэрашх лошкIэ чэнж)

Адыг. *бжэмышх* (1. ГъущIым кыхэщIыкла машIэу хуэкIыхьу щIа лошкIэ; 2. Пхъэм кыхэщIыкла хьурейуэ щIа лошкIэ IэрыщI, хьуп)

Къэб.-шэрдж. *блэн* (Iуданэ сыт хуэдэхэм ибуурэ зыгуэрхэр зэкIэрыщIэн, зэпхын)

Адыг. *блэн* (1. Iуданэ сыт хуэдэхэм ибуурэ зыгуэрхэр зэкIэрыщIэн, зэпхын; 2. Ухуэнын)

Къэб.-шэрдж. *гуащэ* (1. Нысэм и лIым и анэ; 2. Пщым и щхьэгъусэ; 3. Цыху теплэ иIэу хьыджэбз цыкIухэр зэрыджэгу хьэпшып)

Адыг. *гуащэ* (1. Нысэм и лIым и анэ; 2. Пщым и щхьэгъусэ)

Къэб.-шэрдж. *гуIэн* (гуIэгъуэм зэщIиубыдэн)

Адыг. *гуIэн* (1. ГуIэгъуэм зэщIиубыдэн; 2. ПэщIэн)

Къэб.-шэрдж. *гъавэ* (зи хьэдзэхэм ерыскьы, п.п., щIакхуэ, кыхащIыкI кьэкIыгъэ)

Адыг. *гъажьо* (ху)

Къэб.-шэрдж. *джанэ* (плIэм щатIагъэ щыгъын)

Адыг. *джан* (1. ПлIэм щатIагъэ щыгъын; 2. Бостей)

Къэб.-шэрдж. *дзасэ* (лы, нартыху сыт хуэдэхэр фIэуауэ мафIэм и щIыIум шагъэкIэрахьуэрэ зэрагъажьэ гъушI е пхъэ баш)

Адыг. *цацэ* (1. Лы, нартыху сыт хуэдэхэр фIэуауэ мафIэм и щIыIум шагъэкIэрахьуэрэ зэрагъажьэ гъушI е пхъэ баш; 2. Гуахьуэ)

Къэб.-шэрдж. *дзэ* (шхыныр ирашхыу, ирагъэныщкIуу дзэлым кыхэкI кьупщхьэхэкI цыкIухэр)

Адыг. *цэ* (1. Шхыныр ирашхыу, ирагъэныщкIуу дзэлым кыхэкI кьупщхьэхэкI цыкIухэр; 2. Хьэдзэ; 3. ТкIуэпс, п.п., уэшх)

Къэб.-шэрдж. *дзыдзэ* (мэзым щыпсэу шэрыпI псэушхьэ, цы шабэ щэдж тету, и фэр пщампIэ ящI)

Адыг. *цызэ* (1. Мэзым щыпсэу шэрыпI псэушхьэ, цы шабэ щэдж тету, и фэр пщампIэ ящI; 2. КIэпхь)

Къэб.-шэрдж. *есэн* (зыгуэр хьэл хуэхьун)

Адыг. *есэн* (1. Зыгуэр хьэл хуэхьун; 2. Еуэсэн)

Къэб.-шэрдж. *еутIытцын* (1. Зыгуэрым зыгуэркIэ еуэн; 2. Зыгуэрым зыгуэр кIэлыутIытцын)

Адыг. *еутIытцын* (1. Зыгуэрым зыгуэркIэ еуэн; 2. Зыгуэрым зыгуэр кIэлыутIытцын; 3. Еуштын, п.п., хьэр)

Къэб.-шэрдж. *жэр* (псынщIэу жэ)

Адыг. *чъэр* (1. ПсынщIэу жэ цыху; 2. Щхьэмыгъазэу хуабжьу, п.п., псыежэхьыр)

Къэб.-шэрдж. *жылэ* (1. Цыху гупышхуэ, къуажэ; 2. КьэкIыгъэхэр кьызэрыкIыкI, жылапхьэ)

Адыг. *чылэ* (цыху гупышхуэ, къуажэ)

Къэб.-шэрдж. *жъажьэ* (псынщIагъэ, жыджэрагъ зыхэмылэ)

Адыг. *жъажьэ* (1. ПсынщIагъэ, жыджэрагъ зыхэмылэ; 2. Хуэм)

Къэб.-шэрдж. *зэблэхьун* (1. ЗэблэгъэувыкIын; 2. Гъуэрыгъуэурэ зым и пIэм зыр иувэн)

Адыг. *зэблэхьун* (1. ЗэблэгъэувыкIын; 2. Гъуэрыгъуэурэ зым и пIэм зыр иувэн; 3. Хьуэжын)

Къэб.-шэрдж. *икIутын* (1. ГъэщIеяуэ зыгуэрым ит ткIуаткIуэр игъэжын; 2. Игъэщэщын)

- Адыг. *икIутын* (гъэщIеяуэ зыгуэрым ит ткIуаткIуэр игъэжын)
Къэб.-шэрдж. *къэкъэн* (кIий макъ гъэIун, п.п., джэдым)
Адыг. *къэкъэн* (1. КIий макъ гъэIун, п.п., джэдым; 2. Джэн)
Къэб.-шэрдж. *къэпцIтын* (къэкъуэлъэн, п.п., шэр)
Адыг. *къэпцIтын* (1. Къэкъуэлъэн, п.п., шэр; 2. Къэвэн махъсымэр)
Къэб.-шэрдж. *къэутIыпцIын* (щхьэхуимыту щыта гуэр хуит къэщIыжын)
Адыг. *къэутIыпцIын* (1. Щхьэхуимыту щыта гуэр хуит къэщIыжын;
2. ЩIэтIыкIын)
Къэб.-шэрдж. *къузын* (зыгуэр быдэу хузын, зэхуэкъусын)
Адыг. *къузын* (1. Зыгуэр быдэу хузын, зэхуэкъусын; 2. Егъэлъэтэхын)
Къэб.-шэрдж. *лытцIэ* (къупщхьэ зыхэмыль лы шабэ)
Адыг. *лытцIэ* (1. Къупщхьэ зыхэмыль лы шабэ; 2. Анэл)
Къэб.-шэрдж. *лъапсэ* (цIыхум и псэупIэ, псэуалъэ щихуа щIапэ)
Адыг. *лъапсэ* (1. ЦIыхум и псэупIэ, псэуалъэ щихуа щIапэ; 2. Лъабжэ, п.п., жыгым; 3. Псалъэ лъабжэ; 4. Нэхьыщхьэ, щIэдзапIэ)
Къэб.-шэрдж. *лъатэ* (1. ЦIыхум и кIуэцIым щыщ Iыхьэ, ерыскъыр зыгъэткIур;
2. Псэушхьэ жьэгъуашхэхэм я кIуэцIым щыщ Iыхьэ, яшхыр зыгъэткIу)
Адыг. *лъатэ* (псэушхьэ жьэгъуашхэхэм я кIуэцIым щыщ Iыхьэ, яшхыр зыгъэткIу)
Къэб.-шэрдж. *лъэбжъанэ* (1. ЦIыхум и лъэхуамбэхэм къытекIэр; 2. Шы лъабжэм къыпыкIыкIыр; 3. Хьэ, джэду лъэпкъхэм, къуалэбзухэм я лъакъуэм пыт бжыакъуэхэкI папцIэр)
Адыг. *лъэбжъан* (цIыхум и лъэхуамбэхэм къытекIэр)
Къэб.-шэрдж. *лъэкIэпс* (1. Лъейр къемыщэтэхын щхьэкIэ къызэрырапхэкI фэ псыгъуэ кIыхь; 2. Лъэпэдыр емыхуэхуы иIыгыну иралъхьэ хьэфэ кIапсэ зи кIапитIыр зэпыдар)
Адыг. *лъэкIэпс* (лъейр къемыщэтэхын щхьэкIэ къызэрырапхэкI фэ псыгъуэ кIыхь)
Къэб.-шэрдж. *лъэщу* (къаруушхуэ хэлъу)
Адыг. *лъэщу* (1. Къаруушхуэ хэлъу; 2. ИкъукIэ)
Къэб.-шэрдж. *мазэхэ* (мазэм нур имыдзу жэщ кIыфI)
Адыг. *мазах* (1. Мазэм нур имыдзу жэщ кIыфI; 2. КIыфIыгъэ)
Къэб.-шэрдж. *мэракIуэ* (1. Хьэдзэ-хьэдзэу зэхэлъ, цIыхухэм яшх, удзым къыпыкIэ; 2. Зи пщIащэхэр шылэ хьэпIацIэм ирагъэшх тут жыгым къыпыкIэ)
Адыг. *маркIо* (1. Зи пщIащэхэр шылэ хьэпIацIэм ирагъэшх тут жыгым къыпыкIэ; 2. МэракIуапцIэ)
Къэб.-шэрдж. *напэ* (1. НэкIу; 2. ТхылъымпIэ тхьэмпэ, напэкIуэцI)
Адыг. *напэ* (нэкIу)
Къэб.-шэрдж. *напIэ* (1. Зэтэхьэ-зетекIыу нэ джэдыкIэм тель фэ; 2. ГъэтIысхьэн, жылапхьэ сыт хуэдэ хагъэтIысхьэн щхьэкIэ хьэсэм, вагъэм хуащI кумбыгъэ)
Адыг. *напIэ* (зэтэхьэ-зетекIыу нэ джэдыкIэм тель фэ)
Къэб.-шэрдж. *нэжъгъ* (1. НэщIащэхэр, пэр къыхиубыдэу напэм ику Iыхьэр;
2. Нэзэрыхьэ)
Адыг. *нэжъгъ* (нэщIащэхэр, пэр къыхиубыдэу напэм ику Iыхьэр)
Къэб.-шэрдж. *нэкIу* (1. Напэм щыщу нэккъыщхьэм къыщегъэжьауэ жьэ къупщхьэм нэс; 2. ЛъагапIэ гуэрым ибгъу дэгъэзеигъуэр, бгъуфIуэ щытыр)
Адыг. *нэкIу* (напэм щыщу нэккъыщхьэм къыщегъэжьауэ жьэ къупщхьэм нэс)
Къэб.-шэрдж. *нэмыщI* (фIэкI)
Адыг. *нэмыщI* (1. ФIэкI; 2. НэгъуэщI)
Къэб.-шэрдж. *нлIэ* (1. Пщэм пэгъунэгъу дамэхэри къыхиубыдэу щIыбым нэхь бгъуэуэ щыт и Iыхьэ; 2. КIэр зыфIалъхьэ цIыхубз щыгъын)
Адыг. *нлIэ* (пщэм пэгъунэгъу дамэхэри къыхиубыдэу щIыбым нэхь бгъуэуэ щыт и Iыхьэ)

Къэб.-шэрдж. *псo//псэу* (зыри зэмылуса, зэрыщыту къэна//псэ зыхэт)
Адыг. *псау* (1. Зыри зэмылуса, зэрыщыту къэна//псэ зыхэт; 2. Узыншэ)

Къэб.-шэрдж. *пхыр* (1. КлапсэкIэ зэкIуэцIыпха гуэр; 2. Iэрамэ)
Адыг. *пхыр* (клапсэкIэ зэкIуэцIыпха гуэр)

Къэб.-шэрдж. *пхуантэ* (1. Гъуэгуанэ тетым и щыгъын, Iэмэпсымэ сыт хуэдэхэр зыдэлъу кърихъэкI, ашык теплъэ зиIэ, зи щхъэтепIэр IункIыбзэкIэ бгъэбыдэж хъу хъэпшып; 2. Хъэпшып щылъхэр щахъумэ ашыкышхуэ зи щхъэтепIэр IукIыбзэ фIэдзапIэ иIэмкIэ ягъэбыдэ унэлъащIэ, сундук)

Адыг. *пхуант* (хъэпшып щылъхэр щахъумэ ашыкышхуэ зи щхъэтепIэр IукIыбзэ фIэдзапIэ иIэмкIэ ягъэбыдэ унэлъащIэ, сундук)

Къэб.-шэрдж. *пиIэ* (1. Зыгуэрым щIат, хуагъэу уасэ; 2. ЩIыхь; 3. ЛъапIэныгъэ)
Адыг. *пкIэ* (зыгуэрым щIат, хуагъэу уасэ)

Къэб.-шэрдж. *сыр* (бзэгур, жъэ кIуэцIыр зыс шхыныгъуэ)

Адыг. *стыр* (1. Бзэгур, жъэ кIуэцIыр зыс шхыныгъуэ; 2. Пштыр)

Каб.-шэрдж. *текIыжын* (1. Здытетам тебэкъукIыжын; 2. И фэр кIэдын; 3. И гушIыIум тета, телъа гуэрхэр техужын)

Адыг. *текIыжын* (1. Здытетам тебэкъукIыжын; 2. И фэр кIэдын)

Каб.-шэрдж. *тхакIуэ* (1. IуэхущIапIэм е цIыху щхъэхуэм и Iуэхухэр (тхылъымпIэхэр) зезыхъэ; 2. Художественнэ произведенэхэр зытх цIыху)

Адыг. *тхакIо* (IуэхущIапIэм е цIыху щхъэхуэм и Iуэхухэр (тхылъымпIэхэр) зезыхъэ)

Каб.-шэрдж. *тхъэмнэ* (пщIащэ)

Адыг. *тханэ* (1. ПщIащэ; 2. ТхылъымпIэ напэ)

Каб.-шэрдж. *тхъуэплъ* (плъыжърэ кхъуэщыныфэрэ зэщIэту)

Адыг. *тхъоплъы* (1. Плъыжърэ кхъуэщыныфэрэ зэщIэту; 2. Сырыху)

Каб.-шэрдж. *удэфэн* (сэхъун, щыкIын)

Адыг. *утэшъон* (1. Сэхъун, щыкIын; 2. Чэф хъун)

Каб.-шэрдж. *удз* (лъэдий псыгъуэ, пкъы шабэ зиIэ къэкIыгъэ щхъуантIэ)

Адыг. *уцы* (1. Лъэдий псыгъуэ, пкъы шабэ зиIэ къэкIыгъэ щхъуантIэ; 2. Хъушхъуэ)

Каб.-шэрдж. *унащхъэ* (1. Унэм ищIыIукIэ къытелъ Iыхъэ; 2. Унэ кIуэцIымкIэ гъэза пкIэунэм и щIагъ лъэныкъуэ)

Адыг. *унащхъэ* (унэм ищIыIукIэ къытелъ Iыхъэ)

Каб.-шэрдж. *утэн* (1. Зэхэгъэзэрыхъын, зэхэпщэн, п.п.,ятIэ; 2. Фей щIын, уцIэпIын)

Адыг. *утэн* (зэхэгъэзэрыхъын, зэхэпщэн, п.п.,ятIэ)

Каб.-шэрдж. *фэрышI* (игу илъыр фэкIэ щIэзыхъумэ)

Адыг. *шъорышI* (1. Игу илъыр фэкIэ щIэзыхъумэ; 2. ЦIыху зыкIызых, зызыгъэщIэращIэ)

Каб.-шэрдж. *хахуэ* (лIыгъэшхуэ зиIэ, лIыхъужь)

Адыг. *хафэ* (1. ЛIыгъэшхуэ зиIэ, лIыхъужь; 2. ГуащIэ, п.п., пхъэщхъэмыщхъэ)

Каб.-шэрдж. *хэудын* (зыгуэрым хэт, хэлъ гуэр еуэурэ хэгъэкIын, хэкъутыкIын)

Адыг. *хэутын* (1. Зыгуэрым хэт, хэлъ гуэр еуэурэ хэгъэкIын, хэкъутыкIын; 2. Тхылъ къыдэгъэкIын)

Каб.-шэрдж. *хъалыгъэ* (кхъуей, кIэртIоф сыт хуэдэхэр дэлъу тхъэвым къыхащIыкI (дагъэкIэ гъэжъа) шхын)

Адыг. *хъалыжъу* (1. Кхъуей, кIэртIоф сыт хуэдэхэр дэлъу тхъэвым къыхащIыкI (дагъэкIэ гъэжъа) шхын; 2. Дэлэн)

Каб.-шэрдж. *цIынэ* (1. Псылагъэ зыщIэлъ; 2. КъэкIагъащIэ,мыхъу; 3. БалигъыпIэ имыува, щIалэ)

Адыг. *цIынэ* (1. Псылагъэ зыщIэлъ; 2. КъэкIагъащIэ,мыхъу; 3. Псыф)

Каб.-шэрдж. *шыбзэ* (гъавэ, хъэцэпэцэхэр зэракIыштэ, кIыштэ)

Адыг. *цыбз* (1. Гъавэ, хъэцэпэцэхэр зэракIыштэ, кIыштэ; 2. Кхъузанэ)

Каб.-шэрдж. *щанхъэ* (1. Зыгуэрхэр зыхуэдызыр белджылы ящІын щхъэкІэ къагъэсэбэп пщальэ; 2. ЦІыхум и дуней тетыкІэм и хъэл-щэным нэгъуэщІхэр дэп-льей, зыхалъхъэ хъуну хэлъыр)

Адыг. *шанхъ* (зыгуэрхэр зыхуэдызыр белджылы ящІын щхъэкІэ къагъэсэбэп пщальэ)

Каб.-шэрдж. *щауэ* (фыз къишагъащІэу хъэгъуэлІыгъуэ зращІэкІ щІалэ)

Адыг. *шъао* (1. Фыз къишагъащІэу хъэгъуэлІыгъуэ зращІэкІ щІалэ;

2. ЩІалэщІэ, ныбжьыщІэ)

Къэб.-шэрдж. *щхъэтепхъуэ* (нысащІэм и щхъэм кърапхъух шылэ хъар)

Адыг. *шъхъатехъу* (1. НысащІэм и щхъэм кърапхъух шылэ хъар; 2. ІэлъэщІ)

Каб.-шэрдж. *щыІэн* (дунейм тетын, щІыпІэ гуэрым щыхэтын, щынэрылбагъун)

Адыг. *щыІэн* (1. Дунейм тетын, щІыпІэ гуэрым щыхэтын, щынэрылбагъун;

2. Псэун)

Къэб.-шэрдж. *щІэн* (щыгъуэзэн, къыгурыІуэн)

Адыг. *шІэн* (1. Щыгъуэзэн; 2. ЦІыхун; 3. И цІыхугъуэ щытын)

Къэб.-шэрдж. *щІыгу* (щІы щхъэфэ)

Адыг. *чІыгу* (1. ЩІы щхъэфэ; 2. ЩІы)

Къэб.-шэрдж. *щІыфэ* (лым и щІыІу тель фэр)

Адыг. *кІышъу* (1. Лым и щІыІу тель фэр; 2. Жинт)

Къэб.-шэрдж. *ятІэ* (1. ЩІы; 2. Псым игъэщІыта щІы; 3. Псым игъэуцІына щІыгуль)

Адыг. *ятІэ* (1. ЩІы; 2. Псым игъэщІыта щІы)

Къэб.-шэрдж. *ятІэху* (псэуалъэ щызэрахъэкІэ сэху папщІэу къагъэсэбэп, мывэм хуэдэу жауэ щыт, удзыфэ мащІэ зыщІэлъадэ ятІэ хужь)

Адыг. *етІэф* (1. Псэуалъэ щызэрахъэкІэ сэху папщІэу къагъэсэбэп, мывэм хуэдэу жауэ щыт, удзыфэ мащІэ зыщІэлъадэ ятІэ хужь; 2. Мел)

Къэб.-шэрдж. *Іэпцэ* (1. Іэбэлагъымрэ Іэблэмрэ я зэпытыпІэ; 2. Лъэрызехъэ, лъэщІ)

Адыг. *Іапшъ* (Іэбэлагъымрэ Іэблэмрэ я зэпытыпІэ)

Къэб.-шэрдж. *ІэщІыб* (Іэм и щІыб)

Адыг. *ІэкІыб* (1. Іэм и щІыб; 2. Хамэ къэрал)

2) *Мыхъэнэ змышщхъ яІэу, ауэ бзитІми я зэхэлъыкІэкІэ зыуэ хэт псалъэхэр*

Къэб.-шэрдж. *адыгэ* (къэбэрдейхэр)

Адыг. *адыгэ* (КІахэм щыпсэухэр)

Къэб.-шэрдж. *бэрыжъей* (гуэрэнурэ къэкІ удзышхуэ лъэпкъ)

Адыг. *пырэжъый* (пыжь)

Къэб.-шэрдж. *бганэ* (хъэцэпэцэ къахар пхыру зэрызэкІуэцІапхэ мэкъу ІуэнтІа)

Адыг. *бганэ* (пхыр)

Къэб.-шэрдж. *бгъэ* (зи пэр къуаншэ, къырахэм, губгъуэхэм щыпсэу къуалэ, къашыргъэ)

Адыг. *бгъэ* (къашыргъэ)

Къэб.-шэрдж. *бланэ* (къарууфІэ)

Адыг. *бланэ* (лІыхъужь)

Къэб.-шэрдж. *блын* (унащхъэр зэтезыІыгъэ, пэш-пэшурэ зыгуэш пкъыгъуэ)

Адыг. *блын* (унэм и щІыбагъыр)

Къэб.-шэрдж. *гуэн* (амбар)

Адыг. *коны* (ду)

Къэб.-шэрдж. *гумащІэ* (лъагъуныгъэрэ гущІэгъурэ зиІэ)

Адыг. *гумачІ* (шынэкъэрабгъэ)

Къэб.-шэрдж. *гушыІэ* (уигъэдыхъэшхуэ, утригъэууэ псалъэкІэ къаІуатэ)

Адыг. *гущыІ* (псалъэ)

Къэб.-шэрдж. *гушыIэн* (уигъэдыхъэшхыу, утригъэууэ зыгуэр къэпсэлъын, къэIуэтэн)

Адыг. *гушыIэн* (псалъэн)

Къэб.-шэрдж. *гъуамэ* (гушыкIыгъуэ)

Адыг. *гъуамэ* (ушыпамэкIэ къыпщIыхъэ мэ)

Къэб.-шэрдж. *джэдлыбжъэ* (адыгэ шхыныгъуэ, шатэкIэ гъэлыбжъа джэдыл)

Адыг. *чэтлыбжъэ* (джэд гъэжъа)

Къэб.-шэрдж. *джей* (бдзэжъей теплъэ зиIэ шэрыпI псэущхъэ абрагъуэ)

Адыг. *джае* (бдзэжъей пIащэ и IуфакIэм пашIэ тIэкIу тегу, сом)

Къэб.-шэрдж. *зей* (зэ къызыпыкIэ жыг лъэпкъ)

Адыг. *зае* (зейм къыпыкIэ пхъэшхъэмыщхъэ)

Къэб.-шэрдж. *кIэнхын* (кIэIупхъуэ)

Адыг. *кIэнхын* (кIэ)

Къэб.-шэрдж. *кIуэсэн* (щэхуу зыщIыпIэ кIуэн)

Адыг. *кIосэн* (ункIыфын, п.п., уэздыгъэр, вагъуэр)

Къэб.-шэрдж. *къандзэгу* (хъумпIэцIэджхэм псэупIэу ящIа Iуащхъэ цIыкIу)

Адыг. *къамзэгу* (хъумпIэцIэдж)

Къэб.-шэрдж. *къэгъагъэ* (гъэгъа къэзыщI)

Адыг. *къэгъагъэ* (удз гъэгъа)

Къэб.-шэрдж. *къэлъыхъуэн* (зыгуэр къэбгъуэтыну иужь итын)

Адыг. *къэлъыхъун* (къэщын)

Къэб.-шэрдж. *къехъулэн* (зыгуэр къеуэлэн)

Адыг. *къехъулэн* (зыгуэр къыщыщIын)

Къэб.-шэрдж. *къуицхъэ* (осетинхэр, балъкърхэр)

Адыг. *къуицхъэ* (бгы)

Къэб.-шэрдж. *лэжъыгъэ* (щIыпIэ хэха гуэрым шалэжъ Iуэхугъуэ)

Адыг. *лэжъыгъэ* (гъавэ)

Къэб.-шэрдж. *лъабжъэ* (къэкIыгъэ гуэрхэр щIым зэрыхэт къуэпсхэр)

Адыг. *лъабжъэ* (лъэгу, п.п., шым)

Къэб.-шэрдж. *лъэтэн* (щIым зытеIэтыкIауэ хъэуам хэту кIуэн)

Адыг. *лъэтэн* (дэлъейн)

Къэб.-шэрдж. *лъэуей* (джэдэщым джэдхэр зытетIысхъэ)

Адыг. *лъэой* (пкIэлъей)

Къэб.-шэрдж. *пыжъэ* (пыжъейм къыпыкIэ пхъэшхъэмыщхъэ)

Адыг. *пыжъы* (пыжъбанэ/цыжъбанэ)

Къэб.-шэрдж. *псынэ* (къуэ джабэм е щIы уэхым къыщыщIэж псы)

Адыг. *псынэ* (псыкъуий)

Къэб.-шэрдж. *псыхъуэ* (псыежэхыр зыдэт къуакIэ)

Адыг. *псыхъуэ* (псыежэх)

Къэб.-шэрдж. *пицхъуэ* (Iэщ е нэгъуэщI псэущхъэхэм я пщэм ирадзэ)

Адыг. *пицхъуэ* (зрагъэщIэращIэу пщэм иралъхъэ хъэпшып)

Къэб.-шэрдж. *пIрегу* (сабий джэгукIэхэм къыщагъэсэбэп псалъэ – хэткъым жиIэу)

Адыг. *пIырагу* (топ)

Къэб.-шэрдж. *сэ* (зыгуэрхэр зэрызэпаупщI Iэмэпсымэ, кIы иIэрэ дзэ Iуту)

Адыг. *сэ* (сэшхуэ)

Къэб.-шэрдж. *сампIэ* (салъэ)

Адыг. *самI* (сэшхуалъэ)

Къэб.-шэрдж. *тхъэгъэпцI* (пцIыупс)

Адыг. *тхъагъэпцIы* (бзаджагъэ, хылагъэ зыхэлъ)

Къэб.-шэрдж. *уае* (щIыIэ егъэлея, жъы щIэту)

Адыг. *уае* (уэфIу шымыт, уэшх)

Къэб.-шэрдж. *фIэигъуэн* (тэмэму къилъытэн)

Адыг. *шIэигъон* (хуеин, фIэфIын)
Къэб.-шэрдж. *хъэкхъуафэ* (шхалтэ)
Адыг. *хъэкхъуащгу* (Iэщ сытхэм псы зэрырагъафэ)
Къэб.-шэрдж. *хъэлу* (мэжаджэ)
Адыг. Адыг. *хъалыгъу* (щIакхъуэ)
Къэб.-шэрдж. *хъэцыбанэ* (розэ Iэрысэр къызытрагъэхъукIыжа къуацэчыщэ, хъэкхъужь)
Адыг. *хъэцпан* (къэтхъэнсолыкхъу)
Къэб.-шэрдж. *хъунхъэ* (зы бэлыхъ къыхэкIыну зыщыгугъ)
Адыг. *хъунхъэ* (нэмысыфIэ)
Къэб.-шэрдж. *цIэцIэн* (къэвэн, зыри къымыкIы куэд жыIэн)
Адыг. *цIэцIэн* (хъуцIэн, шхыдэн)
Къэб.-шэрдж. *чо* (бжыхъ лъагэ)
Адыг. Адыг. *чэу* (бжыхъ)
Къэб.-шэрдж. *цхъгырыб/жъгырыб* (хадэхэм щагъэкI банэ къуацэ лъахъшэм къыпыкIэ пхъэщхъемыщхъэ лIэужыгъуэ, щыхъуам деж гуащIэмрэ IэфIымрэ зэщIэту)
Адыг. Адыг. *жъгырыб* (езыр-езыру къэкI жызум)
Къэб.-шэрдж. *щIыунэ* (ерыскыпхъэ гуэрхэр шахъумэн щхъэкIэ щIым хыхъэу ящI псэуалтэ)
Адыг. *чIыун* (щIым хыхъэу унэм хашIыхъ пэш)
Къэб.-шэрдж. *IэпцIэлъапцIэ* (лэжыгъэм хуэлэзэ, IэкIуэлъапцIуэ)
Адыг. *IэпкIэ-лъапкIэ* (зэщIэкхъуа, зэкIэлъыкIуэ)
Къэб.-шэрдж. *луэхутхъэбзэ* (хуэлухуэщIэ, зыгуэр хуалэжъ, хуащIэ лэжыгъэ)
Адыг. *лофтхъабз* (Iуэхугъуэ)
Къэхутэныгъэ-зэгъэпщэныгъэ лэжыгъэ едгъэкIуэкIам наIуэу къыхош бзитIми я зэхэлъыкIэкIэ зыуэ къыхэна псалтэхэм, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм елытауэ, кIахэбзэм нэхъ мыхъэнэбэ зэрыщагъуэтар.
Къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ кIахэбзэмрэ я мыхъэнэ илъэныкъуэкIи, я зэхэлъыкIэкIи зэпэхъуу хэт псалтэхэм, фонетикэ илъэныкъуэкIи макъ зэпэхъуу бзитIми зыхэт е зыхэмыт псалтэ гупхэми лэжыгъэ щхъэхуэ ехъэлIапхъэщ.
КъыкIэлъыкIуэну лэжыгъэхэм лексикэ илъэныкъуэкIэ бзитIми зэдай-уэ шытауэ, ауэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэту, кIахэбзэм узыщримыхъэлIэж е кIахэбзэм къыхэнэу къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэкIуэдыкIа псалтэ гупхэм дащыкIэлъыплъыну мурад диIэщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников и литературы

- Абдоков 1973 – Абдоков А. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973.
Адыгабзэм изэхэф гушъIалъ 1960 – Адыгабзэм изэхэф гушъIалъ (составители А.А. Хатанов, З.И. Керашева). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960.
Адыгэбзэ псалгъалтэ 1999 – Адыгэбзэ псалгъалтэ / Словарь кабардино-черкесского языка (составители М.Л. Апажев, П.М. Багов и др.). М.: ДИГОРА, 1999.
Апажев 2000 – Апажев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык (Лексикология, лексикография). Нальчик: Эльбрус, 2000.
Балкаров 1970 – Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик, 1970.
Гишев 1989 – Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка. М.: Прометей, 1989.
Кумахав 1981 – Кумахав М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981.
Кумахова 1972 – Кумахова З.Ю. Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик: Эльбрус, 1972.

Шагиров 1962 – *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.

Шагиров 1982 – *Шагиров А.К.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1982.

Шагиров 1989 – *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1989.

References

ABDOKOV A. Foneticheskie i leksicheskie paralleli abhazsko-adygskih jazykov [Phonetic and lexical parallels of the Abkhaz-Adyghe languages]. Nal'chik: Jel'brus, 1973. (In Russian)

Adygabzjem izjehjef gushhyal# [Explanatory Dictionary of the Adyghe Language] (sostaviteli A.A. Hatanov, Z.I. Kerasheva). Majkop: Adygjeskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. (In Adyghe)

Adygjebzje psal#al#je/ [Dictionary of the Kabardino-Circassian language] (sostaviteli M.L. Apazhev, P.M. Bagov i dr.). M.: DIGORA, 1999. (In Kabardino-Circassian)

APAZHEV M.L. Sovremennij kabardino-cherkesskij jazyk (Leksikologija, leksikografija) [Modern Kabardino-Circassian language (Lexicology, lexicography)]. Nal'chik: Jel'brus, 2000. (In Russian)

BALKAROV B.H. Fonetika adygskih jazykov [Phonetics of Adyghe languages]. Nal'chik, 1970. (In Russian)

GISHEV N.T. Glagol adygjeskogo jazyka [Verb of the Adyghe language]. M.: Prometej, 1989. (In Russian)

KUMAHOV M.A. Sravnitel'no-istoricheskaja fonetika adygskih (cherkesskih) jazykov [Comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1981. (In Russian)

KUMAHOVA Z.Ju. Abadzehskij dialekt i ego mesto sredi drugih adygskih dialektov [The Abadzekh dialect and its place among other Adyghe dialects.]. Nal'chik: Jel'brus, 1972. (In Russ.)

SHAGIROV A.K. Oчерки po sravnitel'noj leksikologii adygskih jazykov [Essays on comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nal'chik, 1962. (In Russian)

SHAGIROV A.K. Material'nye i strukturnye obshhnosti leksiki abhazo-adygskih jazykov [Material and structural commonalities of the vocabulary of the Abkhaz-Adyghe languages]. M.: Nauka, 1982. (In Russian)

SHAGIROV A.K. Zaimstvovannaja leksika abhazo-adygskih jazykov [Borrowed vocabulary of the Abkhaz-Adyghe languages]. M.: Nauka, 1989. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Дзыгъуанэ Р. Хъ. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ пашэ.

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 25.05.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

**КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЭМОТИВЫ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА С ЧАСТИЦАМИ НЭХЪРЭ,
НЭХЪРЭ НЭХЪ «ЧЕМ», НЭХЪЕЙ «КАК, СЛОВНО, ПОДОБНО»**

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2025

Аннотация. Статья посвящена компаративным фразеоэмотивам кабардино-черкесского языка с частицами *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ* «чем», *нэхъей* «как, словно, подобно». Отмечено, что исследуемый тип устойчивых сравнений продуктивен для данного языка, к нему в основном относятся пословицы и поговорки. Замечено, что общим для указанных компаративных фразеоэмотивов (с *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ*, *нэхъей*) является выражение эмоционального состояния, также устойчивые сравнения с *нэхърэ* «чем» могут демонстрировать в большинстве своем эмоциональное отношение, эмоциональное качество, устойчивые сравнения с *нэхърэ нэхъ* «чем» – эмоциональную характеристику и эмоциональное качество, устойчивые сравнения с *нэхъей* «как, подобно, словно» – эмоциональную характеристику. Показано, что устойчивые эмотивные сравнения с *нэхърэ* «чем» строятся на смысловой противопоставленности, в которой могут противопоставляться как антонимичные слова, так и не антонимичные пары. Выделены основные группы компаративных эмотивных фразеологизмов с *нэхърэ нэхъ* «чем»: первая группа включает фразеоэмотивы с неопределенным субъектом, как правило, выраженным указательным местоимением, при этом сравнительная конструкция *нэхърэ нэхъ* разделяется объектом сопоставления; вторая группа образуется по модели «объект сравнения, оформленного формантом –м + неразделенная сравнительная конструкция *нэхърэ нэхъ* + качество, присущее объекту сравнения, выраженного именем прилагательным, оформленным аффиксом сказуемого»; третью группу составляют устойчивые эмотивные выражения, имеющие предикативную структуру. Выявлено, что компаративные фразеоэмотивы с *нэхъей* «как, словно, подобно» в большинстве своем строятся по модели «двухкомпонентное атрибутивное сочетание + сравнительное слово *нэхъей*», кроме того существуют более сложные выражения, имеющие предикативную структуру.

Ключевые слова: компаративные фразеоэмотивы; частицы: *нэхърэ* «чем», *нэхърэ нэхъ* «чем», *нэхъей* «как, словно, подобно»; субъект; объект; эмоциональное состояние; эмоциональное отношение; эмоциональная характеристика; эмоциональное качество

Для цитирования: Токмакова М.Х. Компаративные фразеоэмотивы кабардино-черкесского языка с частицами *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ* «чем», *нэхъей* «как, словно, подобно» // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 65–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-65-73

Original article

**COMPARATIVE PHRASEOEMOTIVES
OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE WITH THE PARTICLES НЭХЪРЭ,
НЭХЪРЭ НЭХЪ «THAN», НЭХЪЕЙ «AS, AS IF, LIKE»**

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2025

Abstract. The article is devoted to comparative phraseological emotives of the Kabardino-Circassian language with the particles nekhre, nekhre nekh “than”, nekhey “as, like, similar”. It is noted that the studied type of stable comparisons is productive for this language, mainly proverbs and sayings belong to it. It is noted that the common thing for the specified comparative phraseological emotives (with nekhre, nekhre nekh, nekhey) is the expression of an emotional state, also stable comparisons with nekhre “than” can demonstrate in most cases an emotional attitude, emotional quality, stable comparisons with nekhre nekh “than” – emotional characterization and emotional quality, stable comparisons with nekhey “as, like, like” – emotional characterization. It is shown that stable emotive comparisons with нехъре «what» are built on semantic opposition, in which both antonymous words and non-antonymous pairs can be opposed. The main groups of comparative emotive phraseological units with нехъре нэхъ «what» are identified: the first group includes phraseological emotives with an indefinite subject, usually expressed by a demonstrative pronoun, while the comparative construction нехъре нэхъ is divided by the object of comparison; the second group is formed according to the model «object of comparison, designed by the formant -м + undivided comparative construction нехъре нэхъ + quality inherent in the object of comparison, expressed by an adjective, designed by the affix of the predicate»; the third group consists of stable emotive expressions that have a predicative structure. It was revealed that comparative phraseological emotives with nekhya “as, like, similarly” are mostly constructed according to the model “two-component attributive combination + comparative word nekhya”, in addition, there are more complex expressions that have a predicative structure.

Keywords: comparative phraseological emotives; particles: nekh're “than”, nekh're nekh “than”, nekh'ey “as, as if, similar to”; subject; object; emotional state; emotional attitude; emotional characterization; emotional quality

For citation: Tokmakova M.H. Comparative phraseoemotives of the kabardino-circassian language with the particles нэхърэ, нэхърэ нэхъ «than», нэхъей «as, as if, like». Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 65–73. (In Kabardino-Circassian) DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-65-73

Среди богатого разнообразия фразеологических единиц кабардино-черкесского языка, отражающего адыгскую языковую картину мира, культурные и исторические особенности адыгов, особо выделяются устойчивые сравнения – результат уподобления субъекта, его признаков, качеств, действий объекту, понятный всем носителям данного языка. Компаративные фразеологизмы занимают важное место также в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка. С помощью их становится ясным эмоциональное состояние, эмоциональное отношение говорящего к тому или иному человеку, ситуации. Актуальность данного исследования обусловлена неизученностью данного аспекта эмотивной лексики и одновременно необходимостью разработать такой значимый для кабардино-черкесского языка пласт лексики.

В зависимости от способов выражения сравнений в кабардино-черкесском языке выделяются различные группы компаративных фразеологизмов [Карданов 1973, Бижоев 2005, Емузов 1989]. Занимаясь исследованием сравнительных

фразеологических эмотивов данного языка, мы выделяем наиболее продуктивный для них тип с вспомогательным словом *хуэдэу* «как, словно, подобно», со свойственными для него структурно-грамматическими моделями: 1) «имя существительное + *хуэдэ(у)*»; 2) «атрибутивное словосочетание (имя существительное + причастие) + *хуэдэ(у)*»; 3) «атрибутивное словосочетание, состоящее из двух имен + *хуэдэу(у)*»; 4) «глагол с суффиксом *-н(ым)* + *хуэдэ(у)*»; 5) «сравнение с *хуэдэ(у)*, имеющее предикативную структуру» [Токмакова 2025].

Не такой многочисленный, как предыдущий тип, но тоже часто используемыми в кабардино-черкесском языке являются сравнения, образованные при помощи частиц *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ*, *нэхъей* со значениями «чем», «как, словно, подобно»: *былым къыпэкӀуэ нэхърэ насып къыпэкӀуэ* «лучше быть счастливым, чем богатым» (букв. «чем выгода от богатства, лучше выгода от счастья»), *зэтеухъ нэхърэ зэтекӀыж* «лучше разойтись, чем браниться» (букв. «чем биться друг с другом, лучше разойтись»), *узытелӀэ нэхърэ къыптелӀэ* «лучше обожающий тебя, чем обожаемый тобой» (букв. «чем испытывать сильное чувство к кому-то, пусть кто-то к тебе испытывает сильное чувство»), *цӀыхугъэниэм удэпсэу нэхърэ, цӀыхугъэ зиӀэм удэкӀуэд* «лучше погибнуть с хорошим человеком, чем жить с плохим»; *бзэгур джатэм нэхърэ нэхъ жаниц* «язык острее меча; злые языки страшнее пистолета», *бзэр зэзым нэхърэ нэхъ дыджыц* «язык горче, чем желчь», *делэр уи ныбжъэгъу нэхърэ акъыл зиӀэр уи бийм нэхъыфӀиц* «лучше иметь умного врага, чем глупого друга» (букв. «чем близкий дурак, лучше умный враг»), *жагъуэгъу миным къуащӀэм нэхърэ зы ныбжъэгъум къуищӀэр нэхъ гуауэщ* «обида, нанесенная одним другом, труднее переносится, чем обида, нанесенная тысячью недругами» (букв. «чем то, что тысяча врагов тебе причинят, то, что один друг тебе причинит, обиднее»); *хъэдэ ириха нэхъей* «печален, словно похоронил близкого», *цӀытӀыгу щальхуа нэхъей* «нелюдимый, угрюмый; словно не от мира сего (букв.: словно на краю света родился)», «*япцӀащ* *жаӀэмэ*, «*яупхъуащ* *жиӀэурэ*, *псым зезыгъэхъам нэхъей* «подобно тому, кто утонул из-за своего упрямства» (букв. «подобен тому, который утонул, говоря «расстелили», когда ему говорили «пропололи»), *цӀэм яижу джанэ зыгъэсыжам нэхъей* «подобно тому, кто сжег свою рубашу назло вшам» и т.д.

Подобные фразеомотивы – в большинстве своем пословицы и поговорки. С точки зрения семантики общим для фразеомотивов, образованных с помощью частиц *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ* «чем» и *нэхъей* «как, словно, подобно», является, то, что для них свойственно выражение эмоционального состояния: *хъэдэ ириха нэхъей* «печален, словно похоронил близкого», *былым къыпэкӀуэ нэхърэ насып къыпэкӀуэ* «лучше быть счастливым, чем богатым» (букв. «чем выгода от богатства, лучше выгода от счастья»), *абынэхърэуӀламэ нэхъыфӀт* «лучше бы ты умер, чем это» (очень плохо). В то же время для фразеомотивов, образованных с помощью указанных частиц, характерны и другие семантические классы. Так, во фразеомотивах с *нэхърэ* больше встречаются семантические классы эмоционального отношения (*узытелӀэ нэхърэ къыптелӀэ* «лучше обожающий тебя, чем обожаемый тобой» (букв. «чем испытывать сильное чувство к кому-то, пусть кто-то к тебе испытывает сильное чувство») и эмоционального качества (*цӀытхъукӀей нэхърэ убыхӀафӀэ* «здоровая критика полезней, чем чрезмерное восхваление» (букв. «чем чрезмерная похвала, лучше легкая ругань»)), во фразеомотивах с *нэхърэ нэхъ*, помимо эмоционального состояния больше встречается эмоциональная характеристика (*и бзэр джатэм нэхърэ нэхъ жаниц* «его язык острее меча»), а также эмоциональное качество (*насытым нэхърэ напэр нэхъ лъанӀэщ* «совесть дороже счастья» (букв. «чем счастье, совесть дороже»)), во фразеомотивах с *нэхъей* – больше эмоциональной характеристики субъекта (*цӀытӀыгу щальхуа нэхъей* «нелюдимый, угрюмый; словно не от мира сего (букв.: «словно на краю света родился)», «*япцӀащ* *жаӀэмэ*, «*яупхъуащ* *жиӀэурэ*, *псым зезыгъэхъам нэхъей*

«подобно тому, кто утонул из-за своего упрямства» (букв. «подобен тому, кого река унесла, говоря «расстелили», когда ему говорили «пропололи»).

Компаративные фразеомотивы с частицей *нэхърэ* «чем» строятся на смысловой противопоставленности. Например, в выражениях *былым кьытэклуэ нэхърэ насып кьытэклуэ* «лучше быть счастливым, чем богатым» (букв. «чем выгода от богатства, лучше выгода от счастья»); *вы ныш нэхърэ нэцхьыфлэ* «лучше приветливо встретить, чем обильно угостить» (букв. «чем вол, предназначенный для убоя для гостя, лучше приветливость»); *фыз бий нэхърэ жьылэ бий* «лучше вражда со всем селом, чем с женой» (букв. «чем жена враг, лучше село враг»), *лэфл нэхърэ гурыхь* «лучше приятное, чем сладкое» (букв. «чем сладкое, лучше приятное») семантически противопоставляются не антонимичные слова – *богатство* и *счастье*; *вол*, *предназначенный для убоя для гостя* и *приветливость*; *жена* и *село*; *сладкое* и *приятное*. Иногда в этих устойчивых сравнениях используются и антонимичные слова, например: *делэ благьэ нэхърэ губзыгьэ бий* «лучше умный враг, чем глупый друг» (букв. «чем близкий дурак, лучше умный враг»); *насын гьум клэцл нэхърэ насып псыгьуэ клыхь* «лучше долгое небольшое счастье, чем короткое большое» (букв. «чем короткое толстое счастье, лучше тонкое длинное счастье»); *гьуамэ цлыклу нэхърэ гьуамэцхуэ* «лучше гад, чем гаденыш» (букв. «чем маленький гад, лучше большой гад»); *цытхьуклей нэхърэ убьклафлэ* «здоровая критика полезней, чем чрезмерное восхваление» (букв. «чем чрезмерная похвала, лучше легкая ругань») и т.д. Как мы можем видеть, в создании антонимичных пар участвуют и аффиксы.

Противопоставляемые части в данных фразеомотивах в большинстве своем равнозначны по грамматическому составу. Сравним, например, в компаративных выражениях: *делэ гуэцэгьу нэхърэ губзыгьэ дэуэгьу* «лучше тяжба с умным, чем дележ с глупым» (букв. «чем дурак как участник дележа, лучше умный истец»), *зэбий нэхърэ зэбэу* «лучше дружить, чем враждовать» (букв. «чем враждующие, лучше целующиеся») – в первом случае сравнимые части выражены сочетанием имен, а во втором – причастием. Однако встречаются и неравнозначные по грамматическому составу противопоставляемые части фразеологизмов. К примеру, в *делэ бзаджэ нэхърэ делэ дьдэ* «лучше законченный дурак, чем дурковатый хитрец» (букв. «чем хитрый дурак, лучше совсем дурак») противопоставляется сочетание имен прилагательному в превосходной степени, а в *кьуэш егьу нэхърэ ныбжьэгьуфл* «лучше хороший друг, чем недобрый брат» (букв. «чем брат враг, лучше хороший друг») – сочетание имен сложному слову. Например: [Кьадым Дэрдэхь жрелэ:] – Дэни хьы, цлыкхур умыгьэтхьэусыхь. Уи гьунэгьухэм ягьэтхьэусыхькьымы! Кьуэш егьу нэхърэ ныбжьэгьуфл жиладц пасэрейм [Кышчокьуэ 2006: 418]. «(Кади говорит Дардаху:) – Куда хочешь носи, но не заставляй людей жаловаться. Своих же соседей не заставляют жаловаться! Лучше хороший друг, чем недобрый брат, говорили в старину».

Компаративные фразеомотивы с участием сравнительной конструкции *нэхърэ нэхь* можно разделить на три группы. В первую группу входят фразеомотивы, в которых, во-первых, субъект не называется, потому как известен собеседникам, и он нередко выражается указательным местоимением; во-вторых, сравнительная конструкция *нэхърэ нэхь* разделяется объектом сопоставления, уподобления, например: *абы нэхърэ хьэм нэхь укьытэ илэц* «у собаки больше совести, чем у него». В подобных случаях речь может идти о каких-то качествах субъекта или о его эмоциональном состоянии, например: *абы нэхърэ уллэм нэхьыфлм* «лучше бы ты умер, чем это» (настолько хуже, очень плохо). Как мы можем видеть, второй элемент данной сравнительной конструкции *нэхърэ нэхь*, как правило, трансформируется в *нэхьыфл* «лучше» (*нэхь* + *фл*ы «хороший»). Например: (Галя Мэжид зыхуигьазэу:) – Хьэуэ, умыукьытэт, дэнэ кьыцынцла? Сыллэм нэхьыфлм абы нэхърэ, итланэми сыллакьым [Мафлэдз 2014: 85]. «(Галя, обращаясь

к Мажиду:) – Нет, не стесняйся, откуда ты узнал? **Лучше бы я умерла, чем это, и все же я не умерла**».

Вторую группу составляют компаративные фразеомотивы, образованные по модели «объект сравнения, оформленного формантом –м + неразделенная сравнительная конструкция *нэхрэ нэхъ* + качество, присущее объекту сравнения, выраженного именем прилагательным, оформленному аффиксом сказуемого»: *зэзым нэхрэ нэхъ дыджы* «горче чем желчь»; (*бээр*) *фом нэхрэ нэхъ* *Иэфли* «(язык) слаще чем мед»; *джатэм нэхрэ нэхъ жани* «острее чем меч» и т.д. В отличие от семантически связанной части, состоящей из объекта сравнения, сравнительной конструкции и качества объекта, субъект сравнения может меняться в речи, в связи с чем мы считаем справедливым не включать его в данную модель. К примеру, выражение *зэзым нэхрэ нэхъ дыджы* «горче, чем желчь» может относиться как к языку кого-либо, так и к отношению к кому-либо и т.д.

Приведем примеры: *Иджы зэауэр цыху цхьэкIэ, хьэм нэхрэ нэхъ бзаджэт* [Кьэрмокуэ 2004: 155]. «Теперь те, с кем боролись, хотя и были людьми, были злее собак». (*Шухид Мурадин жреIэ:*) *Кьарэжан блэц, блэм нэхрэ нэхъ* *Тейш*. ... [МафIэдз 2014: 71]. «Шухид говорит Мурадину: Каражан змея, хуже чем змея. ...*ауэ бынитIыр* *Иэнкуни*: *дауэ кьытхуццытыну плэрэ анэнэлэсыр?* *Зэзым нэхрэ нэхъ дыджу* *кьытхуццIэкIмэ*, *дауэ дыхъужын, жыхуалэу*... [Нало 2014: 411] «... но двое детей в растерянности: как, интересно, будет относиться к нам мачеха? Если горше чем желчь будет относиться, как быть, говоря...».

Следует отметить, что представители данной группы схожи по структуре с некоторыми компаративными фразеомотивами с элементом *хуэдэу* «подобно, словно, как» (ср.: *зэзым хуэдэу дыджы* «горький как желчь»; (*бээр*) *фом хуэдэу* *Иэфли* «(язык) сладкий как мед»; *джатэм хуэдэу жани* «острый как меч» и т.д.). Семантическая разница в том, что в выражениях с *хуэдэу* «подобно» субъект уподобляется в чем-то объекту, в выражениях же с *нэхрэ нэхъ* «чем» субъект превосходит объект в том или ином качестве.

Третью группу образуют фразеомотивы, имеющие предикативную структуру: *делэр уи ныбжьэгъу нэхрэ акъыл зилэр уи бийм нэхъыфли* «лучше иметь умного врага, чем глупого друга» (букв. «чем близкий дурак, лучше умный враг»), *жагъуэгъу миным къуащIэм нэхрэ зы ныбжьэгъум къуищIэр нэхъ гуауэщ* «обида, нанесенная одним другом, труднее переносится, чем обида, нанесенная тысячью недругами» (букв. «чем то, что тысяча врагов тебе причинят, то, что один друг тебе причинит, обиднее»). Здесь продемонстрированы случаи, когда противопоставляются все участники выражения (*делэр* «дурак» – *акъыл зилэр* «у кого ум есть», *уи ныбжьэгъу* «твой друг» – *уи бий* «твой враг»; *жагъуэгъу* «враг» – *ныбжьэгъу* «друг»), и когда есть какие-то общие элементы (*къуащIэм* «что причинят» – *къуищIэр* «что причинит», *гуауэ* «горе»). Например: *АрихьэкIэ лъэпкъ унафэм ебжъуэфакъым (Мухъэб). Лъэпкъ нэхъыжхэм я закъуэ, Гуащи хъыджэбзым и телъхъэщ. Уи фыз уи бий нэхрэ кьэрал псо уи биймэ нэхъыфли*...[Мзыхъэ 2015: 116]. «Но (Мухаб) не смог перешагнуть через родовое решение. Не одни старшие рода – и Гуаша тоже (жена Мухаба) поддерживает девушку. **Чем с женой враждовать, лучше враждовать со всей страной...**»

Однако наличие общих элементов в сравнении необязательно. Например: (*Дадэм:*) *Си лъыжьыцхъэ фыз изгъэкIыжу, къэсшэжу сыхэтын жызоIэри арац, армышумэ абы удэпсэу нэхрэ, кхъуэ бгъэхъумэ, нэхъыфли* [Елгъэр 2005: 35]. «(Дада:) Как на старости лет развестись с женой и жениться заново, говоря, а то, **чем с нею жить, лучше свиней разводить**».

Компаративные фразеомотивы с частицей *нэхгей* «как, как будто, словно» также делятся на более простые по составу фразеологизмы, представляющие в

большинстве своем «двухкомпонентное атрибутивное сочетание + сравнительное слово *нэхъей*» (*хьэдэ ириха нэхъей* «печален, словно похоронил близкого», *цIытIыгу цалъхуа нэхъей* «нелюдимый, угрюмый; словно не от мира сего» (букв.: словно на краю света родился) и т.д.), и более сложные, имеющие предикативную структуру («*япцIац*» *жаIэмэ*, «*яупхъуац*» *жиIэурэ*, *псым зезыгъэхъам нэхъей* «подобно тому, кто утонул из-за своего упрямства» («подобен тому, кого река унесла, говоря «расстелили», когда ему говорили «проположи»), *цIэм яижу джанэ зыгъэсыжам нэхъей* «подобно тому, кто сжег свою рубаху назло вшам» и т.д.).

Приведем примеры: (*Шыдэ*) *И къэишэныр къыпэллэ пэтми, тутнакъэщым яишэ нэхъей, и жагъуэурэ къокIуэж (Налшыч)* [Нало 2014: 445]. «Шида, хотя его и ждет невеста, **как будто в тюрьму везут**, с неохотой возвращается (в Налычик)». (*Заужан Кубэчыр жреIэ:*) *Напэ иIэу зы цIыхухъу мы дунейм фытетыжIым, тхъэ: фызыхуейр зыIэрывогъэхъэри фи шындэбзийр къытхувогъэзэж, ззэ федгъэIуба нэхъей.* [Нало 2012: 47]. «(Заужан говорит Кубачию:) На этом свете не осталось ни одного мужчины с совестью, ей-богу: что хотите получаете и поворачиваетесь к нам боком, **словно мы дали вам попробовать желчь**». *Зыр зым зэредэлэу щымыIэу зыгуэрхэр жаIэ (фызхэм), джэдхэр зыцIэкъакъэ нэхъей инумэдыхъэшхэ* [МафIэдз 2014: 41]. «Не особо слушая друг друга, о чем-то говорят (женщины), **как кудахтающие одновременно курицы**, сильно смеются».

Надо отметить, что в отличие от выражений первых двух групп с частицами *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ* «чем», являющимися, как правило, самодостаточными с эмотивной точки зрения, именно сравнительные фразеомотивы с частицей *нэхъей* «как, как будто, словно» чаще сопровождаются другими эмотивами, способствующими более точному и полному их раскрытию.

Помимо представленных выше продуктивных в кабардино-черкесском языке компаративных фразеомотивов, образованных с помощью элемента *хуэдэу* и частиц *нэхърэ*, *нэхърэ нэхъ* «чем», *нэхъей* «как, словно, подобно», следует упомянуть о непродуктивном типе, образованном при помощи повторяющегося суффикса *-рэ*. Сюда так же, как правило, относятся поговорки, пословицы: *благъэжърэ дыжъыныжърэ* «что старый друг, что старинное серебро; старая дружба не ржавеет», *гъунэгъурэ гъуэнишэджэрэ* «сосед, что штаны (по важности)», *зи нысэгъу зыубрэ, зи бын щытхуэрэ* «что осуждать сосношницу, что восхвалять своих детей (одинаково плохо)», *сэ гъуцърыльрэ фыизгъэпIалIырэ* «что мужчина, выведенный из себя женой, что острый нож», *уи анэрэ уи нитIрэ* «мать твоя, что глаза твои (т.е. одинаково дороги)», *фыз губжъарэ, къаз лэпс пцIтыррэ* «что рассерженная жена, что горячий гусиный бульон». Как мы можем видеть, повторяющийся суффикс *-рэ* со значением «что», выполняющий функцию сравнения, уравнивает субъект и объект. С точки зрения эмотивной семантики эту группу образуют в основном эмоциональное состояние и эмоциональное отношение. Например: (*Бот Мацу зыхуигъэзац:*) – *Уа, гъукIэжъ, мы цIалэ цIыкIур уи быным хуэдэу фIыуэ уолгъагъур. Тхъэ сыгъэIэ, сэри жагъуэу сымылгъагъу. Жагъуэу слъагъуу щытамэ, апхуэдизрэ сыкъакIуэрэт. Ауэ уэрэ сэрэ дызэхуэдэкъым, уэ мыбдежым уригъунэгъуц, гъунэгъурэ гъуэнишэджэрэ, жиIакъэ пэсэрейм. ТIэ, а псор къыцIезгъэкIуэкIраци, мыбы зы пIэщхъагъ ищIыну и чэзу мыхъуауэ нIэрэ? Уэ дауэ уеплърэ абы?* [Журт 2004: 101]. «(Бот обратился к Мацу:) – Эй, кузнец, этого мальчика ты как своего ребенка любишь. Клянусь, я его тоже не ненавижу. Если бы ненавидел, столько бы раз приходил. Но мы с тобой несравнимы, ты здесь его сосед, **а сосед, что штаны**, говорили в старину. Ну, я для чего все это говорю, не пришло ли время ему жениться? Как ты на это смотришь?».

В компаративных фразеомотивах данного типа сравниваемые части не всегда структурно-грамматически одинаково оформлены. Сравним: *благъэжърэ дыжъыныжърэ* «что старый друг, что старинное серебро; старая дружба не ржавеет»; *зи нысэгъу зыубрэ, зи бын щытхуэрэ* «что осуждать сосношницу, что

восхвалять своих детей (одинаково плохо)», с одной стороны, и *сэ гъуцэрыльрэ физ игъэлъа лырэ* «что мужчина, выведенный из себя женой, что острый нож», *физ губжсарэ, къаз лэпс пцтыррэ* «что разгневанная жена, что горячий гусиный бульон», с другой стороны. Как мы можем видеть, здесь тоже наблюдаются более или менее сложные по составу фразеологизмы.

Таким образом, следующими по продуктивности в кабардино-черкесском языке после устойчивых сравнений с *хуэдэу* «подобно, словно, как» являются компаративные фразеомотивы с частицами *нэхърэ, нэхърэ нэхъ* «чем», *нэхъей* «как, подобно, словно». В большинстве своем сюда относятся пословицы и поговорки. Для исследуемого типа компаративных фразеомотивов свойственно выражение эмоционального состояния. Устойчивые сравнения с *нэхърэ* «чем» также часто демонстрируют эмоциональное отношение и эмоциональное качество, устойчивые сравнения с *нэхърэ нэхъ* «чем» – эмоциональную характеристику и эмоциональное качество, устойчивые сравнения с *нэхъей* «как, подобно, словно» – эмоциональную характеристику.

Как показало исследование, компаративные фразеомотивы с *нэхърэ* «чем» строятся на смысловой противопоставленности, в которой могут противопоставляться как антонимичные слова, так и не антонимичные пары, часто с участием аффиксов. Грамматический состав противопоставляемых частей может быть различным, чаще равнозначным.

Устойчивые эмотивные сравнения с *нэхърэ нэхъ* «чем» делятся на три группы. В первую входят те, где субъект не называется, но известен собеседникам, он, как правило, выражается указательным местоимением, а сравнительная конструкция *нэхърэ нэхъ* разделяется объектом сопоставления. Подобные фразеомотивы могут выражать качество или эмоциональное состояние субъекта. Вторая группа образуется по модели «объект сравнения, оформленного формантом –м + неразделенная сравнительная конструкция *нэхърэ нэхъ* + качество, присущее объекту сравнения, выраженного именем прилагательным, оформленным аффиксом сказуемого». Субъект сравнения не включен нами в данную модель, так как может изменяться. Отмечена параллель с компаративными фразеомотивами с элементом *хуэдэу* «подобно, словно, как», имеющими сходную структуру. Третью группу составляют устойчивые эмотивные выражения, имеющие предикативную структуру, где могут противопоставляться как все участники фразеологизма, так и его отдельные элементы.

Компаративные фразеомотивы с *нэхъей* «как, словно, подобно» в большинстве своем строятся по модели «двухкомпонентное атрибутивное сочетание + сравнительное слово *нэхъей*», кроме того существуют более сложные выражения, имеющие предикативную структуру. В отличие от рассмотренных выше фразеомотивов, данные выражения чаще сопровождаются другими эмотивами, способствующими более точному и полному их раскрытию.

Также в статье затронуты непродуктивные в кабардино-черкесском языке компаративные фразеомотивы, образованные с помощью повторяющегося суффикса –рэ со значением «что», выполняющим функцию сравнения, уравнивающим субъект и объект. С точки зрения эмотивной семантики эту группу образуют в основном эмоциональное состояние и эмоциональное отношение. Как и в предыдущих типах, здесь различается структурно-грамматический состав выражений.

Список источников и литературы

- Бижоев 2005 – Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
Елгъэр 2005 – Елгъэр К. Гъуэгуанэ кӀыхь. Повесть. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. 344 н.

Емузов 1989 – Емузов А.Г. Устойчивые сравнения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эльбрус, 1989. 100 с.

Журт 2004 – Журт Б. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.

Карданов 1973 – Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 с.

Кыщокъуэ 2006 – Кыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.

Къэрмокъуэ 2004 – Къэрмокъуэ М. Тхыгъэхэр. Ещанэ тхылъ. Роман. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 536 н.

МафIэдз 2014 – МафIэдз С. Уэрэд макъамэ. Повестхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2014. 344 н.

Мэзыхъэ 2015 – Мэзыхъэ Б. Тхыгъэ кыхэхэхэр. Новеллэхэр. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2015. 552 н.

Нало 2012 – Нало З. Дыджым и IэфIыгъэ. Повестхэр. Нальчик: Эльбрус, 2012. 368 н.

Нало 2014 – Нало З. Тхыгъэхэр томищым шызэхуэхъэсауэ. Т. I. Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 2014. 467 н.

Токмакова 2025 – Токмакова М.Х. Основные структурно-грамматические модели компаративных фразеомотивов кабардино-черкесского языка с элементом *хуэдэ* «подобно, словно, как» // Современное состояние кабардино-черкесского и карачаево-балкарского литературных языков. Нальчик, 2025. С. 149–161.

References

BIZHOEV B.CH. *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-Fa, 2005. 352 p. (In Russian)

ELGAROV K. *Dlinnaya doroga. Povest'.* *Rasskazy* [The Long Road. Novel. Stories] Nalchik: Elbrus, 2005. 344 p. (In Kabardino-Circassian)

EMUZOV A.G. *Ustojchivye sravneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Fixed comparisons in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Elbrus, 1989. 100 p. (In Russian)

ZHURT B. *Sem'ya. Roman* [Family. Novel]. Nalchik: Elbrus, 2004. 200 p. (In Kabardino-Circassian)

KARDANOV B.M. *Frazeologiya kabardinskogo yazyka* [Phraseology of the Kabardian language]. Nalchik: Elbrus, 1973. 248 p. (In Russian)

KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v shesti tomah* [Collected works in six volumes]. Vol. 5. Nalchik: Elbrus, 2006. 552 p. (In Kabardino-Circassian)

KARMOKOV M. *Izbrannoe. Kniga tret'ya. Roman. Rasskazy* [Selected. Book three. Novel. Stories] Nalchik: Elbrus, 2004. 536 p. (In Kabardino-Circassian)

MAFEDZEV S. *Melodiya pesni. Povesti. Rasskazy* [Melody of the song. Stories. Tales]. Nalchik: Elbrus, 2014. 344 p. (In Kabardino-Circassian)

MAZIKHOV B. *Izbrannye proizvedeniya. Novelly. Povesti* [Selected Works. Novellas. Tales]. Nalchik: Elbrus, 2015. 552 p. (In Kabardino-Circassian)

NALOEV Z. *Sladost' gorechi. Povesti* [The sweetness of bitterness. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2012. 368 p. (In Kabardino-Circassian)

NALOEV Z. *Sobranie sochinenij v trekh tomah* [Collected Works in Three Volumes]. Vol. 1. Novellas. Nalchik: Elbrus, 2014. 467 p. (In Kabardino-Circassian)

TOKMAKOVA M.H. *Osnovnye strukturno-grammaticheskie modeli komparativnykh frazeomotivov kabardino-cherkesskogo yazyka s elementom huede «podobno, slovno, kak»* [The main structural and grammatical models of comparative phraseological emotives of the Kabardino-Circassian language with the element khuede “like, as if, as”] IN: *Sovremennoe sostoyanie kabardino-cherkesskogo i karachaevo-balkarskogo literaturnykh yazykov* [The current state of the Kabardino-Circassian and Karachay-Balkar literary languages]. Nalchik, 2025. P. 149–161. (In Russian)

Информация об авторе

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

М.Н. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-74-80

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛКИНСКОГО ГОВОРА
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
В КОНЦЕПЦИИ А.К. ШАГИРОВА**

Залина Рашидовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию малкинского говора кабардино-черкесского языка в концепции А.К. Шагирова. В исследовании представлены некоторые структурные особенности, отражающие живую речь носителей говора, выявленные автором в ходе лингвистической экспедиции КБНИИФЭ (1972–1975 гг.) в ареале их компактного проживания. В статье обосновывается острая необходимость синхронного анализа и ревизии существующей классификаций диалектной базы для выявления структурных трансформаций в фонетике и лексике современного кабардино-черкесского языка в целом. В работе проанализированы фонетические изоглоссы малкинского говора, где основные особенности выявляются в системе согласных фонем, а также особенности, выявленные А.К. Шагировым в лексической системе говора. Определенная новация статьи состоит и в сопоставительной ревизии единственных источников на данном этапе языковых данных диалектологической экспедиции КБНИИФЭ (1972–1975 гг.) и ПМА, собранного нами (2024 г.) для учета фонетических и лексических изменений в аспекте современного состояния говора в целом.

Ключевые слова: адыгские языки, кабардино-черкесский язык, литературный язык, диалектология, малкинский говор, языковые особенности говора

Для цитирования: Хежева З.Р. Структурные особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка в концепции А.К. Шагирова // Вестник КБГУ. 2025. № 2 (65). С. 74–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-74-80

Original article

**STRUCTURAL FEATURES OF THE MALKINSKY DIALECT
OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE
IN THE CONCEPT OF A.K. SHAGIROV**

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2025

Abstract. The article is devoted to the study of the Malkinsky dialect of the Kabardino-Circassian language in the concept of A.K. Shagirov. The study presents some structural features reflecting the living speech of the speakers of the dialect, identified by the author during

the linguistic expedition of KBNIIF (1972–1975) in the area of their compact residence. The article substantiates the urgent need for synchronous analysis and revision of the existing classifications of the dialect base to identify structural transformations in the phonetics and vocabulary of the modern Kabardino-Circassian language as a whole. The work analyzes the phonetic isoglosses of the Malkinsky dialect, where the main features are revealed in the system of consonant phonemes, as well as the features identified by A.K. Shagirov in the lexical system of the Malkinsky dialect. A certain innovation of the article consists in the comparative revision of the only sources at this stage of linguistic data of the dialectological expedition of KBNIIF (1972–1975) and PMA, collected by us (2024) to take into account phonetic and lexical transformations in the aspect of the current state of the dialect as a whole.

Keywords: Adyghe languages, Kabardino-Circassian language, literary language, dialectology, Malkinsky dialect, linguistic features of the dialect

For citation: Khezheva Z.R. Structural features of the Malkinsky dialect of the Kabardino-Circassian language in the concept of A.K. Shagirov. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2025; 2 (65): 74–80. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-74-80

В лингвистических исследованиях последних десятилетий неуклонно растет интерес к культуре и языку, как основному ядру диалектной картины мира. Народная речь как феномен культуры может фиксировать и отражать опосредованным образом систему значимых понятий, этнически обусловленные типы поведения и настроения, не только существующие в конкретном социокультурном сообществе на данный момент, но и сложившиеся исторически, на протяжении многих столетий, обусловленные культурными традициями многих поколений [Морозова 2015: 4]. Научно-исследовательское обращение к симбиозу диалектной картины мира и выявление специфических языковых особенностей диалектов и говоров языка позволит сформировать целостную картину ментального мира народа, его национально-самобытных свойств и этнического самосознания.

Вопросы онтогенеза и основные этапы трансформаций диалектов и говоров адыгских языков в разной степени анализируются с момента появления письменности этих языков, поскольку фундаментальные вопросы о языке невозможно решить без детального исследования и подробного мониторинга его диалектальных особенностей с учетом территориальной дифференциации. В этом аспекте безусловный интерес современной лингвистической науки к человеческому фактору в языке проявляется и в особом внимании к языковым картинам мира, многоаспектно отражающим аутентичность мировидения и мировосприятия этноса. Как известно, уникальные особенности национальной картины мира ярче всего выявляются на фонетическом и лексико-фразеологическом уровне диалекта или говора языка.

В настоящее время сложно переоценить значение научных исследований диалектов и говоров языка в постановке и решении лингвистических, этнолингвистических и этнокультурных проблем. Как справедливо писал Х.Т. Таов, «при отсутствии давних письменных традиций у адыгских народов значительно возрастает роль территориальных диалектов и говоров для изучения истории адыгских языков, построения исторической и сравнительной грамматик, определения статуса литературного языка, его устной и письменной форм реализации в современном обществе. В современных диалектах и говорах сохранились многие языковые единицы (лексемы, фразеологизмы, морфологические, синтаксические и семантические явления), проливающие свет на культуру адыгского народа» [Таов 2005: 4]. Как неоднократно отмечено в специальной литературе, «изучение диалектов особенно важно для младописьменных языков (к которым относится кабардинский язык), ибо только оно может дать необходимый материал для их исторического исследования. Этого настоятельно требует также решение вопроса о диалектной базе формирующихся литературных младописьменных языков» [Мамрешев 1959: 3].

Как мы отмечали в предыдущих публикациях, необходимость современных исследований актуального состояния диалектов и говоров и их соотношение с нормами кабардино-черкесского литературного языка не приходится подвергать

сомнению, поскольку поздние академические работы по диалектологии адыгских языков датируются 1972–1975 гг. Безусловно, до этого периода так или иначе проводилась работа по сбору и публикации в различных периодических изданиях и журналах фольклорных материалов и текстов, так или иначе описывающих структурные, большей частью лексические, особенности адыгских языков. Принимая во внимание некоторые погрешности в транскрипции и несовершенство методов сбора и анализа материалов, продиктованные временем, сложно переоценить их научное значение и ценность, как единственных письменных нарративов, отражающих диалектальную специфику языка этого времени. Данные тексты являются эмпирической базой для сравнительно-исторического анализа и учета структурных трансформаций и динамики языкового генезиса современного кабардино-черкесского языка [Хежева 2024].

В конце 40-х и начале 50-х гг. прошлого века фокусом внимания языковедов становится детализированное исследование диалектов и говоров с их монографическим описанием. Комплексному исследованию подверглись фонемный состав, дифференциальные признаки спирантов и основные фонетические ротации, проанализированы грамматическая система, лексические изоглоссы кабардино-черкесских диалектов и говоров: Багов П.М. (1968), Балкаров Б.Х. (1959), Куашева Т.Х. (1954), Кумахов М.А. (1969), Мамрешев К.Т. (1959), Шагиров А.К. (1955). Результатом синхронного исследования и ревизии полевого материала, собранного в рамках диалектологической экспедиции (1972–1975 гг.) по анализу диалектов и говоров кабардино-черкесского языка, включая малкинский, являются «Очерки кабардино-черкесской диалектологии» (под ред. д.ф.н. М.А. Кумахова) (1969).

Позднейшее исследование по комплексному анализу диалектов и говоров кабардино-черкесского языка, в том числе по малкинскому говору, представлено учебным пособием для вузов «Кабардино-черкесская диалектология» [Таов 2005], где представлены структурные (фонетические, грамматические и лексические) особенности. В работе основные тезисы и выводы подводятся на уже имеющихся языковых данных полевых источников.

Затрагивая вопрос общетеоретической базы малкинского говора, следует отметить, что в перечне всех диалектов и говоров кабардино-черкесского языка лишь он не подвергался монографическому описанию, включающему выявление фонемного состава, описание дифференциальных признаков гласных и согласных спирантов, основных фонетических изоглосс и звуковых ротаций, обусловленных как языковыми, так и внеязыковыми факторами и т.д. Научное описание его структурных особенностей на основе полевого материала нашло отражение лишь в кандидатской диссертации А.К. Шагирова «Особенности малкинского говора кабардинского языка» (1955), где многоаспектному анализу подверглись все уровни языковой системы данного говора.

Согласно официальным источникам, малкинский говор кабардино-черкесского языка территориально представлен исключительно в нижней части сельского поселения Малка (Хажихабле), а также в селениях Батех и Этоко Зольского района Кабардино-Балкарской Республики. «Носители малкинского говора в начале XIX века жили в районе гор Машук и Бештау и вели несколько обособленный от других кабардинцев образ жизни. Но диалектальные контакты с абазинцами, жившими также между Машуком и Бештау, способствовали появлению фонетических особенностей, которые сохранились и после переселения их в район Малки. Исторические данные дают основание полагать, что выселение носителей малкинского говора из Пятигорья имело место в 1825–1830 гг. [Кабардино-черкесский язык 2006: 223].

Шагиров А.К. квалифицирует малкинский говор как ответвление от общенародного кабардинского языка и описывает его с фонетической, морфологической и лексической стороны. По мнению исследователя, в малкинском говоре наиболее

яркие фонетические отличия от литературного кабардино-черкесского языка являются в системе шипящих, шипяще-свистящих и свистящих спирантов. Ротация шипяще-свистящих спирантов шипящими в литературном языке сближает малкинский говор с бесленеевским диалектом кабардино-черкесского языка, однако в последнем функционируют шипящие аффрикаты **дж**, **ч**, **ц**, которые подверглись спирантизации в малкинском говоре. В приведенном иллюстративном материале Шагирова А.К. шипящие аффрикаты **дж**, **ч** встречаются в собственных именах: *Джэбагъы*, *Хьэджмэт*, *Хьэсанч*.

Основные особенности в системе согласных фонем в малкинском говоре большей частью выявляются в области шипящих, шипяще-свистящих и свистящих спирантов. Шагиров А.К. отмечает последовательную замену литературных шипяще-свистящих **жь**, **щ**, **щ** мягкими шипящими **ж**, **ш**, **ш**, а также литературных шипяще-свистящих **жь**, **щ**, **щ** мягкими свистящими **з**, **с**, **с**: *ц*лы – *ш*лы «земля», *жъы* – *ж*ы «ветер», *щынэ* – *шынэ* «ягненок», *дыщэ* – *дыш* 'э «золото», *жъы* – *з*ы «ветер», *нащэ* – *нас* 'э «огурец» и тд. Согласно мнению исследователя, такое произношение наблюдалось в речи совершенно разных лиц, что создало возможность дифференцированного подхода к классификации фонетических особенностей малкинского говора. Как свидетельствует языковой материал, собранный автором в рамках диалектологической экспедиции КБНИИФЭ (1972 – 1975 гг.), в синхронной речи лиц, заменяющих шипяще-свистящие **жь**, **щ**, **щ** свистящими **з**, **с**, **с** вовсе отсутствуют шипяще-свистящие **жь**, **щ**, **щ**. Группа лиц, заменяющие литературные шипяще-свистящие шипящими за редким исключением не используют ротацию шипяще-свистящих свистящими спирантами. Шагиров А.К. пишет: «В зависимости от особенностей употребления шипящих, шипяще-свистящих и свистящих спирантов его носители делятся на два слоя (или группы). В речи одного слоя литературные шипяще-свистящие **жь**, **щ**, **щ** заменяются шипящими **ж**, **ш**, **ш** (шипящий слой), а речи другой – свистящими **з**, **с**, **с** (свистящий слой) [Шагиров 1969: 292]. Данные полевого материала позволили языковеду установить, что в количественном соотношении круг лиц, использующих замещение литературных шипяще-свистящих шипящими, составляет абсолютное большинство.

Нужно отметить, что при сравнительной ревизии современного состояния малкинского говора на основе новейшего полевого материала (Хежева З.Р. ПМА. (2024) с результатами исследования, представленного в концепции А.К. Шагирова, фонетические особенности обнаруживаются в системной ротации шипяще-свистящих **жь**, **щ**, **щ** мягкими шипящими **ж**, **ш**, **ш** встречаются большей частью в речи жителей старшего поколения в возрастном диапазоне 70+. Замена шипяще-свистящего **щ** свистящим спирантом **с** происходит исключительно в глаголах утвердительной формы с изъявительной модальностью и наблюдается лишь в речи небольшого числа лиц. Речь жителей других возрастных групп в ареале распространения малкинского говора в основном совпадает с литературным языком.

При исследовании лексических различий между литературным языком и словарем малкинского говора А.К. Шагиров подразделяет их на три вида. К первой группе автор относит расхождения по форме слов, которые являются общими для литературного языка и говора, ко второй группе – собственно лексические различия, когда одни и те же значения обозначаются разными лексическими наименованиями. Третью группу в концепции исследователя составляет группа лексических особенностей, где несоответствия обнаруживаются в семантике слов в литературном языке и говоре. В случае выявления между говором и языком фонетических расхождений по форме слов лексические особенности делятся на два вида: а) различия по форме слов, укладывающиеся в рамки фонетических соответствий между говором и языком, и б) различия по форме слов, выходящие за рамки этих соответствий [Шагиров 1969: 308]. Малкинский говор и современный кабардино-черкесский литературный язык большей частью демонстрируют различия по форме

слов в рамках этих соответствий. Согласно мнению автора, которое мы поддерживаем в связи с соответствием актуальному состоянию, симметрия мягких шипящих спирантов и мягких свистящих спирантов шипяще-свистящим спирантам приводит к употреблению таких слов как **щІэ** «новый», **щІы** «земля», **жыы** «ветер» как **ш'Іэ**, **ш'Іы**, **ж'ы** и тд.

Для сравнения: **щІы** – **ш*Іы** «земля» (здесь и далее иллюстрации взяты из ПМА З.Р. Хежевой, перевод З.Х.): *Ахэр си анэиэхуэм жиІэжу зэхэсхащ, уни шІыи зыри димыІэу дыкъаишэ дыкърагъэтІысэхри, жи, шІыунэ къэтІмІри дыщІэсащ, абы дышІэсурэ унэ тиІащ жиа, хэку зауэиэхуэми мыбде дыщІысэуащ, жиа...* (ПМА – Лаков Абуали Исуфович, 07.10.1965 г.р., 58 лет, Этоко) «Как рассказывала моя бабушка, их высадили в безлюдном месте без куска земли и крыши над головой, во время войны жили в землянке, пока строились»; **щы** – **ш*ы** «три»: *Шоферу сышеджэм шыгъуэ, хъыджэбз цІыкІухэм ауан сыкъаишІырт: ии жыІэт жалэурэ, Іэджэрэ жызагъыІэрти, къысшыдыхъэшхырт. – Ей, хъэ фыдыхъэшхырэ, шы жысІауэ араш сэ, нэгъуэиІ жысІаІымэ, хъэ фыдыхъэшхырэ тІэ? Абы къычІыр сиІэтэІымэ...* (ПМА – Хажнагоев Борис Мухтарович, 1932 г.р., 92 г., Хажихабле) «Когда учился на водительских курсах, девушки, подстегивая меня, говорили: А-ну, скажи «три», и смеялись. Я всего лишь сказал «три», почему вы смеетесь, недоумевал я» [ПМА 2024].

Как свидетельствует комплексный анализ языкового материала, представленного Шагириным А.К. (1954 г.), и новейший полевой материал (2024 г.), случаи широкого использования в малкинском говоре малоупотребительных в литературном языке лексем бгъафэтэль «планка на рубашке», *бгырыль* «женский пояс», *лодэн* «большой платок», *моф* «вид парчи», *туар* «глупец, дурак», *тІамІушІэ* «кочкарь двух лет», *тІашышІэ* «кочкарь трех лет», *хуэчэфу* «с большим желанием, охотой» практически отсутствуют в речи носителей малкинского говора. Выделенные А.К. Шагириным *тІамІушІэ* «кочкарь двух лет», *тІашышІэ* «кочкарь трех лет», связанные с овцеводством, подавляющей массе респондентов не известны. Лишь адресные расспросы интервьюируемых в возрастном диапазоне 65+ имеют представление о данной лексеме. «Впервые столкнувшись с ними (лексемы *тІамІушІэ*, *тІашышІэ* – Х.З.) в Малке, где они широко известны среди представителей старшего и среднего поколений, мы приняли их за нечто необычное для кабардинского языка. Из других говоров, однако, известно *гъэлъэху тІушІэ* «барашек двух лет». Расспросы стариков-овцеводов показали, что *тІамІушІэ*, *тІашышІэ* и т.д. имеем не только в малкинском говоре» [Шагиринов 1969: 311]. В малкинском говоре можно увидеть случаи использования малоупотребительных в литературном языке лексем: *къэзансэбын* «хозяйственное мыло», *литришбанкІ* «трехлитровая банка» *ихуІэфІ* «блюдо из вареного риса с изюмом», *цІынкІыпэ* «сорт белых слив», *шуфил* «совковая лопата», *шынэсливэ* «сорт черных слив» [Хежева 2024].

Безусловно, языковой материал по малкинскому говору, собранный нами, значительно отличается от текстов, записанных А.К. Шагириным в рамках диалектологической экспедиции (1957), но пока существуют носители говора старшего поколения, на наш взгляд, представляется правомерным выделение диалектов и говоров как отдельных единиц кабардино-черкесского языка. Итоги опросов респондентов, данных языкового материала, прослушивание аудиоматериалов предоставляют возможность резюмировать, что языковые особенности в речи жителей Зольского района (Малка (Хъэжыхъэблэ), Бэтэх, Этоко) на данном этапе носят весьма условный характер и обнаруживаются большей частью в экспромтной речи жителей старшего поколения.

Список источников и литературы

- Багов 1968 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд., 1968. 54 с.
- Балкаров 1969 – *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд., 1959. 148 с.
- Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. II. Лексика, фразеология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 519 с.
- Куашева 1954 – *Куашева Т.Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка: Автореф. канд. ... дисс. н. Нальчик, 1954. 16 с.
- Кумахов 1969 – *Кумахов М.А.* Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.
- Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик: КБНИИ, 1959. 85 с.
- Морозова 2015 – *Морозова Т.И.* Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, 2015. 16 с.
- Таов 2005 – *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология: Учебное пособие. Министерство образования РФ Федеральное агентство по образованию Кабардино-Балкарский государственный университет. Нальчик: КБГУ, 2005. 185 с.
- Шагиров 1955 – *Шагиров А.К.* Особенности малкинского говора кабардинского языка: Автореф. канд. ... дисс. филол. н. М.: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1955. 14 с.
- Шагиров 1969 – *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. С. 290–329.
- Хежева 2024 – *Хежева З.Р.* Лексические особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. С. 2488–2493.
- ПМА 2024 – Полевой материал З.Р. Хежевой.

References

- BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory kabardino-cherkesskogo yazyka* [Kuban-Zelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik, 1968. 154 s. (In Russian)
- BALKAROV B.KH. *Yazyk besleneevcev* [Language of the Besleneevites]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 148 p. (In Russian)
- Kabardino-cherkesskiy yazyk. V dvuh tomah. T.II. Leksika, frazeologiya, ustno-poeticheskiy yazyk, onomastika* [Kabardino-Circassian language. In two volumes. Vol. II. Vocabulary, phraseology, oral-poetic language, onomastics]. Nalchik: El-Fa, 2006. 519 p. (In Russian)
- KUASHEVA T.KH. *Osobennosti terskih govorov kabardinskogo yazyka: Avtoref. kand. ... diss. n.* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language: Abstract of Cand. Diss. ...]. Nalchik, 1954. 16 p. (In Russian)
- KUMAKHOV M.A. *Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii* [Essays on Kabardino-Circassian Dialectology]. Nalchik: KBNII, 1969. 331 p. (In Russian)
- MAMRESHEV K.T. *Osobennosti baksanskogo dialekta kabardinskogo yazyka* [Features of the Baksan dialect of the Kabardian language]. Nalchik: KBNII, 1959. 85 p. (In Russian)
- MOROZOVA T.I. *Gendernye harakteristiki dialektnoj kartiny mira donsogo kazachestva: avtoreferat diss. ...kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01* [Gender characteristics of the dialectal picture of the world of the Don Cossacks: abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences: 10.02.01] / Volgogradskiy gosudarstvennyy social'no-pedagogicheskij universitet. Volgograd, 2015. 16 p. (In Russian)
- TAOV Kh.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardino-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. Nalchik: KBGU, 2005. 185 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- SHAGIROV A.K. *Osobennosti malkinskogo govora kabardinskogo yazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. n.* [Features of the Malkin dialect of the Kabardian language: abstract. diss. ...To. Philol. n.] M.: Akademiya nauk SSSR, Institut yazykoznaniiya, 1955. 14 p. (In Russian)
- SHAGIROV A.K. *Malkinskiy govor* [Malkinsky dialect]. IN: *Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii*. Nal'chik: Tipografiya im. Revolyucii 1905 goda, 1969. P. 290–329. (In Russian)

Khezeva Z.R. *Leksicheskie osobennosti malkinskogo govora kabardino-cherkesskogo yazyka* [Lexical features of the Malkin dialect of the Kabardian language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2024. T. 17. Vypusk 7. P. 2488–2493.
PMA 2024 – Author's Field Material.

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 28.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 28.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-81-88

**СЕМАНТИКА КОНКРЕТНОГО КОЛИЧЕСТВА
И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МНОЖЕСТВА В ЯЗЫКЕ
РОМАНА К.Б. ДУГУЖЕВА «ЗИМНЯЯ РАДУГА»**

Марьяна Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© М.Р. Хежева, 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу наиболее этноспецифических способов реализации семантики конкретного количества и неопределенного множества в языке романа черкесского автора К.Б. Дугужева «Зимняя радуга». Отмечено, что к микро-полно конкретного количества, выраженного числительными, целесообразно отнести и понятие нулевого количества, реализующееся в языке произведений автора весьма этноспецифичными моделями и выражениями. Обращено внимание и на то, что числительные в адыгской языковой картине мира используются не только для передачи конкретно-количественной семантики. Отдельное внимание уделено способам реализации семантики всеохватности, тотальности и поголовности. Национальной маркированностью отличается и весомый круг коллективно-адресованных обращений с мелиоративной коннотацией.

Ключевые слова: Курман Дугужев, количественность, неопределенное множество, тотальность, нулевое количество, числительные

Для цитирования: Хежева М.Р. Семантика конкретного количества и неопределенного множества в языке романа К.Б. Дугужева «Зимняя радуга» // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 81–88. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-81-88

Original article

**SEMANTICS OF A SPECIFIC QUANTITY
AND INDEFINITIVE MULTIPLEITY IN THE LANGUAGE
OF K. B. DUGUZHEV'S NOVEL "WINTER RAINBOW"**

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© M.R. Khezheva, 2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of ethno-specific ways of implementing the semantics of a specific quantity and an indefinite set in the language of the novel by the Circassian author K.B. Duguzhev "Winter Rainbow". It is noted that it is appropriate to attribute the concept of zero quantity, which is realized in the language of the author's works by very specific models and expressions, to the microfield of a specific quantity expressed by numerals. Attention is also drawn to the fact that numerals in the Adyghe linguistic

picture of the world are used not only to convey non-specific quantitative semantics. Special attention is paid to the ways of implementing the semantics of comprehensiveness, totality and population. A significant circle of collectively addressed appeals with a meliorative connotation is also distinguished by national marking.

Keywords: Kurman Duguzhev, quantitateness, indefinite set, totality, zero quantity, numerals

For citation: Khezheva M.R. Semantics of a specific quantity and indefinitive multiplicity in the language of K.B. Duguzhev's novel "Winter rainbow". Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 81–88. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-81-88

Исследование языковой реализации количественной семантики в художественном тексте является значимым способом выявления этноспецифических черт функционирования единиц с квантитативным значением. Обращение к прозе К.Б. Дугужева с целью выявления этноментальных особенностей квантификации в языковом сознании адыгов не случайно. К.Б. Дугужев – видный мастер адыгского (черкесского) художественного слова, автор многочисленных лирических и прозаических произведений. Творчество писателя красочно транслирует особенности адыгского мировоззрения, быта, психологии своеобразными языковыми моделями. Специфично вербализованы и базовые лингвофилософские категории, такие как пространство, время, качество и количество.

Семантическая категория количественности в адыгском языковом сознании целесообразно разделить на поля конкретного и неопределенного количества. Точная квантификация по определению является объективной, однозначной, не вызывающей различий в мнениях – кроме возможных ошибок в применении ее методов – счета, измерения, вычисления. В повседневной речи и тексте художественного произведения такая квантификация интенционально связана со сферой знания и выражается структурами, включающими имена числительные [Галич 2006: 155–156]. При помощи имен числительных реализуется идея конкретной количественности. При этом в языке произведений автора используется двадцатеричная и десятиричная системы счета: *Тхэр зэбга гъуэгу дэгъзеиэгъуэм дэкIт Жэр Болэт. ДэкIт и плIэр ухуауэ, и ныбжыр илъэс пцIуиц мыхъуами, лIыжъ хэкIуэта къыпфIэцIыну* [Дыгужь 2020: 13]. / «Жаров Болат поднимался по проклятой богом крутой дороге. Поднимался с искривленной спиной и несмотря на то, что ему не исполнилось и тридцати, он казался стариком». *Советыр цылажъэ пэшымырэ цIыхухэр щеджэ ликбезымырэ яку лъэбакъуэ mloуlumI нэхъыбэ дэмыл пэтми, уи гугъэнт Заур жэрыгъэкIэ километриницI къэжауэ* [Дыгужь 2020: 307]. / «Несмотря на то, что между кабинетом Советов и комнатой ликбеза было не больше сорока шагов, можно было подумать, что Заур пробежал десять километров».

Числительные в адыгском языковом сознании кроме своей основной счетной и конкретно-количественной функции выражают и национально-культурные смыслы, и идею неопределенно-большого множества. К.Б. Дугужев часто использует фразеологические единицы с нумеративами для обозначения человеческих качеств. Семантика дальновидности и хитрости, которая может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, реализуется выражениями с нумеративами *блы* «семь» и *бгъу* «девять». К примеру: *цIы къатиблым пхыроплъри цIэлъыр къельагъу* ≈ дальновидный, рассудительный» (букв.: «смотрит сквозь семь слоев земли и видит что находится внизу»). (*Болэт и гупсысэхэр:*) ...*Андрей цIы къатиблым пхыроплъри цIэлъыр къельагъу жыхуалэм хуэдэц. Шэч хэмылбъжу, Андрей къыгурыуаиц, зэригъэпэцаиц, зэтишэцаиц си Iуэхум и кIуэкIэр...* [Дыгужь 2020: 89]. / «(Мысли Болата:) ... Андрей из тех, про кого говорят: смотрит сквозь семь слоев земли и видит, что находится внизу. Без сомнения Андрей продумал и взвесил ход моих дел...»; *хыбгъум я кIуэкIэр еицI* ≈ хитрый (букв.: знает походку девяти собак): (*Асчэр Дзадзэ зыхуигъазэу:*) *Нобэ сыту хъэлэлыжъ ухъуа? Тхэм еицI уи хылагъыр къызэрыцIидзыжыну цIыкIэри, къыцыицIидзыжыну*

пIалъэри, ауэ уэ ухылэщ, ужсыжъаплъэщ. «Хьибгъум я кIуэкIэр ещIэ» зыхужалэр уэ пхуэдэщ [Дыгъужь 2020: 315]. / (Аскер обращаясь к Дзадзе:) Какой ты сегодня подозрительно добрый, Бог знает чем и когда обернется твоя хитрость, но ты хитрый и дальновидный. Ты из тех, про кого говорят: «Знает походку девяти собак».

К семантическому полю конкретного количества уместно отнести и понятие нулевого количества. Кабардино-черкесский язык обладает широким кругом этноспецифических способов реализации идеи пустоты и нуля, о чем свидетельствует и язык исследуемого автора. Лексема *нэщI* «пустой» в адыгском языковом сознании является носителем семантики отсутствия и пустоты, и весьма часто значение пустого множества вербализируется выражениями с данной лексемой. *ЛпыцIэхэр илъэсым и кIэм ягъэтхъэджэу Iэгу нэщIу къыщыдагъэкIыжи щыIэщ [Дыгъужь 2020: 96]. / «Бывает и такое, что наемных работников с многочисленными жалобами отпускают с пустыми руками в конце года».*

Репрезентантами значения ничтожно малого количества в адыгском языковом сознании служат не только квантитативные лексемы, но существительные-номинатны мелких предметов, при этом их незначительность усиливается наличием нумератива *зы* «один», а наличие в высказывании глагола или глагольной формы с аффиксами отрицания *мы-* и *-къым* сводит значение высказывания к реализации идеи совершенного отсутствия. К примеру: *(Датт:) Си нитIкIэ слъагъуу, си псэр пыту ауэ къызэрыкIуэкIэ зыми зы цхъэц налъэ дезгъэхынкъым [Дыгъужь 2020: 189]. / «(Датт:) Видя собственными глазами, я так просто не дам унести даже волосинку». Япэрауэ, зауэм зэцигъэкъуа къэралыр зыщыгугъ гъавэр зы хъэдзи хъмыщIу къышын хуейщ, етIуанэрауэ, зауэм хэкIуэда ди къуэзхэм къащIэна унагъуитIым дателэжъэн хуейщ [Дыгъужь 2020: 578]. / «Во первых, мы должны собрать весь урожай, не оставив в поле даже одного зернышка, во вторых, мы должны помочь семьям наших погибших братьев». Унэм щIэлъи Iуэм ити, джэдэщым щIэти, пцIантIэм дэлъи, ерыскъыи, хъэшыпы зэрыжаIэу зы такъырри хъщIын хуейкъым [Дыгъужь 2020: 293]. / «Из всего, что находится в доме, в хлеву, в курятнике, во дворе, из еды, вещей, как говорится, не должен исчезнуть даже один кусок». ... Дзэпцхэ я унэм щIэлъахэм щыщу Iэгъуррэ Ланэрэ зы масти къызэрамыщтар хуабжъу и гуапэ хъуащ (Мыхъэмэт) [Дыгъужь 2020: 407]. / «Магомет очень обрадовался тому, что Агур с Ляной не взяли ничего (букв.: не взяли даже иголки).*

Значение абсолютного отсутствия средств к существованию и бедственное положение вербализируется выражением *зэрыфакъырэ цIафтэу къэнэжащ* «как были без средств к существованию, так и остались в абсолютной нищете». *(Ланэ:) Дыгъужь нэщIам хуэдэу зыIурадзащ яIэщIыхъар. А зэрыфакъырэ цIафтэу къэнэжащ, зыгуэрэ дидзыхыну, зыгуэрэ ихъуну пылъкъым [Дыгъужь 2020: 204]. / «Они как изголодавшиеся волки сразу ели, все, что я им давала. Они как были без средств к существованию, так и остались в абсолютной нищете, не пытаясь что-то нажить, отложить».*

Фразеологическая единица *къэи хъмыщIыкIын* «ничего не знать, не мыслить о чем-либо, репрезентирует семантику абсолютной неосведомленности о чем-л. *Талустэн апхуэдизу зэкIэлъигъакIуэт псалъэхэри, Андрей игъэщIагъуэт мазиблкIэ узэлэбэкIыжмэ урысыбзэм къэи хъмыщIыкIар иджы хуиту зэрыпсалъэр [Дыгъужь 2020: 108]. / «Талустан настолько умело разговаривал, что Андрей удивлялся тому, что мальчик, всего семь месяцев назад абсолютно не владевший русским языком, сейчас так свободно изъясняется».*

Своеобразным выразителем семантики пустоты в адыгском языковом сознании является выражение *жъы(р) цызопцэ* «ветер дует в каком-л. пространстве», присоединяющаяся к локативным существительным в эргативе. К примеру: *гуэным жъыр цызопцэ* «в амбаре дует ветер». *(Хъэтэ Хъэрун:) ФIыцIэ и нартыху гуэнхэр иджыри къэмыуныкъуауэ гъатхэ техъащ, сэ си пцIантIэм зы гуэн цIыкIу*

дэтици, жьыр цызоци [Дыгъужь 2020: 135]. / «(Хатов Харун:) Уже весна, а амбары с кукурузой Фицы все еще полные, а у меня во дворе всего один амбарчик и то пустой (букв.: а у меня во дворе всего один и то там дует ветер).

В языке существуют различные способы выражения количественных значений – от сенсорно воспринимаемых синкретных величин и количественных оценок, характерных для обыденного познания, до точных математических форм представления количества отражающих научные концепции высшей степени абстракции [Бажанова 2010: 5].

Неопределенная множественность объективизируется в языке формой множественного числа имен существительных. Кроме того, семантика неопределенного множества реализуется рядом лексем с квантитативным значением.

Для вербализации семантики неопределенного множества носитель адыгского языкового сознания весьма часто использует нумеративы *зы* «один» и *тлу* «два», оформленные суффиксом отрицания *-кьым*: *Ауэ унагъуэр псэуфрэ сэджытрэ бытыркIэ? Iумэт хуэдэхэр зыкьым, тлукьым...* [Дыгъужь 2020: 82]. / «Разве семья может прожить на одни пожертвования? Таких как Умет в селе много (букв.: не один, и не два)».

Категория всеохватности является важнейшей универсальной понятийной категорией, отражающей все сферы человеческой жизни. Всеохватность распространяется на разные фрагменты действительности: субъектно-объектные, событийные, временные, пространственные [Канафьева 2023: 56]. Семантика всеохватности в современном кабардино-черкесском языке реализуется весьма разнообразными способами. Так, при функциональном участии относительного местоимения *псори* «весь, все» носитель адыгского языкового сознания квантифицирует и дискретные и индискретные понятия: *Комсомол ячейкэм къэтыгъэнишэу къэкълэлат зэлуцIэм хэтын хуей псори. Къэнэжар Джатэхэ зэдэлъу-зшыпхъурати, ахэр пэшымы цыцIыхъэм псори къэтэджащ* [Дыгъужь 2020: 288]. / «**Все** без остатка собрались на собрание ячейки комсомола. Не хватало только брата с сестрой Гятовых, и когда они вошли, **все** встали». *ГъацIэм дахагъэрэ къабзагъэу илэ псори цымысхьыжэу къызэкъуихт* [Дыгъужь 2020: 53]. / «Жизнь не жалея раскрывала **всю** свою красоту и чистоту».

Продуктивным способом реализации идеи тотальности и всеобщности в кабардино-черкесском литературном языке является совместное присоединение сложного префикса *зэры-* и форманта обстоятельственного падежа *-у, -уэ* к основам имен существительных с собирательным значением: *зэрыкъуажэу* «все село», «всем селом»: *Ланэ и шынаукIэри зэрыкъуажэу я мылкъу лъапIэц. Апхуэдэ шына макъым зэрыкъуажэу гу цахуэн хуейц* [Дыгъужь 2020: 253]. / «Умение Ляны играть на гармонии – богатство **всего села**. Звуком такой игры должно насладиться **все село**». *Зэрыкъэралу* «всем государством»: (*Мыхъэмэт:*) – *Узахуэц, шынэхъыцIэ, иджыптсту зэрыкъэралу зы дзэ лъэцу дызэлыкъуэтиц зауэм Iути, мыдэкIэ къэнаи...* [Дыгъужь 2020: 505]. / «Магомет: Ты прав, братишка. Сейчас мы **всем государством** сплотились в одно сильное войско, и те, кто на фронте, и те, кто в тылу...». *Зэрыдунейуэ* «всем миром»: *Зэрыдунейуэ гуфIэгъуэ махуэишхуэу ягъэлгэпIэнуц фи ажалыр* [Дыгъужь 2020: 510]. / «**Всем миром** будут праздновать радостный день вашей смерти».

Тотальность и поголовность в адыгском языковом сознании часто реализуется сложными словами, образованными по принципу сочетания существительного, соединительного интерфикса *-ры*, глагольной основы *икIын* и суффикса *-у* (существительное + *-ры-* + *икIын* + *-у*) К примеру: *хъэблэрыкIыу* «поквартирно», «по всему кварталу», *унагъуэрыкIыу* «посемейно», «по всем семьям». *Антонинэ Павловнэ хъэмзыр егъэлажэ, сабийхэм хуцхуэ ярехъэлэ, унагъуэрыкIыу дезинфекцэ ирегъэкIуэкI* [Дыгъужь 2020: 225]. / «Антонина Павловна следит за работой бани, лечит детей лекарствами, проводит **посемейную** дезинфекцию».

Лолэ игу къэкIыжащ езым лэкъум къыхидзу **хьэблэрыкIыу** къыкIухъу цыцытар [Дыгъужь 2020: 274]. / «Леля вспомнила, как сама ходила по всем кварталам и собирала лакумы».

Семантика тотальности репрезентируется языковыми моделями типа: существительное со значением местности или пространства в эргативе + существительное с суффиксом обстоятельственного падежа -уэ + причастие. К примеру: *къуажэм сабийуэ дэсыр* «все дети села». *БлатыкухэмкIэ, нып зэмфэгъухэмкIэ гъэцIлэрэцIа теианкIэр, шухэр яужьым иту, къуажэм сабийуэ дэсыр абыхэм якIэлъыжэу нысацIлэр дашэжащ Жэрхэ я цIлантIэм* [Дыгъужь 2020: 454]. / «Невесту ввели во двор к Жаровым на тачанке, украшенной разноцветными флажками и платками, за которой следовали всадники и бежали **все дети села**».

Особенность глагола как части речи с точки зрения выражения им количественных отношений проявляется в многопрофильности (многосторонности) передаваемых им количественных характеристик. Различные грамматические формы глагола, наряду со значением единичности – множественности, могут выражать в языке и другие смысловые оттенки выражения квантитативности [Рахимова 2018: 414]. В адыгском языковом сознании ряд глаголов и глагольных форм реализуют идею тотальности, распространенности и большого количества. Так, в языке исследуемого романа часто используются глаголы взаимной формы, обозначающие обоюдное, взаимное действие двух или нескольких лиц. Семантика множества и тотальности заключена во всех глаголах, образованных при помощи сложного префикса **зэцIэ-**, который вносит в глаголы значение полноты, интенсивности и совместности действия [Кумахов 1964: 194]. ... *бэгум зэцIиблаши, мы дуней хуабэм, цIлантIэпс шыугъэм ишхкъэ абыхэм (Лолэрэ Ланэрэ) я цIыфэр* [Дыгъужь 2020: 83]. / ... все тело (Ляны и Лели) покрыто коростой, разве их тела в такую жару не съедает соленый пот».

Семантика тотальности может выражаться в кабардино-черкесском языке при помощи союзных форм имени, выраженного повторяющимся союзным суффиксом -и, -и. *Къуажэм сит хуэдэ хьыбарри цIэм и жьыми зэлэпх жьыбгъэм мафIэсыр зэрихьым ецху* [Дыгъужь 2020: 77]. / В селе **все** (букв.: и молодые и старые) распространяют все новости, словно ветер распространяет пожар».

Семантика неопределенно-большого множества в языке романа «Зимняя радуга» реализуется широким кругом устойчивых и свободных сочетаний слов. Фразеологическая единица *лэувыпIэ имыIэу (умыгъуэтыжу)* означает сосредоточение большого количества лиц в одном пространстве: *Нэхъыжхэм лэувыпIэ ямыгъуэтыжу, цIлантIэм дээрэгъуа сабий къомым Хьэтэ Хьэрун яхэплэуэрэ Тоня жриIащ: –Къэдалуэт, си шыпху, нысэр къыцашэжкIэ сабий куэд кIэлъыжэмэ, нысэр джэд къуртым хуэдэу быныфIэ мэху жаIэр* [Дыгъужь 2020: 454]. «Глядя на множество детей, забывшихся во двор так, что старшим некуда даже поставить ноги, Хатов Харун сказал Тоне: – Послушай, сестра, если во время возвращения невесты в дом следом бегут много детей, сноха становится многодетной, словно насадка». Примечательно, что в вышеприведенном контексте наблюдаем ряд этноспецифичных моментов реализации семантики множества, самыми очевидными из которых являются наличие суффикса множественного числа -хэ, квантитативных лексем *куэд* и *къом* «много». Кроме того, сема большого количества заключена в глаголе *дээрэгъуэн* «забиться (о многих)». Сема количественности, выраженная суффиксом -фIэ заключена и в лексеме *быныфIэ* «многодетный».

В языке романа обнаруживаются примеры отрицательно-оцениваемой множественности, выражающиеся сочетанием лексемы *Иджэ* «много» и глагола с презрительным значением *зеджэлэн* «шататься», «слоняться» *Къыфлъысалэмэ, фыкIуэ фыдэкI! Иджы нэужь мы цIлантIэм лэмбытI къыдэвмычэ! Фэ фхуэдэ Иджэ цызоджалэ къуажэм!* [Дыгъужь 2020: 79]. / «Если вы свое получили, уходите со двора. И больше ни шагу сюда! Таких как вы много шатается по селу».

Зрительно воспринимаемый образ множества эксплицируется компаративами с составным топонимическим компонентом *Іуацхьэмахуэ* «Эльбрус» и глагола *зэтекІутэн* «насыпать», лексемы *пшагъуэ(у)* «туман(ом)». (*Болэт Лолэ жриІэу:*) *Си хьыджэбз цІыкІу! Мис фІамыцІри Іуацхьэмахуэу кьытхузэтракІутац* [Дыгъужь 2020: 301]. / («Болат обращаясь к Леле:) Девочка моя! Вот нам насыпали много = гору угля (букв.: насыпали угля словно гору Эльбрус). *Хьушэм гьудэбадзэр пшагъуэу кьацхьэцыхьати, гьуацхьэни ямыІухуэжу кІэкІэ тхьэкІумэкІэ, цхьэкІэ льякъуэкІэ зэбэдзауэт* [Дыгъужь 2020: 60]. / «Над стадом налетело много насекомых (букв.: над стадом насекомые стояли туманом), и скот, забыв о еде, отгонял их хвостом, ушами, головой».

При исследовании этноспецифических особенностей репрезентации семантики количественности в языке романа «Зимняя радуга» нельзя оставить без внимания огромный пласт обращений к неопределенному множеству лиц. Основная функция обращения – название того, к кому направлена речь – очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего (пишущего). Экспрессия выражается по-разному: интонацией, повторением обращения, сопровождающими его междометиями или частицами, лексическим значением того слова, которое выступает в роли обращения [Русская грамматика 1980: 164]. Коллективно-адресованные вокативы в кабардино-черкесском языке оформляются суффиксом множественного числа -хэ, являющимся базовым носителем семы неопределенной количественности. *Ныбжэзгъухэ! Ныцхьэбэ ІухуэгъуитІым дытесэлъыхьынуци, тІури кьызэрыкІуэкъым, дэтхэнэр япэ идгъэцыхьунми тцІэкъым* [Дыгъужь 2020: 288]. / «Друзья! Сегодня вечером мы будем говорить о двух непростых проблемах, даже не знаем с чего начать».

Для экспликации положительно оцениваемой группы лиц в адыгской языковой картине мира часто используются вокативы, в составе которых присутствуют прилагательные *фІы* «хороший», «дорогой», *лъанІэ* «дорогой», «ценный», оформленные вышеуказанным формантом множественного числа: – *Жьыцхьэмахуэ фыхъухэ, ди нэхьыжыфІхэ!* [Дыгъужь 2020: 349]. / «Счастливую старость вам, наши хорошие (дорогие) старшие! («Талустэн:) *Ныбжэзгъу лъанІэхэ! Куэдугъу фыкьыддыхьац* [Дыгъужь 2020: 295]. / («Талустан:) Дорогие (ценные) друзья! Вы изрядно потрудились для нас!».

Созидательная деятельность человека, исходящая от его внутреннего потенциала, во все времена считалась благом, что получает свое отражение в языковой картине мира, в частности, паремическом творчестве [Чертыкова 2021: 83]. В языке романа К.Б. Дугужева обнаружены мелиоративные вокативы во множественном числе, репрезентирующие положительное отношение к трудолюбию и к добросовестному труду группы лиц: (*Болэт:*) – *Зи ницІантІэпс хьэлэкІэ псэужэхэ! Сэ си кьекІуэкІыкІар фэ зэрыфцІэм хуэдэ кьабзэу, сэри соцІэ фэри кьыфцыц дэтхэнэ зыми и гьацІэр кьызэрихьыр* [Дыгъужь 2020: 140]. / («Болат:) **Живущие своим добросовестным трудом!** Так же, как вы знаете мой жизненный путь, так же и я знаю, как жил каждый из вас». («Талустэн:) *Ди кьуажэзгъу лъанІэхэ! ЛэжыакІуэ-псэуакІуэхэ! Фэ фи гым бампІэу дэлъыр зэхьыдоцІэ фІуэ!* [Дыгъужь 2020: 158]. / «Наши дорогие (ценные) односельчане! Трудяги-работяги! Мы хорошо чувствуем, сколько обид у вас на сердце!».

Часто для реализации положительной оценки множества лиц используются обращения-фразеологизмы: (*Лолэ:*) *Си кьуажэзгъухэ, си псэм хуэдэхэ! Зауэр йокІуэкІ. Лъэкъ псори зылІ и быну зэкъуэту мэзауэхэр, дэнэкІи цытекІуэр дыдейхэрац* [Дыгъужь 2020: 507]. / «Мои односельчане, мои любимые (букв.: подобные моей душе)! Идет война. Все народы объединились, словно дети одного мужчины, и воюют, наши везде одерживают победу».

Примерами мелиоративных обращений к множеству лиц можно считать модели, образованные по типу существительное с собирательным значением + лексема

махуэ «счастливый», которые часто встречаются в языке исследуемого романа. (*Хьэтэ Хьэрун:*) – *Къуажэ махуэ! Сэ сызэгупцысыр мырац* [Дыгъужь 2020: 161]. / «Счастливое село! Вот о чем я думаю».

Исследование национально-маркированных языковых единиц с семантикой конкретного количества и неопределенного множества в языке романа К.Б. Дугужева «Зимняя радуга» позволило сделать следующие **выводы**:

Являющиеся базовыми носителями семантики конкретной количественности имена числительные не всегда выражают идею точной квантификации. Присоединение к нумеративам *зы* «один» и *тлу* «два», выполняющим функции именного сказуемого, суффикса отрицания *-къым* может выражать идею неопределенно-большого количества. Национально-маркированные выражения с составным компонентом числительным не всегда несут квантитативную нагрузку, а выражают различные понятия, к примеру, черты характера.

Семантика тотальности, всеобщности, поголовности и неопределенно большого количества в адыгском языковом сознании реализуется рядом морфологических, лексических и фразеологических средств. На лексическом уровне одним из носителей семантики тотальности выступает кванторное местоимение *псори* «весь», «все», употребляемое и с исчисляемыми, и с неисчисляемыми существительными. По принципу существительное + *-ры-* + *икIын* + *-у* образуются лексемы с семантикой поголовности. Семантика тотальности реализуется типовыми моделями существительное со значением местности или пространства в эргативе + существительное с суффиксом обстоятельственного падежа *-уэ* + причастие. Присоединенные к словам, относящимся к различным классам слов, аффиксы *-хэ*, *-фIэ*, *зэры-*, *зэцIэ-* в большинстве случаев выражают идею неопределенного множества.

Весомое место в языке романа исследуемого автора в частности и в адыгском языковом сознании занимают коллективно-адресованные вокативы, в качестве которых могут функционировать и имена существительные, и прилагательные, фразеологические единицы, и свободные сочетания слов, оформленные суффиксом множественного числа, так и существительные с собирательным значением.

Список источников и литературы

Бажанова 2010 – Бажанова Ю.И. Когнитивные основания лингвистической категории количества // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). С. 5–13.

Галич 2006 – Галич Г.Г. Категория количества: знание и мнение // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Материалы II Международной научно-практической конференции: В 2 частях. под ред. Т.Г. Пшёнкиной. 2006. С. 154–158.

Дыгъужь 2020 – Дыгъужь Къу.Б. Тхыгъэхэр томым шызэхуэхьсауэ. Т. 3. Щымахуэ лэгъупыкъу. Роман. Черкесск: Нартиздат, 2020. 592 н. (Дугужев К.Б. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Зимняя радуга. Роман. Черкесск: Нартиздат, 2020. 592 с.)

Канафьева 2023 – Канафьева А.В. Категория всеохватности и ее экспрессивное поле // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 55–64.

Кумахов 1964 – Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 271 с.

Рахимова 2018 – Рахимова Э.Ф. Категория квантитативности и ее выражение глагольной лексикой в русском и башкирском языках // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 413–415.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. В 2-х тт. Т. 2. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

Чертыкова 2021 – Чертыкова М.Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 2 (32). С. 79–92.

References

BAZHANOVA YU.I. *Kognitivnye osnovaniya lingvisticheskoy kategorii kolichestva* [Cognitive foundations of the linguistic category of quantity]. IN: *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*. 2010. No. 4 (15). P. 5–13. (In Russian)

CHERTYKOVA M.D. *Obraz trudolyubivogo / lenivogo cheloveka v hakasskoj poslovichnoj kartine mira* [The image of a hard working / lazy man in the khakas profile world view]. IN: *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2021. No. 2 (32). P. 79–92. (In Russian)

DYG'UZH' K'U.B. *Thyg'ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. T. 3. Shchlymahue leg'upyk'u. Roman* [Collected works in six volumes. T. 3. Winter rainbow. Novel]. Cherkessk: Nartizdat, 2020. 592 p. (In Kabardino-Circassian)

GALICH G.G. *Kategoriya kolichestva: znanie i mnenie* [Category of quantity: knowledge and opinion]. IN: *Problemy mezhdunarodnoj kommunikacii v teorii yazyka i lingvodidaktike. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: V 2 chastyah*. pod red. T.G. Pshy-onkinoy. 2006. P. 154–158. (In Russian)

KANAFEVA A.V. *Kategoriya vseohvatnosti i eyo ekspressivnoe pole* [The category of all-inclusiveness and its expressive field]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2023. No. 3. P. 55–64. (in Russian)

KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1964 271 p. (in Russian)

RAKHIMOVA E.F. *Kategoriya kvantitativnosti i eyo vyrazhenie glagol'noj leksikoj v russkom i bashkirskom yazykah* [Category of quantitateness and its expression with verbal lexis in the bashkir and russian languages]. IN: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2018. No. 1 (68). P. 413–415. (In Russian)

Russkaya grammatika. V 2-h tt. T. 2 [Russian Grammar. In 2 vols. T. 2.] / gl. red. N.YU. SHvedova. M.: Nauka, 1980. 709 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-89-95

СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМОВ В БЕСЛЕНЕЕВСКОМ ДИАЛЕКТЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Н.Г. Шериева, 2025

Аннотация. В статье проводится анализ фонетической системы бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка, выявляются особенности использования гласных звуков в речи, выделяются отличительные характеристики в сравнении с литературным языком. К обнаруженным специфическим явлениям приводятся примеры, которые подтверждают их наличие. Актуальность исследования заключается в том, что ранее изданные по теме работы подготовлены на базе собранных в 1970 годах текстах, которые уже не отражают современного состояния диалекта.

Целью статьи является глубокое исследование фонетических процессов бесленеевского диалекта. Для этого устанавливаются не подвергнувшиеся изменениям языковые факты, описываются уникальные случаи произношения, определяются несоответствия с литературным языком. Новизна заключается в том, что все представленные материалы взяты из нового полевого материала, собранного в 2023 году на территории проживания бесленеевцев. В работе для четкого обозначения обнаруженного звука, вводятся специальные символы, даже если подобного нет в классическом алфавите кабардино-черкесского языка.

В данной статье доказано, что бесленеевский диалект проявляет свои особенности по отношению к кабардино-черкесскому литературному языку. Например: утрата некоторых гласных, замена гласного **а** гласным **э** и наоборот, переход гласного **э** в гласный **о**, гласного **ы** в гласный **э**, при выпадении звука наблюдается удлинение оставшегося в этом месте гласного **у**, также некоторые реже встречающиеся случаи замены одних звуков другими.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, диалект, бесленеевский диалект, фонетика, гласные звуки

Для цитирования: Шериева Н.Г. Специфика системы вокализмов в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 89–95. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-89-95

Original article

THE SPECIFICITY OF THE SYSTEM OF VOCALISMS IN THE BESLENEYEVSKY DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© N.G. Sherieva, 2025

Abstract. The article analyzes the phonetic system of the Besleneyevsky dialect of the Kabardino-Circassian language, identifies the features of the use of vowels in speech, highlights distinctive characteristics in comparison with the literary language. The discovered specific phenomena are given examples that confirm their presence. The relevance of the study lies in the fact that previously published works on the topic were prepared on the basis of texts collected in the 1970s, which no longer reflect the current state of the dialect.

The aim of the article is a deep study of the phonetic processes of the Besleneyevsky dialect. For this purpose, unchanged linguistic facts are established and unique cases of pronunciation are described, and discrepancies with the literary language are determined. The novelty lies in the fact that all the presented materials are taken from new field material collected in 2023 in the territory of residence of the Besleneyevtsy. In the work, special symbols are introduced to clearly indicate the detected sound, even if there is no such thing in the classical alphabet of the Kabardino-Circassian language.

This article proves that the Besleneyevsky dialect exhibits its own peculiarities in relation to the Kabardino-Circassian literary language. For example: the loss of some vowels, the replacement of the vowel *a* with the vowel *e* and vice versa, the transition of the vowel *e* into the vowel *o*, the vowel *y* into the vowel *e*, when a sound is lost, the vowel *y* remaining in that place is lengthened, as well as some less common cases of the replacement of some vowels with others.

Keywords: Kabardino-Circassian language, dialect, Besleneyevsky dialect, phonetics, vowel sounds

For citation: Sherieva N.G. The Specificity of the System of Vocalisms in the Besleneyevsky Dialect of the Kabardino-Circassian Language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 89–95. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-89-95

Диалекты кабардино-черкесского языка представляют большой интерес с точки зрения взаимодействия разных языков, так как они развиваются в особых лингвистических условиях (многоязычная среда, лишение влияния литературного языка). Без исследования и описания диалектных особенностей неосуществимо решение некоторых проблем лингвистики.

Носители бесленеевского диалекта проживают в четырех населенных пунктах: Бесленей Хабезского района, Вако-Жиле Адыгехабльского района Карачаево-Черкесской Республики, Коноково и Кургоково Новокубанского ныне Успенского района Краснодарского края. Бесленеевский диалект еще представлен и за пределами нашей страны – в Турции, Сирии и Иордании, причем их за рубежом значительно больше, чем на исторической родине.

В лингвистической литературе впервые более или менее определенно о бесленеевском диалекте писал Ш.Б. Ногмов, который указал, что «кабардинское и бесленеевское наречия – самые чистые» [Ногмов 1947: 37].

Исходя из фонетического состава диалекта, Л.Г. Лопатинский считал данный диалект «среднеадыгейским или бесленеевским» наречием, составляющим переходную ступень между нижнеадыгейским и кабардинским языками [Лопатинский 1891: 1].

После Великой Октябрьской революции материалы по бесленеевскому диалекту начали публиковаться в работах исследователей адыгских языков. В статье профессора Н.Ф. Яковлева «Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков» [Яковлев 1928] дана попытка установить причины появления бесленеевского племени и определить место их языка в системе адыгских наречий и говоров. Через два года он вновь возвращается к изучению бесленеевского диалекта в работе «Языки и народы Кавказа» [Яковлев 1930].

В «Кратком обзоре адыгейских диалектов» Д.А. Ашхамаф бесленеевскую речь объединяет с речью кабардинских жителей Черкесии и с речью кабардинцев, абазинцев в Адыгейской автономной области под общим названием «черкесско-кабардинский диалект» [Ашхамаф 1939].

Некоторые данные о бесленеевском диалекте приводятся и в работах Г.Ф. Турчанинова «Язык, письменность, печать» [Турчанинов 1946], «О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке» [Турчанинов 1949], а также

в «Грамматике кабардинского языка», написанной совместно с М. Цаговым [Турчанинов, Цагов 1941].

В 1948 году группа авторов (М.Л. Абитов, Н.Ф. Яковлев, М.М. Сакиев) издала в журнале «Ученые записки» семь текстов на бесленеевском диалекте [Абитов и др. 1948].

Монографически бесленеевский диалект был изучен Б.Х. Балкаровым. Он производил записи текстов во всех бесленеевских аулах в 1948 г. Анализ языкового материала данного диалекта позволил ученому прийти к выводу о том, что он является диалектом кабардино-черкесского языка, отличительные особенности которого идут по линии сохранения более архаичных норм, характеризующих прошлое адыгских языков вообще и кабардинского языка в частности, где появились ряд особенностей, которые развились в диалекте самостоятельно [Балкаров, 1969: 111–112].

Значение практического и теоретического изучения диалектов кабардино-черкесского языка в последующем описывали М.А. Кумахов [Кумахов 1957], З.Ю. Кумахова [Кумахова 1967], Х.Т. Таов [Таов 1975].

Учитывая, что с момента издания данных исследований прошло много времени, язык бесленеевцев подвергся некоторым изменениям. Для анализа современного состояния диалекта и выявления языковых процессов нами собран новый полевой материал в 2023 г. в указанных выше четырех аулах, где можно пронаблюдать за всеми уровнями языковой системы бесленеевского диалекта. Транскрибировано 37 текстов (56 страниц). Накопленный материал отражает живую речь представителей разных возрастов обоего пола. Он помог выявить фонетические, грамматические, лексические, синтаксические особенности современной речи бесленеевцев. На основе данного материала изданы в последнее время несколько работ [Шериева 2024а; Шериева 2024b; Афаунова, Шериева 2025], где раскрываются особенности современного состояния исследуемого диалекта.

В сборе полевого материала оказала неоценимую помощь заведующая архивом Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН А.К. Шапарова, которой мы очень благодарны.

Бесленеевский диалект развивается в очень своеобразных условиях. Аулы Бесленей и Вако-Жиле находятся в соприкосновении с носителями абазинского, русского, ногайского и черкесского языков, а жители аулов Коноково и Кургоково в тесном контакте с носителями адыгейского и русского языков, которые расположены за пределами распространения кабардино-черкесского языка. Речь бесленеевских аулов не обнаруживает между собой существенных различий, хотя выявились некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности.

Привлекает внимание фонетика бесленеевского диалекта, которая дает ценный материал для выяснения языковых процессов, происходящих при контакте близкородственных языков. Воздействие русского языка на данный диалект дает изменения не только в лексическом, но и в фонетическом и грамматическом плане, что важно для исследования структуры языка.

Определенный интерес представляет система гласных звуков. Сравнительный анализ текстов показал, что их использование в большей степени совпадает с нормами литературного языка, но со своими специфическими фонетическими особенностями. Например, вскрывается утрата некоторых гласных, которые произносятся в литературном кабардино-черкесском языке:

– в начале слова:

беслен.

тІанэ

гысту

– в середине слова:

беслен.

цІыхур едэІукъым

лит.

итІанэ

иджыпсту

лит.

цІыхур едаІуэркъым

рус.

потом

сейчас

рус.

люди не слушают

– в конце слова:

беслен.

ягъэхъэзырау

къинэмычлау

лит.

ягъэхъэзырауэ

къинэмычлауэ

рус.

подготовили

кроме этого

При сравнении с литературным языком отмечается также вместо гласного **а** использование гласного **э**:

беслен.

цыхур едэлукъым

лит.

цыхур едалуэркъым

рус.

люди не слушают

Или, наоборот, вместо литературного **э** произносят **а**:

беслен.

хъэчлэкхуачлэхэ

здаклуэм

лит.

хъэчлэкхуэчлэхэр

здэклуэм

рус.

животные

куда шел

В бесленеевском диалекте гласный **э** с соседними лабиализованными согласными звуками вместо ожидаемого слога переходит в **о**:

беслен.

луоху

ахуоду

лит.

луэху

апхуэдэу

рус.

дело

так

Как и в других диалектах, в литературном языке бывают случаи, когда сочетание **эу** у бесленеевцев переходит в звук **о**:

беслен.

сызыгъэпсор

сыщопсо

лит.

сызыгъэпсэур

сыщопсэу

рус.

живу (этим)

живу (где-л.)

Для данного диалекта характерно, что литературному гласному **ы** противопоставляется **э**. Такое явление отмечается и в начале, и в конце слова:

беслен.

дэхъэ

хъэбар

члэхъэ

адыгэ лъэпкъэм

лит.

дыхъэ

хъыбар

цлыхъэ

адыгэ лъэпкъым

рус.

войди

известие

зайди

адыгская нация

Отмечаются случаи, когда имеющийся в литературном языке гласный **э** в диалекте переходит в **ы**:

беслен.

луохум ехъыллауэ

ебгъуанэ лъыцлэгъуэм

лит.

луэхум ехъэллауэ

ебгъуанэ лъэцлэгъуэм

рус.

то что касается дела

в девятом веке

В речи одного человека встретили в начале слова перестановку гласных **а/э, о**. Трудно объяснить, чем это вызвано. Возможно, что такая особенность наблюдается только у одного пользователя или же она еще полностью недоисследована:

беслен.

содэлэпыкъур

лит.

садолэпыкъур

рус.

помогаю

К малоупотребительным формам относятся:

1) когда литературному гласному **е** в диалекте соответствует **а**:

беслен.

дэри дадэлуу

лит.

дэри дедалуэу

рус.

мы тоже слушались

2) когда литературный гласный **а** заменяется в диалекте гласным **е**:

беслен.

сиенэ-сиедэм

лит.

си анэ-си адэм

рус.

мои родители

3) когда вместо литературного слога **йа** в диалекте употребляется гласный **йы**:

беслен.

йыпэрей лъэхъаным

лит.

йапэрей лъэхъэнэм

рус.

в самом раннем периоде

4) когда литературному слогу **йы** в диалекте противопоставляется гласный **а**:

беслен.

атланэ

лит.

йытланэ

рус.

потом

5) вместо литературного гласного **и** в диалекте употребляется **ы**:

беслен.	лит.	рус.
поддержать <i>сыцЫн</i>	поддержать <i>сицИн</i>	поддержит

Такая особенность была отмечена и выделена Б.Х. Балкаровым: *кыуыкыла* (кыиуклаш) «убил», *кыыштэри* (кыиштэри) «взял и», *кыуыбыдри* (кыиубыдри) «схватил и», *джыыIэри* (жиIэри) «сказал и», *кыыхуыну* (кыихуну) «пригнать» и т.д. Это явление чаще наблюдается после направительного префикса [Балкаров 1969: 83].

6) отмечаются в диалекте случаи употребления гласного **а** вместо литературного **ы**:

беслен.	лит.	рус.
<i>тхуджаIэкъым</i>	<i>тхужыIэркъым</i>	не можем сказать

7) когда гласному **е** (**йэ**) соответствует слог **ай**:

беслен.	лит.	рус.
<i>айзыхэми</i>	<i>йэзыхэми</i>	самим

8) вместо гласного **э** становится гласный **и**:

беслен.	лит.	рус.
<i>хъэми</i>	<i>хъэмэ / хъэмэрэ</i>	или, либо

При выпадении гласных в словах замечаем удлинение оставшегося в этом месте гласного **у**. Например:

беслен.	лит.	рус.
<i>фIуу</i>	<i>фIыуэ</i>	хорошо
<i>дахуу</i>	<i>дахэу</i>	красиво
<i>джоууэ</i>	<i>жиIэу</i>	говоря

Такое явление имеет распространение и в других диалектах и говорах кабардино-черкесского языка.

Отмеченное Б.Х. Балкаровым наличие в диалекте **эй**, **ай**, которые противостоят литературному **ей**, нами не обнаружено: *джъэй* (жей) «спи», *дэй* (дей) «орешник», *лъэй* (лзей) «ноговицы», *кыуылай* (кыулей) «богатый», *бай* (бей) «богатый». Исходя из указанного процесса, ученый считал, что данные в первичных частях в диалекте сохранили максимальную форму открытости [Балкаров 1969: 83].

Названным автором были зафиксированы случаи замены литературного гласного **е** в середине слова гласными **а** и **э** в бесленеевском диалекте (*табэ* (тебэ) «сковородка», *Бэтал* (Бетал) «Бетал»). В дистрибутивном плане для диалекта характерно употребление в начале слова краткого **ы**: (*ынэ* (и нэ) «его нос», *ыгъуэ* (игъуэ) «срок, время», *ыжэ* (и жьэ) «его рот», *ырет* (ирет) «ему дает что-то», *ытха* (итхащ) «написал что-то») [Балкаров 1969: 83]. Такие примеры также не были обнаружены в нашем новом материале.

Список источников и литературы

Абитов и др. 1948 – *Абитов М.Л., Яковлев Н.Ф., Сакиев М.М.* Тексты на бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка, написанные участниками кавказской лингвистической экспедиции Института языка и мышления АН СССР в 1948 г. // УЗКНИИ. Нальчик: 1948 Т. 4. С. 157–171.

Афаунова, Шериева 2025 – *Афаунова А.А., Шериева Н.Г.* Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. С. 55–73.

Ашхамаф 1939 – *Ашхамаф Д.А.* Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп: Адыгнациздат, 1939. 22 с.

Балкаров 1959 – *Балкаров Б.Х.* Язык бесленейцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн.изд., 1959. 148 с.

Балкаров 1969 – *Балкаров Б.Х.* Бесленейский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. С. 76–118.

Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки КБГУ. Вып. 2. 1957. С. 111–120.

Кумахова 1967 – *Кумахова З.Ю.* Некоторые вопросы нормы кабардино-черкесского литературного языка // Ученые записки. Серия Филология. Т. XXIV. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. С. 153–160.

Лопатинский 1891 – *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК. Вып. XII. Тифлис, 1891. 46 с.

Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 239 с.

Таов 1975 – *Таов Х.Т.* Некоторые вопросы бесленеевского диалекта // Ученые записки. Серия Филология. Т. XXVII. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1975. С. 144–156.

Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Язык, письменность, печать // Сборник «Кабардинская АССР». Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1946. С. 256–281.

Турчанинов 1949 – *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX столетия // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 39–61.

Турчанинов, Цагов 1941 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. 160 с.

Шериева 2024a – *Шериева Н.Г.* Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2024. № 1 (60). С. 42–51.

Шериева 2024b – *Шериева Н.Г.* Особенности грамматического строя бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2024. № 3 (62). С. 108–118.

Яковлев 1928 – *Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, Т. I. Ростов-на-Дону, 1928. С. 117–128.

Яковлев 1930 – *Яковлев Н.Ф.* Языки и народы Кавказа. Тифлис: Заккнига, 1930. 69 с.

References

ABITOV M.L., YAKOVLEV N.F., SAKIJ M.M. Teksty na besleneevskom dialekte kabardino-cherkesskogo yazyka, napisannye uchastnikami kavkazskoj lingvisticheskoy ekspedicii Instituta yazyka i myshleniya AN SSSR v 1948 g. [Texts in the Beslene dialect of the Kabardino-Cherkess language, written by participants of the Caucasian Linguistics Expedition of the Institute of Language and Thought of the Academy of Sciences of the USSR in 1948.] // UZKNII. Nal'chik, 1948. T. 4. S. 157–171. (In Russian and Kabardino-Circassian)

AFAUNOVA A.A., SHERIEVA N.G. Foneticheskie osobennosti mozdokskogo i besleneevskogo dialektov kabardino-cherkesskogo yazyka (shodstva i razlichiya) [Phonetic Features of the Mozdok and Besleneevsky Dialects of the Kabardino-Circassian Language (Similarities and Differences)] // Nauchnyj dialog. 2025. T. 14. № 4. S. 55–73. (In Russian and Kabardino-Circassian)

ASHKHAMAF D.A. Kratkij obzor adygejskih dialektov [A brief overview of the Adyghe dialects]. Majkop: Adygnacizdat, 1939. 22 s. (In Russian)

BALKAROV B.H. Yazyk beslenejcev [The language of the Beslene people]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe kn.izd., 1959. 148 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

BALKAROV B.H. Beslenejskij dialekt [Beslene dialect] // Oчерки kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik: Tipografiya im. Revolyucii 1905 g., 1969. S. 76–118. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAHOV M.A. K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov [On the issue of classification of Adyghe dialects] // Uchenye zapiska KBGU. 1957. Vyp. 2. S. 111–120. (In Russian)

KUMAHOVA Z.Yu. Nekotorye voprosy normy kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [Some questions about the norm of the Kabardino-Circassian literary language] // Uchenye zapiski. Seriya Filologiya. T. XXIV. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. S. 153–160. (In Russian)

LOPATINSKIJ L.G. Kratkaya kabardinskaya grammatika [Brief Kabardian grammar]. SMOMPK. Vyp. XII. Tiflis, 1891. 46 s. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. Istoriya adygejskogo naroda [History of the Adyghe people]. Nal'chik: Kabgosizdat, 1947. 239 s. (In Russian)

TAOV H.T. Nekotorye voprosy besleneevskogo dialekta [Some questions about the Besleneyevsky dialect] // Uchenye zapiski. Seriya Filologiya. T. XXVII. Nal'chik: Poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 1975. S. 144–156. (In Russian)

TURCHANINOV G.F. Yazyk, pis'mennost', pechat' [Language, writing, printing] // Sbornik «Kabardinskaya ASSR». Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1946. S. 256–281. (In Russian)

TURCHANINOV G.F. O nekotoryh foneticheskikh yavleniyah v kabardinskom yazyke pervoj poloviny XIX stoletiya [About some phonetic phenomena in the Kabardian language of the first half of the 19th century] // Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana. Vyp. 2. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 39–61. (In Russian)

TURCHANINOV G., CAGOV M. Grammatika kabardinskogo yazyka [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 160 s. (In Russian)

SHERIEVA N.G. Foneticheskie osobennosti besleneevskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka [Phonetic features of the Besleneyevsky dialect of the Kabardino-Circassian language] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, 2024a. № 1 (60). S. 42–51. (In Russian and Kabardino-Circassian)

SHERIEVA N.G. Osobennosti grammaticheskogo stroya beslenejskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka [Features of the grammatical structure of the Besleney dialect of the Kabardino-Circassian language] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 2024b. № 3 (62). S. 108–118. (In Russian and Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. Kratkiy obzor cherkesskikh (adygejskikh) narechij i yazykov [A brief overview of Circassian (Adyghe) dialects and languages] // Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, T. I. Rostov-na-Donu, 1928. S. 117–128. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. Yazyki i narody Kavkaza [Languages and peoples of the Caucasus]. Tiflis: Zakkniga, 1930. 69 s. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Шэру Н.Гъу. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-96-100

ВОЙНА – КАК СУДЬБОНОСНЫЙ ФАКТОР В ПОВЕСТИ АХМЕДХАНА НАЛОЕВА: «ТАМ, ЗА ГОРОЙ КУБАТИ»

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2025

Аннотация. В статье рассматривается повесть Ахмедхана Налоева «Там, за горой Кубати» как одно из ключевых произведений кабардинской прозы, посвященной осмыслению последствий Великой Отечественной войны. Автор повести показывает, что война продолжает существовать в жизни человека и после формального завершения боевых действий, оставаясь неразрешенной внутренней травмой. Через образ главного героя, вернувшегося на родину спустя годы, раскрывается феномен посттравматического восприятия окружающего мира, искажающего реальность и нарушающего чувство принадлежности к миру «мирной» жизни. Особое внимание в статье уделено роли пейзажа как выразительного средства, где топоним горы Кубати превращается в сакральный символ народной памяти и нравственного очищения. В структуре повести подчеркивается отсутствие внешнего конфликта – акцент перенесен на внутреннюю борьбу героя, на его молчаливое преодоление боли и стремление к восстановлению связи с утраченной целостностью. Исследуется идиостиль Ахмедхана Налоева, выражающийся в использовании лаконичной фразы, внутреннего монолога, символики и поэтизации ландшафта. Делается вывод о философском измерении произведения, в котором война осмысливается не столько как исторический эпизод, сколько как экзистенциальное состояние. Повесть интерпретируется как акт памяти, направленный на сохранение личностной и коллективной идентичности.

Ключевые слова: структура, война, травма, топоним, национальная литература, гора Кубати

Для цитирования: Алхасова С.М. Война – как судьбоносный фактор в повести А. Налоева: «Там, за горой Кубати» // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 96–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-96-100

Original article

WAR AS A FATEFUL FACTOR IN A. NALOEV'S STORY: “THERE, BEHIND THE KUBATI MOUNTAIN”

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2024

Abstract. The article examines the story by Akhmedkhan Naloev “There, Behind Mount Kubati” as one of the key works of Kabardian prose dedicated to understanding the consequences of the Great Patriotic War. The author of the story shows that war continues to exist in a person’s life even after the formal end of hostilities, remaining an unresolved internal trauma. Through the image of the protagonist, who returned to his homeland after years, the phenomenon of post-traumatic perception of the surrounding world is revealed, distorting reality and violating the sense of belonging to the world of “peaceful” life. Particular attention in the article is paid to the role of landscape as an expressive means, where the topos of Mount Kubati turns into a sacred symbol of national memory and moral purification. The structure of the story emphasizes the absence of external conflict – the emphasis is shifted to the hero’s internal struggle, his silent overcoming of pain and the desire to restore the connection with the lost integrity. The idiosyncrasy of Akhmedkhan Naloev is examined, expressed in the use of a laconic phrase, internal monologue, symbolism and poeticization of the landscape. A conclusion is made about the philosophical dimension of the work, in which the war is understood not so much as a historical episode, but as an existential state. The story is interpreted as an act of memory aimed at preserving personal and collective identity.

Keywords: structure, war, trauma, topos, national literature, Mountain Kubati

For citation: Alkhasova S.M. War as a fateful factor in A. Naloev’s story: “There, behind the Kubati mountain”. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 96–100. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-96-100

Повесть Ахмедхана Налоева «Там, за горой Кубати» – это глубоко лирическое произведение о Великой Отечественной войне, написанное не как фронтовой очерк, а как трагический, и вместе с тем философский взгляд на последствия войны в судьбах простых людей. Автор исследует, как война деформирует человеческие отношения, как она вторгается в судьбы людей, оставляя после себя не только разрушения, но и душевные раны. Ахмедхан Налоев не изображает войну как череду военных подвигов или героических сражений, его интересует человеческая цена войны: что остается в душе человека, когда умолкают пушки? Какую память несет в себе каждый, кто видел смерть и утрату? Повесть демонстрирует, что война – это не столько линия фронта, сколько изменение всего бытия, которое затрагивает каждого: солдата, вдову, старика, ребенка. В центре повести – память, тоска по ушедшему и невозможность вернуть утраченное. Герои живут и до, и после войны, но в них теперь всегда живет война. Для многих из них война стала экзистенциальной границей – до и после: «Налоев не просто описывает историческую действительность, но и ставит важные философские вопросы о природе человеческой свободы, морального выбора и ответственности перед прошлым и будущим» [Шевлоков 2003: 297].

Главных героев трое, это: старый Карачай, ветеран гражданской войны, Амин Конов, молодой человек из Калежа, который, оставив свою любимую девушку Жанусю, не успев сделать ей даже предложение, ушел на фронт, и Мыша Килов, молодой солдат, который получил в бою тяжелое увечье и остался без обеих ног. Карачай же убежал в лес и благополучно оказался в партизанском отряде: имея опыт, Карачай даже руководил отрядом. Когда Амин и Мыша возвращаются с фронта в родные места, то им все кажется чужим: деревня стоит, горы те же, но – «что-то сломано». Их отчуждение от мирной жизни – следствие не только физических испытаний, но и психологической травмы. Герои повести – это и женщины, ждущие и не дождавшиеся с фронта своих мужчин, старики, потерявшие сыновей, и мальчишки, которые выросли без отцов. Например, Жануся, возлюбленная Амина Килова. Война сломала и ее судьбу, и судьбу Амина. Пока ее жених сражался на фронте, писал ей письма (и она отвечала на эти письма), Жануся вынуждена была под угрозами выйти замуж за Даута, ставшего приспешником фашистов и служащего у них полицаем. Правда, в финале повести говорится, что, спустя восемнадцать лет, наконец-то состоится их свадьба Амином Коновым. Образ утраты – универсальный признак всех персонажей. Даже те, кто остался жив, что-то утратили безвозвратно: «возвращаются другие люди». Один из самых

выразительных женских образов – мать исчезнувшей трехлетней девочки Лейлы – Губата, которая не теряет надежды, хотя давно уже закончилась война, и розыски давно прекратились, и прошло уже восемнадцать лет. Девочка потерялась в толпе, когда убегали от немцев. Этот образ связывается с традиционной кавказской темой долга, чести, стойкости, но и с трагической беспомощностью перед судьбой.

Основная тема повести «Там, за горой Кубати» – это тема послевоенной травмы, где война – не эпизод истории, а хроническое состояние души. Ахмедхан Налоев показывает, что героизм не заканчивается на поле боя – он продолжается в способности жить после войны, помнить, не ожесточиться, сохранить человеческое в себе. Главный смысл повести – в моральной устойчивости человека, которого война может искалечить, но не уничтожить. Война подается в повести, как не прошедшее прошлое.

Таким образом, произведение Ахмедхана Налоева «Там, за горой Кубати» – это пронзительное художественное размышление о послевоенной судьбе человека, возвращенного к жизни, но навсегда связанного с памятью о погибших. Действие повести происходит в селении Калез, нынешнем Старом Урухе, у подножия небольшой горы Кубати (в настоящее время название горы потеряно). Пейзаж играет здесь очень важную роль, можно сказать, психологическую. К примеру, произведение открывается образами кавказской природы, которая у А. Налоева никогда не бывает нейтральным фоном. Горы, тропы, кустарники, проселочные дороги – все это становится отражением душевного состояния героев. Уже в самом начале действия становится ясно, что герой возвращается не просто в родное село, а в пространство памяти. Топографическое движение героя сопряжено с духовным паломничеством – путь к горе Кубати становится одновременно возвращением в прошлое: «Он видел те же дороги, но не чувствовал их ногами. Он знал каждый изгиб, но все было как будто под стеклом» [Налоев 2002: 82]. Здесь пейзаж становится метафорой отчуждения, восприятия мира после трагических потерь: «Солнце висело над гребнем Кубати, жара спала. И он услышал, как шумит Урух. Знакомый громкий шорох воды по камням наполнил его неожиданным умиротворением: все по-старому – шумит Урух, идет жизнь» [Налоев 2002: 84]. Возвращение героя с фронта в родное село, на первый взгляд, кажется событием обыденным: он жив, он дома. Но с первых же сцен становится понятно: возвращение физическое не означает возвращения внутреннего. Повесть строится на контрасте «живых» и «оставшихся», где герой оказывается между двумя мирами – между мертвыми и живыми, между памятью и настоящим. Особое внимание автор уделяет внутренней молчаливой борьбе героя: как Амина Конова, так и Мыши Килова. Они не могут забыть войну – у них отнята возможность полноценно быть в настоящем. Например, Мыша Килов. О нем автор пишет так: «Люди встречали его, как спасшегося. А он чувствовал, что спасения не было» [Налоев 2002: 90]. Это важный лейтмотив: жизнь после войны – не спасение, а продолжение вины, долга, памяти. Значительная часть повести посвящена воспоминаниям героя, которые не следуют хронологически, а возникают фрагментами, как болезненные озарения. Этот прием подчеркивает травматическую природу памяти: она всплывает неожиданно, бессистемно, но всегда точно.

Особое место занимает молчание героя. Автор произведения Налоев пишет с интонацией, как бы полутонем, используя подспудную речь. Молчание здесь говорит больше, чем слова. Персонажи не склонны к длинным исповедям, их боль – сдержанная, но от этого не менее острая. Герой встречается с вдовой своего товарища, навещает дом, где когда-то был счастлив, сталкивается с переменами, которые подчеркивают: все, что казалось вечным, оказалось временным. Гора Кубати выступает здесь как топоним трагической памяти. Гора становится центральным смысловым значением всей повести. Высшей точкой становится паломничество

героя к горе Кубати, где он и его боевой товарищ пережили одну из тяжелейших битв. Именно там погиб друг, именно туда тянет героя – не только телом, но и душой. Кубати становится сакральным местом, своеобразным хранилищем памяти: «Нет на земле уголка, куда война не заглянула бы своим страшным зраком, где не сломала бы человеческих судеб не разрушила привычного, милого сердцу уклада жизни, диктуя свои жестокие, противоестественные законы. Камни помнили. Трава помнила. Только люди забывали...» [Налоев 2002: 3]. Это момент, в котором Налоев соединяет географическое и метафизическое. Гора Кубати – это место боли, подвига и вины. Здесь герой словно проходит очищение через скорбь. Нступает развязка повести: это – печать тишины. Повесть заканчивается тихо, как молитва. Никакой патетики, никаких триумфов. Финал – это безмолвие, в котором герой остается наедине с собой, с прошлым, с вечно незаживающей раной: «Он не знал, зачем пришел. Но если бы не пришел, не мог бы жить» [Налоев 2002: 84]. Эта фраза может быть ключом к пониманию всей повести: память нужна не мертвым, а живым, и только через возвращение к боли человек может сохранить свое человеческое.

Что касается идиостиля Ахмедхана Налоева, то он пишет лаконично, сдержанно, избегая прямых оценок. Его стиль – это стиль уважения к памяти, к трагическому опыту, который не нуждается в приукрашивании. Использование внутреннего монолога, символики природы, подчеркнутая этичность повествования делают эту повесть не просто произведением о войне, а этическим актом – данью памяти. Повесть «Там, за горой Кубати» – это не фронтовая хроника, а медитативный рассказ о внутренней травме и трудном, почти невозможном, возвращении в мир. Структура произведения построена так, чтобы читатель проживал вместе с героем все уровни потери, памяти и попытки примирения с собой. Это не история о победителе, а история человека, который остался в живых, и потому несет память за тех, кто остался навсегда лежать под горой Кубати.

Итак, повесть Ахмедхана Налоева «Там, за горой Кубати» – одно из значимых произведений кабардино-черкесской военной прозы 70–80-х годов XX века. Автор рассматривает войну не только как историческое событие, но как личную катастрофу, последствия которой не заканчиваются с окончанием военных действий. В самом названии повести заключен топографический и метафизический ориентир, формирующий основное содержание произведения.

Повесть Ахмедхана Налоева «Там, за горой Кубати» – это художественное свидетельство о поствоенной судьбе человека. Война показана не как эпизод, а как состояние, в котором человек продолжает существовать. Это история не о героизме, а о выживании. Это произведение – не о победе, а о способности людей сохранить человеческое в самые жестокие испытания войны. Повесть представляет собой акт памяти, в котором боль становится основой нравственного выбора человека.

Список источников и литературы

- Нало 1977 – *Нало Ахьмэдхъан*. Нэхущ шу. Роман. Налшык: Эльбрус, 1977. 424 н.
Налоев 1987 – *Налоев А.Х.* Избранное: рассказы, повести. Нальчик: Эльбрус, 1987. 320 с.
Налоев 2001 – *Налоев А.Х.* Избранное в 2-х томах. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2001. 327 с.
Шевлоков 2003 – *Шевлоков П.Ж.* Ахмедхан Налоев // Писатели Кабардино-Балкарии. Биобиблиографический словарь. Нальчик: КБИГИ, 2003. С. 297–301.

References

- NALO A.Kh. *Nahush shu. Roman* [Riders of the Dawn. Novel]. Nalchik: Elbrus, 1977. 424 p. (In Circassian)

NALOEV A.K Selected: stories, novellas. Nalchik: Elbrus, 1987. 320 p. (In Russian)

NALOEV A.Kh. Selected works in two volumes. Vol. I. Nalchik: Elbrus, 2001. 327 p. (In Russian)

SHEVLOKOV P.Zh. *Ahmedhan Naloev*. IN: Writers of Kabardino-Balkaria. Biographical Dictionary. Nalchik: KBIGI, 2003. P. 297–301. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

ОБРАЗ АТАЛЫКА В РОМАНЕ «МЕДВЕЖЬИ КОГТИ» С.Х. МАФЕДЗЕВА

Елена Нартишановна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2025

Аннотация. Процесс переоценки ценностей, коснувшийся различных сторон жизнедеятельности современного человека в постсоветский период, привел писателей к поиску новых аксиологических ориентиров, алгоритмов по сохранению этнической культуры. В подавляющем большинстве текстов современных авторов наблюдается тяготение к детализированным характеристикам этнографического быта, воспроизведению обычаев и традиций с целью сохранения бытующих в этносреде традиционных моделей поведенческой этики, императивов и адатных воззрений. Роман С.Х. Мафедзева «Медвежьи когти» позволяет осознать человеку свою отличительность и целостность в условиях глобализации и распространения массовой унифицирующей культуры. Рассматривая проблему в плоскости «свое – чужое», автор ярко и выразительно подчеркивает особенности менталитета адыгов, психологический портрет нации, ее моральные нормы. Образ аталыка. реконструирует менталитет и личностное мировоззрение далеких предков в канун Кавказской войны, позволяет познакомиться с системой воинской подготовки, выявить нравственно-этические принципы и правила, этнокультурные стереотипы поведения.

Ключевые слова: С.Х. Мафедзев, роман «Медвежьи когти», образ аталыка, черкесский этикет, военно-физическая подготовка, менталитет адыгов, психологический портрет нации

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Образ аталыка в романе «Медвежьи когти» С.Х. Мафедзева // Вестник КБГИ. 2025. № 2 (65). С. 101–108. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

Original article

THE IMAGE OF ATALYK IN THE NOVEL “BEAR CLAWS” BY S.KH. MAFEDZEV

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2025

Abstract. The process of revaluation of values, which affected various aspects of modern human life in the post-Soviet period, led writers to search for new axiological guidelines and algorithms for the preservation of ethnic culture. In the vast majority of texts by modern authors, there is a tendency towards detailed characteristics of ethnographic life, the

reproduction of customs and traditions in order to preserve traditional models of behavioral ethics, imperatives and adaptive views prevailing in the ethnic environment. S.H. Mafedzev's novel "Bear Claws" allows a person to realize his distinctiveness and integrity in the context of globalization and the spread of a mass unifying culture. Considering the problem in the "friend-foe" perspective, the author vividly and expressively emphasizes the peculiarities of the Adyghe mentality, the psychological portrait of the nation, and its moral norms. The image of Atalyk. reconstructs the mentality and personal worldview of distant ancestors on the eve of the Caucasian War, allows you to get acquainted with the system of military training, identify moral and ethical principles and rules, ethno-cultural stereotypes of behavior.

Keywords: S.Kh. Mafedzev, novel "Bear Claws", the image of Atalyk, Circassian etiquette, military and physical training, the mentality of the Adyghe, the psychological portrait of the nation

For citation: Betuganova E.N. The image of Atalyk in the novel "Bear claws" by S.Kh. Mafedzev. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2025; 2 (65): 101–108. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

Важное место в художественной системе образов романа «Медвежья когти» занимает образ аталыка Хашамахо. Через него в романе появляется возможность познакомиться с системой воинской подготовки, выявить общие для всего этноса нравственно-этические принципы и правила, этнокультурные стереотипы поведения.

Свое повествование автор начинает с детального описания быфыкхуэ (воспитанника) Джамбулата, которого Хашамахо взял на воспитание из княжеской семьи Жанхота Кушука. Автор подчеркивает, что Джамбулат разительно отличался от своих сверстников: «*Псоми ятеклуэрт, кхэхэцхырт Жанхуэрт Кушыку и кхуэ Джамболэт*» [Мафедзев 1998: 31]. – «Среди всех выделялся Жанхот Кушуко, сын Джамбулата» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Безупречное воспитание, строгость в следовании правилам и нормам этикета, умение сидеть на коне, владеть оружием односельчане связывали с именем аталыка Хашамахо: «*Пэж дыдэу, Джамболэт зи гхукхэгхэсэн, и быфыкхуэ адэ Хьэцхлэмахуэ ецхь хъужат, ар ирей и хьэл, и лыггэ, и акхыл эттесу цыретит*» [Мафедзев 1998: 28]. – «И в самом деле, Джамбулат стал похож на своего аталыка Хашамахо во всем: будь то характер, мужество, ум» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Образ аталыка Хашамахо, одного из главных героев романа, позволяет понять, какие качества в большей степени культивировались в адыгском обществе, что ими ценилось превыше всего. Качества, которые привил Джамбулату аталык Хашамахо, проявились во время проведения Хасы. Юный князь демонстрирует благовоспитанность, идеалы рыцарской морали, а именно: уважительное отношение младших к старшему. Согласно этикету, самый младший из спутников должен занять место с левой стороны. Однако соотношение «старший/младший» определялось не только возрастными параметрами, но и положением в обществе. Джамбулат, будучи княжеского происхождения, во время проведения Хасы сел слева от Билостана, чей социальный статус был ниже. Мнения относительно поведения Джамбулата разделились: одни разглядели в княжеском отпрыске внутреннее благородство, другие расценили его поступок как неуважение к себе, к своему статусу. Но самый главный судья – отец Жанхот – был горд, что сын поступил именно так. «*Хуэпэжси и атэлыкхым, Хьэцхлэмахуэ мыгхуэм кхыхилхьа хьэлц. Абы тет, си цлалэ, зумыггэплий, зумыггэцхлагхуэ, цыпхуэфациэм и деж зыцхыпхуэ кхуэнкхым, укхальагхуэни*» [Мафедзев 1998: 62]. – «Оправдал своего аталыка Хашамахо. Веди себя сдержанно, скромно, сын мой, не выпячивай себя, когда ты заслужишь уважение народа, о тебе заговорят» (Подстр. пер. – Е.Б.).

По черкесскому этикету, каждому человеку старшего возраста необходимо было оказывать знаки внимания. Эти знаки внимания оказывались вне зависимости от социального происхождения. Ф. Торнау в связи с этим сообщал: «Лета у горцев в общегитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения

обязан уступить место старшему. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь» [Торнау 1992: 39]. Здесь проявилось и другое ценное для адыга качество – сдержанность. «Скромность, – отмечает Хан-Гирей, – почиталась в старину между черкесами первым украшением человека» [Хан-Гирей 1989: 129–130]. Народная мудрость гласит: *«ЖъантIакIуэу уцымит – пхуэфациэмэ къыплъысыниц»* – «Место старшего не занимай – если оно положено, оно тебе достанется». Таким образом, поведение Джамбулата говорит о великолепном знании княжеского этикета. В то же время можно сделать вывод о том, что в основную программу воспитания аталыка Хашамахо входило знание обычаев, этикета. Адыгская поговорка гласит: «Самый малютка княжеский похож на взрослого». Пословицу трактовали следующим образом: отданные на воспитание наиболее достойным узденям дети княжеского происхождения развивались быстрее, чем дети простых людей. Это означало, что они лучше знают обычаи, подходящие к каждому случаю, не говоря о том, что они приобретают лучшие манеры, имея в этом образцом для подражания наиболее элегантных людей» [Атажукин 1991: 176].

Воспитание у аталыка, прежде всего, преследовало получение воспитанником военно-физической подготовки. Фундаментальным принципом адыгской нравственно-этической системы воспитания было мужество, смелость, особое философское отношение к смерти как итогу жизни. Значимость мужества как нравственной нормы, характеризующей личность, была обусловлена воинским образом жизни, характерным для адыгского общества, постоянной необходимостью защищать от внешних посягательств свою землю, семью, народ.

Взятый на воспитание ребенок находился в семье аталыка до совершеннолетия – 15–16 лет. До этого времени отец не имел права видеть своего ребенка. Со стороны родителей было предосудительным справляться о своем сыне в течение всего времени нахождения его у аталыка. По черкесскому этикету, которого строго придерживались князья и дворяне, в присутствии посторонних отец не мог находиться вместе со своими детьми до их совершеннолетия [Мирзоев 2021: 219]. По мнению Адиль-Гирея, одной из причин существования аталычества было то, что «воинственные черкесы боятся избаловать своих детей, воспитывая их у себя, а потому охотно отдают на воспитание в чужие семейства» [Адиль-Гирей 1980: 57]. Считалось, что родители испытывают слишком сильную любовь к своему ребенку, и не смогут воспитать из него настоящего мужчину и воина. Они окружали его заботой и любовью, что препятствовало его возмужанию. Говоря о такой специфике взаимоотношений родителей и детей, И. Бларамберг писал: «Вообще, создается впечатление, что черкес старается избегать всего, что говорит о его привязанностях и радостях, видя в этом проявление слабости; считалось даже неприличным говорить с ним о его детях, особенно, когда они маленькие» [Бларамберг 1992: 105]. Отданные в младенчестве на воспитание дети только в юношеском возрасте впервые видели своих отцов.

«Представления о трусости и храбрости, надо заметить, были весьма оригинальны» [Бгажноков 1983: 105], – пишет Б.Х. Бгажноков. Так, о храбрости или трусости человека можно было судить по жилищу, в котором он живет. Особо значимо и весомо было для адыга, из какого материала был сооружен дом. В контексте сказанного интерес представляет один эпизод в романе. Отец Джамболата – Кушук – построил для своих односельчан красивую мечеть, за что народ был ему бесконечно благодарен. Но вот что было удивительно: когда он решил из тех же строительных материалов построить дом для сына, у сородичей это вызвало обратную реакцию: *«Кушыку урыс пацтыхъым и подполковник хъури адыгагъэу къыхэнэжа цыIэкъым: шынэкъэрабгъэщ, и лыгъэм цымыгугъыжу мывэ сэрей гур зыгъэбамIэу, бауапIэ къозымытым и блыным къуэтIысхъэжащ»* [Мафедзев 1998: 138]. – «Про него говорили, что с тех пор, как он стал служить в русской армии, он стал трусливым, не надеясь на собственные силы, он построил каменный

дом, чтобы укрыться и спрятаться в этом доме от всякого рода невзгод» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Его сын Джамбулат, даже если приезжал погостить, всегда останавливался в старом ветхом доме бабушки Жанхота, напрочь отказавшись посетить каменный дом. Много споров было у матери и сына. Но сын Джамбулат оставался непреклонен. Истинную причину такого поведения сына понимал только отец. Разве мог Хашамахо, аталык сына, по-другому воспитать его? Конечно, он понимал, что, если бы он потребовал неминуемо выполнить свою просьбу, сын послушался бы. В этом тоже была заслуга Хашамахо: Джамбулат навсегда запомнил его завет ни в коем случае не прекословить родителям, особенно отцу.

Как видно из содержания романа, для Джамбулата слова, сказанные аталыком, значили больше, чем отца Кушука. Вопреки просьбе своего отца, воспитанник придерживался в большей мере заповедей Хашамахо.

Такое нежелание жить в каменном здании было связано с боязнью прослыть малодушным и трусливым воином. Показательно одно из сообщений Дж. Интериано: «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, и вследствие этого все живут в вышеописанных лачугах и в деревушках, и нет ни одной, даже самой маленькой крепости во всей стране, и хотя встречаются какие-то башни и древние крепостные стены, но их используют для себя крестьяне, так как благородные сочли бы это для себя позором» [Интериано 1974: 95]. Это само по себе очень наивное объяснение в то же время рельефно отражает умонастроение адыгской феодальной знати. Прекрасно понимая, что уличенному в трусости никогда не удастся смыть с себя позор, Джабулат так и не посетил дом, построенный Кушуком.

И стар и млад восхищались умением Джамбулата величественно держать себя на коне, владеть оружием. На протяжении всего романа рефреном повторялась заповедь Хашамахо: «Абы и псалъэц: уи Іэццэ кыщипхынур уэ пцІэжыниц, ауэ уи Іэццэрэ уишрэ нэгъуэцІым унафэ хуумыгъэцІ, ухагъэзыхъІэ уи Іэццэ зэкІырумых» [Мафедзев 1998: 295]. – «Его слова: ты сам поймешь, в какой момент ты должен применить оружие, а самое главное: никому не позволяй управлять своим оружием и конем» (Подстр. пер. – Е.Б.). Такая строгая установка проистекала из методов воспитания, учивших воспитанников превыше всего ценить свободу.

Причину столь строгого требования можно найти в содержании историко-героических преданий. Общим местом является рассказ о том, как идеальный герой даже на зов среди ночи выходит из дому уже наготове, держа в одной руке свое оружие и снаряжение, а в другой – снаряжение коня. «Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, отмечает к пользованию оружием и управлению лошастью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем» [Марини де Тебу 1974: 293]. Адыгская мудрость гласит: «Пыгъэ зІІэм Іэццэр ейц» – «У кого есть мужество – у того оружие». Почитание оружия являлось составной частью сложившегося у черкесов культа. В античную эпоху, как свидетельствуют материалы археологии по Северо-Западному Кавказу, предки черкесов – меотские племена – поклонялись мечу – символу бога Ареса. Самой большой ценностью для черкесских аристократов было не золото, не серебро, не стада скота и другое имущество, а оружие. Особенно ценилось оружие, принадлежавшее предкам, прославившим род своими подвигами, имевшее свою историю. Такое оружие не имело материального эквивалента. По черкесским обычаям, отнятие у человека оружия равносильно лишению чести. Большим позором считалась потеря оружия. «Смерть наездника в бою – плач в его доме, а потеря оружия – плач в целом народе», – гласила

черкесская пословица. Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во время войны часто завязывались отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого. В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, черкесы приводили его в негодность.

Отношение воина-адыга к оружию автор показывает в эпизоде с гонцами, отправившимися на переговоры. Неотъемлемым атрибутом адыгского костюма было оружие. Это вызвало возмущение со стороны Михаила Бековича, который давно был жителем Москвы, ассимилировался в среде русского общества и был далек от устоявшегося мировоззрения своих сородичей. Джамбулат – воспитанник Хашамахо – был непоколебим в своих убеждениях: *«АмІэ апхуэдэ адыгэл дэнэ здэццІэр Іэцэншэм и Іэцэ къыхурихыу? Ар хьэдэгъуэдахэцц, емыкІуц, абы ецхьыркъабзэц Іэцэ къэбгъанэу, бгы утхьуцІу уэрам утхьээнри, губгъуэ уихьэри, цІыху и пацхьэ уиувэнри, ар хьэдэццІэлъхьу, кхъэуэ цыцымыткІэ»* [Мафедзев 1998: 294]. – «Но где такой воин, кто у безоружного оружие забирает? Это парадокс. Как можно, будучи без оружия, отправляться в поле, или оказаться среди людей?». (Подстр. пер. – Е.Б.). Автор сравнивает безоружного воина, отправившегося в путь, с человеком, самовольно вырывшим себе могилу. «Смерть – это свобода», – говорили черкесские воины. Свободу воина гарантирует его оружие и право его применения. Джамбулат отчетливо понимал: он свободен, пока вооружен.

Как бы его ни пытались переубедить, Билостан и Касбот причем напоминая ему о заповеди отца *«Губжьыр зытедвмыгъэгъакІуэ, ди псэм дытевмыгъэлажъэ»* – «Пусть злоба нас не победит, и душа будет крепкая», Джамбулат остался непреклонен: слова аталыка были весомее. *«Къэсбот, унэхъыжыц, – жиІац Джамболэт, – ауэ хъэуэ. Сэ мыбы зуакІуэ сыккъэкІуакъым. Си Іэцэри зэкІэрысхыну схузфІэкІынукъым. Си напэм къыхсхуегъэзэгъыркъым, си адэ Жанхъуэт Кушыку мыбдежым къэувами. Хъэуэ, сьт фыхуейми сцІэниц, мо Нева псым хэпкІэ жыфІэмэ, сыхэпкІэниц, ауэ ар... Сэ ХьэцІэмахуэ мыгъуэ срикъаниц. Абы и псалъэц: уи Іэцэ къыципхынур уэ пцІэжыниц, ауэ уи Іэцэрэ уишрэ нэгъуэцІымы унафэ хуумыгъэцІ, ухагъэзыхькІэ уи Іэцэ зэкІырумых»* [Мафедзев 1998: 295]. – «Касбот, ты старше, но нет. Я не хочу войны. Но я никогда не сниму с себя оружие. Совесть не позволит. Даже если меня попросит мой отец. Я исполню любое ваше желание. Могу переплыть Неву. Но я кан Хашамахо. Его слово – для меня закон. Он говорил: «Ты сам поймешь, когда наступит время брать в руки оружие. Никогда не позволяй кому-то распоряжаться твоим конем и оружием, никто не должен повлиять на твое решение снять оружие» (Подстр. пер. – Е.Б.).

И даже в момент, когда стоял вопрос о выживании или гибели, Джамбулат остался верен своим убеждениям. Взяв его в плен, Вельяминов предъявил ему ультиматум: предоставление оружия или неминуемая смерть. Чтобы повлиять на принципиального воина, они отправили к нему на переговоры отца. Отец обвинял сына, что он напал на противника тихо, без предупреждения. Особенно негодовал Кушук по поводу того, что он, воспитанник аталыка, допустил несвойственное кавказскому менталитету поведение. *«Уэ пцІар пцІэжрэ? Пцы лъэпкъ, пцы унагъуэ иранІыкІар, ХьэцІэмахуэ мыгъуэ игъсар, дыгъуэи, дыгъуэлІым ецхьу, цэхурыпхъуэу, гъуанэдэуэу уеуац»* [Мафедзев 1998: 537]. – «Ты понимаешь, что делаешь? Ты княжеского происхождения. Воспитанник Хашамахо словно вор исподтишка нанес удар» (Подстр. пер. – Е.Б.). В этом эпизоде проявилась еще одна немаловажная черта кавказского менталитета. Нападение на противника сзади, так же, как и гибель от удара в спину, считавшуюся свидетельством трусости и бегства, было неприемлемо для адыгского дворянина-воина. Эти установки находят воплощение в фольклоре. Считалось ниже своего достоинства убить, подкравшись сзади. В этом эпизоде находит отражение рыцарская по своему характеру установка: сдержанность, стремление избегать конфликтов и без нужды не браться первым за оружие.

Попасть в плен – потеря чести, бесславие, которому воин-дворянин предпочитал славную смерть. «*ПацIэм кымыхьыр жьбакIэм кыхьыжкьым*» [Хагожеева 2019: 51]. – «То, что не принесли усы (мужество), борода (возраст) не принесет», – гласит народная мудрость. Джамбулат определенно понимает, что сдача оружия для него неприемлема. «Больше смерти бойся позора», гласит адыгская пословица. Более всего он боялся «потерять лицо», – лишиться чести и унижительного, оскорбительного отношения со стороны победителей. Он не рассчитывал на милость и благородство противника, рискуя своей честью. Смерть была предпочтительней для него, чем плен и рабское положение. Для воина-защитника, воспитанного на традиционных адатных нормах, такое поведение было недопустимо. Джамбулат был категоричен. Сложить оружие, убоявшись смерти, считалось бесчестьем. Его мышление абсолютно не допускало саму возможность сдаться в плен и утратить свободу. Уверенность отчаянного горца в своей правоте и собственных силах была безгранична. Ему легче было проститься с жизнью, чем позволить кому-то управлять своим оружием, или конем. Он предпочел смерть, чем сделаться зависимым и лишиться свободы. «*Щхьэгубжэм фоч кьыдзукIащ. Джамболэт цхьэгубжэр льякьукIэ кьыхиудри и сэхуэу цIанэр илыгьыу кьыдэлащ. ИтIанэ и ныбжьэгьу Къантемыр. Шэ кьатеуфаницIэм а тIури дэджэлащ, я гуцIэ уафэм етауэ*» [Мафедзев 1998: 538]. – «Из окна слышался выстрел. Джамбулат выбил ногой окно и выпрыгнул из окна с ножом. Град пуль усыпил их навсегда. А душа устремилась в небо» (Подстр. пер. – Е.Б.).

«*Лыгьэ цIанIэ лы икIуадэркьым*» («*КIуэдами, лыгьэ лIэужь кьегьанэ, и цIэ кьонэ, жихуиIэщ*») [Мафедзев 1998: 52]. – «В сражении настоящий мужчина не пропадет». Метафора «гуцIэ уафэм етауэ» («Душа, устремившаяся в небо») позволяет автору отразить философское отношение к смерти не как к чему-то трагическому, а как к закономерности, как к итогу жизни воина, которая должна завершиться достойно, героически». Подобное отношение к гибели в бою было свойственно спартанцам, а также героям скандинавского эпоса, с той лишь разницей, что для адыгского воина не существовало другой мотивации, кроме самого факта смерти и посмертной славы, которая, быть может, будет воспета в песне и предании. Они могли выбрать эту жизнь, дрогнуть и отступить. Однако, решая экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирают смерть, делают это совершенно сознательно: слишком высока цена славы героя, которую можно оплатить только гибелью в бою. Вместе с тем это победа над смертью. Погибая, герой обретал бессмертие в ореоле славы бесстрашного воина. В отношении к смерти основной тезис черкесского мировоззрения звучит примерно так: «Все люди смертны: и трус, и герой. Различие – в их отношении к жизни и смерти». «*АжалитI цыщымыIэкIэ, а зы лIэгьуэм хэлхьэ*» [Хагожеева 2019: 51]. – «Раз двух смертей не бывает, в единственную смерть вложи мужество»; «*Лыхьужьыр зэ лIэгьуэщи, кьэрабгьэр тIэу лIэгьуэщ*» [Хагожеева 2019: 51]. – «Мужественный воин умирает один раз, трус – два раза». Героя после смерти ждет вечная слава, труса – вечный позор. Жизнь черкесского дворянина была с самого начала предрешена – это цепь сражений, заканчивающихся гибелью, достойной рыцаря. С. Мафедзев пишет: «*Шэ кьатеуфаницIэм а тIури дэджэлащ, я гуцIэ уафэм етауэ*» [Мафедзев 1998: 538]. – «Пули посыпались градом, оба воина рухнули на пол, и видно было только улетающие в небо души» (Подстр. пер. – Е.Б.). Воспеваемые в песне герои постоянно находятся в состоянии свободного выбора. Невозможно не почувствовать трагизм этого момента. Они могут выбрать жизнь, дрогнуть, отступить. Но для них нет ничего позорнее трусости. Поэтому решая эту экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирают смерть. Они делают это сознательно, отчетливо понимая, что теряют в результате этого выбора. Высока цена славы героя, которую можно оплатить только гибелью в бою. Через небытие утверждается вся полнота бытия, его предельное состояние и высший смысл. Погибая, герой обретал бессмертие в славе бесстрашного воина.

Таким образом, исторический роман С. Мафедзева открывает возможность проникнуть во внутренний мир черкесов давних времен, восстановить в сознании их потомков поколенную связь и тем самым наметить пути обретения ими утерянной идентичности.

Список источников и литературы

- Адилъ-Гирей 1980 – *Адилъ-Гирей*. Черкесы // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 49–66.
- Атажукин 1991 – *Атажукин К.* Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1991. 251 с.
- Бгажноков 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
- Бларамберг 1992 – *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. 240 с.
- Интерьяно 1974 – *Интерьяно Дж.* Быт и страна зиков, именуемых черкесами: достопримечательное повествование // АБКИЕА. Нальчик, Эльбрус, 1974. С. 43–52.
- Мариньи де Тебу 1974 – *Мариньи де Тебу*. Путешествие в Черкессию // АБКИЕА, Нальчик, 1974. С. 291–327.
- Мафедзев 1998 – *Мафедзев С.Х.* Медвежьи когти: Роман. Нальчик: Эльбрус, 1998. 542 с.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
- Торнау 1992 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги: культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 4. С. 3–43.
- Хагожеева 2019 – *Хагожеева Л.С.* Адыгская феодальная знать по материалам фольклора. Нальчик: Принт Центр, 2019. 268 с.
- Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1989. 300 с.

References

- ADIL'-GIREI. *Cherkesy* [Circassians]. IN: *Izbrannye proizvedeniya adygskikh prosvetitelei* [Selected works of the Adyghe enlighteners]. Nal'chik: Ehl'brus, 1980. P. 49–66. (In Russian)
- ATAZHUKIN K. *Izbrannoe* [Favourites]. Nal'chik: Ehl'brus, 1991. 251 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.KH. *Ocherki ehtnografii obshcheniya adygov* [Essays on the ethnography of Adyghe communication]. Nal'chik: Ehl'brus, 1983. 232 p. (In Russian)
- BLARAMBERG I. *Kavkazskaya rukopis'* [The Caucasian Manuscript]. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 1992. 240 s. (In Russian)
- INTERIANO Dzh. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami: dostoprimechatel'noe povestvovanie* [The life and country of the Zikh, called Circassians: an interesting narrative]. IN: АБКИЕА. Nal'chik, Ehl'brus, 1974. P. 43–52. (In Russian)
- MARIN'I de Tebu. *Puteshestvie v Cherkesiyu* [A trip to Circassia] // АБКИЕА, Nal'chik, 1974. P. 291–327. (In Russian)
- MAFEDZEV S.KH. *Medvezh'i kogti: Roman* [Bear Claws: A Novel]. Nal'chik: Ehl'brus, 1998. 542 p. (In Russian)
- MIRZOEV A.S. *Genezis i ehvolyutsiya traditsionnoi voennoi kul'tury cherkesov (Srednevekov'e – Novoe vremya)* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages – Modern Times)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. 400 p. (In Russian)
- TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer]. IN: Адыги: kul'turno-istoricheskii zhurnal [Adyghe: cultural and historical journal]. Nal'chik, 1992. № 4. P. 3–43. (In Russian)
- KHAGOZHEEVA L.S. *Adygskaya feodal'naya znat' po materialam fol'klora* [The Adyghe feudal nobility based on folklore materials]. Nal'chik: Print Tsentr, 2019. 268 p. (In Russian)
- KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nal'chik: Ehl'brus, 1989. 300 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-109-118

**ЖАНРОВО-ЭПИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
«КАМБОТА И ЛЯЦЫ» АЛИ ШОГЕНЦУКОВА
(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛИ ШОГЕНЦУКОВА)**

Юрий Мухамедович Тхагазитов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© Ю.М. Тхагазитов, 2025

Аннотация. Творчество Али Шогенцукова выдержало самую строгую проверку временем и оказалось созвучно поискам современников, стоящих на распутье – перед реальностью формирования новых социальных мифов, новых утопий. Поэтому сегодня можно говорить о втором рождении поэта, ибо становится ясно, что значение его творчества для национальной литературы и культуры не только не уменьшилось, но и актуализировалось.

Цель статьи – Рассмотреть жанрово-эпическое своеобразие вершинного произведения поэта – «Камбот и Ляцы».

Результаты. Проведенный анализ показал, что синтез двух типов художественного сознания, найденный в «Зимней ночи», позволяет поставить вопрос о жанрово-видовом определении «Камбота и Ляцы». произведения. Герои произведения генетически и типологически восходят к эпосу, определяя скорее общую атмосферу (пафос) и полноту народного бытия, но конкретно поэт опирается на близлежащие жанры фольклора и на творчество джегуако, которые ближе ему по времени и содержат в себе более отчетливое воплощение социального конфликта.

Ключевые слова: Али Шогенцуков, жанр, поэма, эпос, эпическое мышление

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М. «Жанрово-эпическое своеобразие «Камбота и Ляцы» Али Шогенцукова (к 125-летию со дня рождения Али Шогенцукова) // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 109–118. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-109-118

Original article

**“CAMBOT AND LYATSA”: TO THE PROBLEM
OF DEFINITION OF GENRE (ON THE 125TH ANNIVERSARY
OF ALI SHOGENTSUKOV’S BIRTH)**

Yuri M. Tkhasagizitov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© Yu.M Tkhasagizitov, 2025

Abstract. The works of Ali Shogentsukov have withstood the most rigorous test – the test of time – and turned out to be in tune with the searches of his contemporaries who were

at a crossroads – facing a cruel reality and the formation of new social myths, new utopias. Therefore, today we can talk about the poet's second birth, because it becomes clear that the significance of his work for national literature and culture has not only not diminished, but has also increased. The purpose of the article is to consider the genre originality of the poet's crowning work – “Kambot and Lyatsa”. Results. The analysis showed that the synthesis of two types of artistic consciousness found in “Winter Night” allows us to raise the question of the genre-specific definition of this work. The heroes of the work genetically and typologically go back to the heroic epic, defining rather the general atmosphere (pathos) and the fullness of the people's existence, but specifically the poet relies on the genres of folklore and the work of djeguaco, which are closer to him in time and contain a more distinct embodiment of social conflict.

Keywords: Ali Shogentsukov, genre, poem, epic, epic thinking

For citation: Tkhangazitov Yu.M. “Kambot and Lyatsa”: to the problem of definition of genre (on the 125th anniversary of Ali Shogentsukov's birth). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 109–118. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-109-118

В 20–30-е годы прошлого века Али Шогенцуков заявил о себе как первый профессиональный поэт письменной культуры, основоположник национальной литературы. Следует подчеркнуть, что это удалось Али Шогенцукову потому, что вбирая в свой художественный мир творчество развитых литератур, он выстроил его по координатам национально-этнического космоса и остался верен его социокультурному содержанию соотношения – миф, эпос, этика, переведя его в то же время, как и национальную художественную словесность на новый виток исторического развития.

Для дальнейшего анализа следует указать на типологию романтического и идеализирующего типов творчества. Она возникает закономерно, представляя собой диалектическое противоречие, связанное с различием в методологическом подходе к понятиям типа творчества и художественного метода. Если опереться на эти теоретико-методологические положения, а также на выводы об этнокультурных основах «Зимней ночи», то в произведении «Камбот и Ляца», в его идейно-художественной структуре отчетливо структурируется «идеализирующий» эпопейный тип творчества, нашедший дальнейшее свое развитие в поэзии и прозе А. Кешокова.

Итак, возникает новый для национальной литературы тип художественного сознания, воссоздающий художественную картину мира с позиций народного, т.е. мифоэпического мышления, перенесенного в письменную литературу «авторским присутствием». При этом наблюдается процесс естественного восприятия мифа и фольклора, но уже как основы национальной письменной литературы. Герои произведения генетически и типологически восходят к героическому эпосу, определяя скорее общую атмосферу (пафос) и полноту народного бытия, что, собственно, и определяет выбор и структуру основной коллизии – это не только борьба двух любящих за свою любовь и счастье (как в восточном эпосе), но и социальное противостояние, которое практически выливается в крестьянскую войну за социальную свободу. В борьбе за свободу крестьян и за свою любовь Камбот становится легендарным эпическим героем, а Ляца – идеальным воплощением женского национального характера.

«Камбот и Ляца» в интерпретации поэта важна еще и потому, что в ней глубоко проявляется диалектика характеров в связи с принципом «двойной истории». Автор раскрывает исторически конкретные характеры и обстоятельства, социальные и психологические реалии, четко воссоздавая быт князя и быт крестьянина, возвращаясь к кульминационным моментам национальной истории и роли крестьянских движений в ней, к противоречивому и драматически сложному состоянию социальной структуры адыгского общества и духовной культуры этноса, художественного познания трагических потрясений, пережитых адыгским народом.

Поэт осознает, что судьбы адыгов в прошлом веке определялись не только деструктивным воздействием российского самодержавия на социально-политическую и культурную жизнь адыгов, но и внутренне противоречивыми процессами развития адыгского (прежде всего кабардинского) феодализма. Уже к XVIII веку, как писал Дюбуа де Монпере, «каждый князь, каждый дворянин сам себе хозяин и подчиняется только самому себе. Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу». Потому, оценивая общественную роль вотчины как основной социальной единицы адыгского феодального общества, В.Х. Кажаров приходит к обоснованному выводу, что «в самый ответственный период истории Кабарды, когда решался вопрос о ее независимости, нужно сказать, что она (вотчина. – Ю.Т.) не обеспечила в должной мере интеграцию кабардинского общества, перестав соответствовать этой основной функции любой социальной системы. Естественно, не могла она отвечать и потребностям дальнейшего общественного развития кабардинцев, во многом определив его стагнацию и тупиковый характер» [Кажаров 1993: 82]. Таким типом социокультурного развития адыгского феодализма определяется сущность и характер «массовых антифеодальных выступлений в масштабах всего общества», которые в XVIII веке «не носили вооруженного характера и завершались обычно компромиссом», возвращая общество к «легитимированным нормативным образцам», а в XIX веке обрели и насильственный характер» и «большую остроту, т. е. степень эмоционального накала конфликтов», разрушавших «устойчивость вотчины и социальной системы в целом» [Кажаров 1993: 114, 115].

Обращение к крестьянской войне и ее значению для судеб адыгов заставляет поэта напряженно размышлять о социально-политических проблемах, проникать в самые закономерности хода истории родного народа и стремясь найти в ней самой ответ на вопрос об истоках и причинах национальной трагедии. Так Али Шогенцуковым вырабатывается собственная концепция истории и ее осмысление в контексте «третьей действительности» (М. Горький). В «Посвящении» поэт обещает молодому «пахарю Кабарды» рассказать стародавнее предание, а сильной и гордой в безгласной печали Ляце дать выговориться в сказании. Сразу после этого возникает подробное описание княжеского двора и Дома, который у горцев, как и у всех народов мира, представляет собой своеобразный космос, внутри которого все имеет свое место и значение. В доме адыга-князя или крестьянина обособлена почетная сторона – «красный угол», а женская половина, лагуна, отчетливо отделена от мужской, и в ней тоже есть сакральное место, занятое ложем хозяйки. Структура адыгского Дома четко связана с семейно-брачными отношениями, представлениями о наиболее почетном родстве, законами гостеприимства, отношениями с крепостными крестьянами (унаутами) и т.д.

Своеобразным заповедом «Камбота и Ляцы» является пир, который, как известно, не только одна из ведущих мифологем героического эпоса, но и воплощение народного бытия, народно-патриархального сознания и «краеугольных камней» адыгского религиозно-этического сознания. Описание княжеского двора и дома переходит в описание пира – у князя Махашоко, а одной из самых драматических перипетий конфликта изображен пир у князя Асланоко – нового хозяина Ляцы. Следует отметить, что поэт изображает пир как национальный образ мира, где у каждого свое место и своя функция. Пир у Али Шогенцукова не только воспроизведение реальной действительности княжеского быта, но и мифологема, типологически связывающая эпическую картину мира кабардинского поэта с западноевропейским эпосом.

Но в отличие от западноевропейского эпоса («Песнь о Нибелунгах», «Беовульф») на пиру не присутствуют женщины (даже высокого происхождения), если не считать унауток, которые обслуживают гостей. Именно так и потому появляется в

кунацкой Ляца. Но специфические этнографические подробности существуют не сами по себе, а раскрывают идейно-тематическое содержание и составляют своеобразие поэтики «Камбота и Ляцы» как эпического произведения, которому не противопоставлен этнографизм в качестве материала и приема воссоздания специфики этно-национального бытия.

Далее подчеркнем сакрализацию горного леса в «Камботе и Ляце». В тексте «хозяином леса» предстает охотник Тембот, наделенный «волшебными» качествами. Следует иметь в виду, что изображение леса у Али Шогенцукова, естественно, опосредовано культурной традицией, в том числе языческой под влиянием которой складывается «художественное представление о лесу как масштабном органическом единстве» [Мифы 1987: 50]. В этом «органическом единстве» горного леса и дано воинам одержать победу и обрести путь к Правде и Свободе. Тогда, вероятно, следует подчеркнуть и тот факт, что поэт был одним из первых, кто изобразил лес «как воплощение многотрудных путей человеческого познания..., наглядный образ родины» [Мифы 1987: 50]. В лесу ищет пути к свободе Хасанш, через лес прокладывают дорогу к спасению и счастьем Ляца и Камбот, в лесу скрывается охотник Тембот, в лесу одерживают победу над врагами герои «Камбота и Ляца». И на этих дорогах они пройдут свой путь познания мира и самих себя. Итог этому познанию подведет джегуако, призвав их к подвигу в поисках новой, вольной жизни. Художественное своеобразие леса органически связывается с традиционным сакральным пространством адыгов – горами. Лес и горы воссоздают в эпосе саму природу Кавказа, его реальную картину. В нее естественно вписаны центральные персонажи и главный герой эпоса – народ.

В мифе лес всегда предстает нижним миром, чужой страной, или же медиальным пространством между мирами: эта традиция сохранится и в литературе. Через лес попадает в ад герой «Божественной комедии». И в то же время в связи с «перенормировкой пространства» (М. Ахундов) в литературе XX века лес трансформируется в мифологему природного, естественного бытия и поэтому обретает свойство сакрального пространства. Классическим примером в русской литературе становится «Русский лес» Леонова, где лес предстает символом народа, нации и самой жизни. Возможно, «перенормировка пространства» по отношению к лесу определена и тем, что кризис цивилизации в XX веке заставляет задуматься о первоисточниках жизни и естественной полноты этнического бытия. Лес в этой ситуации возникает как символ единства социального и духовного в «вольном ауле», победивших крестьян.

Поэт хорошо видел, что в быте и обычае князей уже в XVIII веке были разрушены и традиционная демократия, и стержень бытия адыгов – этика. А потому у Али Шогенцукова лес становится доминирующей мифологемой в структуре произведения, воплощая единство и духовную цельность народа, живущего без князей.

И тогда оппозицией леса, с одной стороны, и княжеского двора, с другой, становится пещера Тембота. «В мифоэпической традиции пещера как нечто внутреннее и укрытое противостоит миру вне ее, как невидимое – видимому, темное – светлому. Пещера иногда замещает дом, но в ней скорее спасаются от опасности, чем живут, или укрываются от мира... В отличие от дома пещера укрыта, незаметна для глаза, нелегко выпускает и еще труднее выпускает человека, она непроницаема... В пещере темно, т.е. безвидно, как в хаосе... Внутреннему пространству пещеры присуще, как правило, бесструктурность...» [Мифы 1987: 311]. С этой мифоэпической историзацией связаны у Али Шогенцукова оба героя: старый охотник и мудрец Тембот и молодой воин Камбот. Они оба возвращают людям свет правды, потому что готовы отдать жизнь ради свободы и правды, причем по отношению к Темботу, как мы уже говорили, подчеркиваются его чудесные способности:

Ему подвластны чары,
Конь его снабжен крылами.
Пред князьями ловчий старый,
Мол, является ночами.
Гонит знатных из поместий,
Гонит их со всем он родом...
А еще такие вести
Ходят о седобородом:
Целой рати наподобье
В бой вступает против знати,
Превращает он в надгробья
Воинов враждебной рати.
Никогда его дорога
Не сопряжена с обманом,
У него сокровищ много –
Раздает он их крестьянам.

Так уже в самом тексте мифологизируется старый охотник, выстоявший в трагедии и отомстивший за погубленную семью. Поэт подчеркивает, что это не столько кровная месть, сколько социальное возмездие. Потому и складывается о нем при жизни героическая легенда. Тембот не доживет до победы крестьян над князьями и их воинством. Но именно ему в сюжетно-композиционных перипетиях произведения принадлежит некая роль судьбы. Он спасает Ляцу, у него в пещере находит приют Камбот. Гора и находящаяся в ней пещера становятся оплотом воинов Хасанша, позволяя одержать им победу. Али Шогенцуков не случайно покрывает смертное ложе Тембота шкурой лани: это животное владычицы зверей – богини охоты. Оно как бы символизирует бога леса и охоты, покровительствующего Темботу. Возможно, здесь сказывается мифоэпическая традиция, согласно которой в пещере находится умирающий и воскресающий бог, сама пещера становится святилищем, имеющим пещерный облик. В таком случае храм-пещера представляет собой модель вселенной, и очаг в пещере давал ей свет, который был светом божественным. Если иметь в виду эту символику, то смерть Тембота в пещере на шкуре лани и гибель возлюбленных у входа в пещеру – это не смерть, а переход в бессмертие. Так мифоэпические, языческие и религиозно-этические христианские мотивы соединяются в мифологеме пещеры.

И еще одно замечание. В мифах пещера «нередко локализуется или на высокой горе, или в глубокой впадине ущелья, она обращена к земле или к небу, или к подземному царству» [Мифы 1987: 312]. В «Камботе и Ляце» пещера локализована на высокой горе, а потому обращена к небу, небесному царству, хотя оно в тексте не изображено. Пещера представляет собой как бы вход в другой мир, стражем, хранителем которого выступает чудесный охотник Тембот. С этим связаны в какой-то мере чудесные качества и то, что он может быть возведен к мифоэпическому образу волшебного охотника, пользующегося покровительством хозяина леса или сам выполняющий эту функцию, ориентируясь на сияющее седло Горы Счастья (Эльбрус).

С древнейшими пластами народной культуры, самого национального образа мира связана и система персонажей в произведении А. Шогенцукова и в этой системе поэт наделяет джегуако – сказителя многозначными функциями. Во-первых, джегуако, или в русском переводе сказитель, воплощает память народа, его национальную историю. Во-вторых, он вдохновляет повстанцев на битву, напоминая им о подвигах и славе героических предков. Именно сказитель – джегуако произносит тост, здравицу Ауш-Геру, как адыги именуют святого Георгия, Георгия-Победоносца. Следовательно, в самом хохе сказителя ощутимы мотивы мифа,

адыгского язычества, раннего христианства и ислама джегуако предстает мудрецом, вобравшим в себя трагическое мироощущение народа и его непреклонное героическое стремление к свободе.

Посвящение хоха святому Георгию закономерно, потому что в мифологии иконы он предстает и богом скотоводов-тружеников и воинов-рыцарей.

Неявно с героическими функциями бога-воина связан и еще один сюжет сказания. Джегуако тревожится о судьбе Камбота и Ляцы, которым угрожает свирепый князь, но надеется, что Хасанш и все крестьяне помогут им:

Из реки мы не напьемся,
Если не убьем дракона,
Без борьбы мы не добьемся
Справедливого закона.
Покоряясь беззаконью,
Будем вечно жертвой знати,

Если не сожмем ладонью
Сабель наших рукояти...

Поэт использует традиционный для кабардинской народной сказки образ дракона, который запруживает реку и отнимает воду у людей. С таким драконом джегуако в своих раздумьях сравнивает князей, а его победителями видит Хасанша и всех, для кого правда и свобода дороже жизни. Функции таких драконоборцев поэт придает сказителю-джегуако и воинам, Хасаншу и Камботу появивших себя в защите обреченной невинности – Ляцы, что придает произведению также пафос героического средневекового рыцарского романа. В бою старый сказитель становится живым знаменем – стоя на горе он песней воодушевляет героев на битву.

Важным по значимости в системе персонажей «Камбота и Ляцы» предстает Хасанш. Некогда оскорбленный князем, он вырвался «за ограду» княжеского двора и ушел в горный лес, но неожиданно для всех вернулся. Причина его поступка непонятна даже отважному душой джегуако. Хасанш появляется как суровый, властный и строгий гость на пиру князя. Его присутствие сразу меняет расстановку сил на пиру, потому что крепостной, вырвавшийся «из рук владыки», бывший беглый раб, крестьянин «дикий» теперь в глазах унаутов не раб, а герой:

Он сильнее полчищ конных!

Князья не могут расправиться с Хасаншем и, стремясь к традиционному в такой ситуации примирению, через сказителя обещают ему не только жизнь, но и волю:

Всадником своим назначу,
Буду брать с собой в набеги,
Буду с ним делить удачу.

Но Хасанш не принимает княжеской милости, ибо возвращается он не для того, чтобы стать оруженосцем князя. Хасанш знает о том, что

Турки с крымскою ордою
Кабардинский край терзают,
Но князья с такой бедою
Биться насмерть не дерзают.

Потому вольный охотник Хасанш вступает в княжескую дружину, чтобы отстоять сакральное пространство родины:

Нам теперь грозят войною
Полчища Бахчисарая,
И должны мы стать стеною,
Край родной оберегая.

Так начинается конфликт, традиционный для эпического мышления, когда социальные противоречия на время снимаются или приглушаются перед угрозой внешнего вторжения на родную землю. Господам приходится мириться с Хасаншем, для которого, «княжий двор – могила».

Однако разгоревшийся конфликт между князьями, в котором решается судьба Камбота и Ляцы, заставляет Хасанша вступить за друга и его невесту. Он не только предупреждает влюбленных об опасности, но и с оружием в руках защищает Камбота перед князем, а потом и вступает в открытую битву с князьями. Именно в этот момент джегуако поддержит Хасанша. Поэт рисует вожака повстанцев воплощением вольности и бесстрашия, и по традиции эпоса он готов отдать жизнь за друга. Даже без оружия Хасанш продолжает борьбу за народную волю, за счастье Камбота и Ляцы, а после гибели друга и его возлюбленной он не оплакивает их, а мстит за них в бою. И потом снова возвращается в лес, но уже вместе с джегуако и повстанцами.

История Камбота и Ляцы – традиционная для восточного эпоса история любви, история влюбленных, соединению и счастью которых препятствуют социальные причины. Но любовь сильнее всех препятствий («Лейли и Меджнун», «Кер-Оглы», «Казы-Карнеш» и др.). В отличие от традиционного восточного эпоса судьба двух влюбленных оказывается связанной с борьбой за свое освобождение. Камбот клянется возлюбленной, что они вместе уйдут «за ограду» княжеского двора, что он будет насмерть биться за свою свободу.

Ну а смерть в бою с князьями –
Смерть достойная мужчины.

Этой клятве Камбот останется верен до самой смерти. Идеальное воплощение духовной и физической красоты, душевного благородства, живое олицетворение адыгского этикета – Камбот наиболее полно воплощает понятие родового человека. Не случайно он испытывает внутреннюю неловкость за то, что спасает Ляцу от врагов не он сам, а волшебный охотник. Но Камбот достоин Ляцы, потому что еще до встречи с охотником он нашел двор Асланоко и побывал там «гостем». Здесь Али Шогенцуков и воссоздает обычай гостеприимства, когда случайно встреченный крестьянин, спешащий по делам, предлагает Камботу гостеприимство, ни о чем не спрашивая уставшего всадника. После традиционного учтивого отказа указывает ему дорогу и провожает до княжеского двора. И во дворе его встречают как гостя, но узнав, что хозяина нет дома, он отказывается от гостеприимства княгини и людей князя и называет свое имя, предупреждая о неотвратимом возмездии; Бесстрашный рыцарь предстает перед всеми потомком нартов, а конь его – крылатым альпом. И это дает право Камботу также клясться Ауш-Гером и остаться верным этой клятве.

Особое место в структуре произведения и повествовании поэт отводит героине. Ляца предстает воплощением небесной красоты. Воссоздавая красоту кабардинки, поэт отчетливо противопоставляет ей внешний облик княгини, которая по-своему красива, но эта красота оценивается по другим критериям – господским, а не народным. Ляца же сохраняет свое человеческое достоинство и девичью честь даже в положении унаутки. Доброта и милосердие Ляцы резко противопоставлены злой гордыне ее повелительницы. Характерно и то, что в отличие от восточной традиции поэт нигде не сравнивает Ляцу с цветком, хотя в лесу,

где спасается Ляца, для нее поют соловьи. Героиня-кабардинка соотнесена с мифологемой леса, а не мифологемой сада. С Ляцей связан лирический план эпического произведения Али Шогенцукова. В структуру повествования введены монологи Ляцы, жанровая особенность которых близка к народным лирическим песням и плачам. Ляца тоже родовой человек, но при этом напоминает бесстрашных героинь западно-европейского эпоса. Это выражается в своей непокорности, ибо она предпочитает смерть позору и унижению, чтобы не разлучаться с Камботом в смерти и бессмертии.

В системе персонажей непременно должен быть выделен главный герой произведения – это собирательный образ народа. Все персонажи, названные в книге, – старый охотник, Хасанш, Камбот, Ляца, Аслан Длинный и другие, включены в собирательный образ народа, составляют его неотъемлемую часть. По традиции героического эпоса этот собирательный образ раскрывается в сценах битвы – первой битвы под предводительством Камбота и последней битвы под предводительством Джегуако и Хасанша. Она становится кульминацией повествования:

Клич бросает он крестьянам...
Махашокова дружина
Притаилась за курганом.
На князей, начав сраженье,
Налетели крепостные.
Снова лес пришел в движение,
Вновь блещут клинки стальные.
Недруг сброшен с конской холки,
Горный ветер зверем вост.
Впереди – Хасанш: иголки
Для Хасанша смерть не стоит.

Сыплются мечей удары,
Недругов теснят крестьяне,
И стоит сказитель старый,
Словно знамя, на кургане.
Вдохновляет он, как знамя,
Воинов семью родную.

В этой битве решаются судьбы всех персонажей, врагов настигает возмездие, герои обретают бессмертие, а победители – свободу.

Функции и роль собирательного образа восставших крестьян, олицетворяющего собой кабардинский народ, заставляют задуматься о жанровой природе произведения «Камбот и Ляца», так как функционирование этого образа в произведении служит одним из основополагающих принципов эпопейного мышления. В «Камботе и Ляце» поэт поднимается от быта, обычаев, социальных конфликтов, психологизма характеров к универсальным обстоятельствам, к целостному изображению национальной жизни. Это и приводит к тому, что произведение становится эпическим синтезом, наследуя в этом аспекте важнейшие традиции героического эпоса – воссоздание эпически целостной картины мира.

Таким образом «Камбот и Ляца» видится нам не романом в стихах, а эпопеей, вырастающей из народно-героического эпоса адыгов и вбирающей в себя при этом художественные элементы традиционного эпоса народов мира. Герои произведения Али Шогенцукова, как и герои Шолохова, – выходцы из самого народа (Хасанш, Камбот, Ляца).

Художественная структура эпопеи, создаваемой на основе «эпического состояния мира» (Гегель), заключается в том, что ее герои не изолированы от народа,

они либо представляют собой родового человека (герои Шолохова и Шогенцукова), либо личность, стремящуюся воссоединиться с народом, как герои Гомера и Толстого, и еще одна особенность эпопеи состоит в том, что конфликт произведения имеет не частное, а всенародное значение. Искони таким конфликтом была национально-освободительная война, в которой перед смертельной угрозой уничтожения спланивался весь народ. В «Войне и мире» Толстой снимает социальное противоречие, чтобы показать единение всех русских в борьбе против французского нашествия. Однако уже Гегель укажет на то, что основу конфликта может составлять не только борьба за национальную независимость, но и борьба за социальное освобождение. Поэтому он определит жанр «Германа и Доротеи» не как роман, а как эпопею. Именно к эпопее будут тяготеть все произведения, основу конфликта которых составляет борьба народа за свое освобождение: от «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова до «Матери» Горького.

Не настаивая на жанровом определении «Камбота и Ляцы» как эпопеи (это дело будущих исследований), нам кажется необходимой постановка этой проблемы. Тем более, изображая крестьянскую войну, Али Шогенцуков подчеркивает, что идеалы восставших крестьян – это социальное освобождение, изгнание князей и восстановление общества военной демократии, отстаивание духовного миропорядка и бытия адыгов, адыгской этики, согласно которой и ведет себя Камбот, становящийся легендарным героем в борьбе за свободу.

Рассмотренные отдельные доминанты художественного мира Али Шогенцукова, естественно, существуют не сами по себе, а лишь в системных взаимосвязях, когда каждая из них выполняет свою функцию в художественном мире поэта. Конкретный анализ всех этих доминант позволяет определить «Камбота и Ляцу» как одно из вершинных произведений в кабардинской литературе, типологичную по своей форме и содержанию поэме-эпопее народов мира.

Список источников и литературы

Дюбуа де Монпере 1937 – *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми: АБГИЗ, 1937. 376 с.

Гуляев 1985 – *Гуляев Н.А.* Теория литературы. М.: Высш. шк., 1985. 272 с.

Днепров 1970 – *Днепров В.Д.* Литература и нравственный опыт человека. Л.: Советский писатель, 1970. 423 с.

Кажаров 1993 – *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. 135 с.

Мифы ... 1987 – Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. I; М., 1988. Т. 2. 671 с.

References

DUBUA DE MONPERE F. *Puteshestvie vokrug Kavkaza* [Travel around the Caucasus]. Suhumi: ABGIZ, 1937. 376 p. 1 (In Russian).

GULYAEV N.A. *Teoria literatury* [Theory of Literature]. M.: Vys. sh., 1985. 272 p. (In Russian).

DNEPROV V.D. *Literatura i нравstvennyj opyt cheloveka*. [Literature and the moral experience of man] Leningrad: Sovetskij pisatel, 1970. 423 p. 1 (In Russian).

KAZHAROV V.X. *Adygsкая votchina* [Adygean patrimony]. Nalchik, 1993. 135 c. (In Russian).

Mify narodov mira: Enciklopediya v 2 tomah [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. Vol. I; M., 1988. Vol. 2. 671 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

Yu.M. Tkhagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 01.06.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-119-127

МИФО-ФОЛЬКОРНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ю. ЧУЯКО «СКАЗАНИЕ О ЖЕЛЕЗНОМ ВОЛКЕ»

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей прозы западно-черкесского прозаика Юнуса Чуюко на примере его романа «Сказание о Железном Волке». Центральным персонажем становится образ кузнеца, основанный на мифологическом прототипе. Он подразумевает архетипическую матрицу бога-кузнеца Тлепша – носителя закрытого эзотерического знания и священного действия. В контексте художественного нарратива это мастер кузнечного дела, народный лекарь, родоначальник, который «выковывает» адыгский этикет, народный кодекс чести. Именно он определял вектор движения нравственного совершенства, имеющий определенные, национальные характеристики, совпадающий с универсальным гуманистическим законом. Архетипический образ Тлепша непосредственно связана с мотивом двойничества, когда кузнец с элементами фольклорных признаков выступает в паре и другим кузнецом с противоположными на первый взгляд функциями. Подобный аспект определяет актуальность и новизну художественного исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В результате исследования можно обозначить следующие выводы: в романе используется мифо-фольклорная пара – герой и трикстер. При этом литературный персонаж триктера подчинен общему композиционному принципу оборотничества, идентичному описываемому времени оборотней. В финале романа этот образ превращается в свой антипод вследствие утраты важнейшей социальной функции, низведение которой обусловлено технократией.

Архетип Кузнеца (Тлепша) в романе многогранен, сложен и противоречив, он становится центральной мифологемой метатекста. Столь же полисемичен символ раздвоенности.

Ключевые слова: мифо-фольклорные образы, герой и трикстер, мотив оборотничества, романский нарратив, символ, метатекст, технократия

Для цитирования: Хакуашева М.А. Мифо-фольклорные мотивы в романе Ю. Чуюко «Сказание о железном волке» // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 119–127. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-119-127

Original article

MYTH-FOLLOIC MOTIVES IN THE NOVEL BY Y. CHUYAKO «THE TALE OF THE IRON WOLF»

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© M.A. Hakuasheva, 2025

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic features of the prose of the Western Circassian writer Yunus Chuyako using the example of his novel «The Tale of the Iron Wolf». The central character is the image of a blacksmith, based on a mythological prototype. It implies the archetypal matrix of the god-blacksmith Tlepsh – the bearer of closed esoteric knowledge and sacred action. In the context of the artistic narrative, this is a master of blacksmithing, a folk healer, the founder who «forges» the Adyghe etiquette, the people's code of honor. It was he who determined the vector of movement of moral perfection, which has certain national characteristics, coinciding with the universal humanistic law. The archetypal image of Tlepsh is directly related to the motif of duality, when a blacksmith with elements of folklore features acts in a pair and another blacksmith with seemingly opposite functions. Such an aspect determines the relevance and novelty of the artistic research. The article uses the methods of comparative-historical, structural, artistic literary analysis. As a result of the study, the following conclusions can be made: the novel uses a mytho-folklore pair – the hero and the trickster. At the same time, the literary character of the trickster is subordinated to the general compositional principle of lycanthropy, identical to the described time of werewolves. In the finale of the novel, this image turns into its antipode due to the loss of the most important social function, the reduction of which is due to technocracy. The archetype of the Blacksmith (Tlepsh) in the novel is multifaceted, complex and contradictory, it becomes the central mythologem of the metatext. The symbol of duality is equally polysemic.

Keywords: mytho-folklore images, hero and trickster, werewolf motif, novel narrative, symbol, metatext, technocracy

For citation: Hakuasheva M.A. Myth-follic motifs in the novel by Y. Chuyako «The tale of the iron wolf». Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 119–127. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-119-127

Тесная нерасторжимая связь адыгских субэтносов с единой национальной культурой, этикетом и фольклором обуславливает такие же *общие, единые* закономерности развития адыгской литературы, которые не позволяют рассматривать каждое отдельное произведение вне общего литературного процесса.

Роман Ю. Чужако (в замечательном профессиональном переводе с адыгейского Г. Немченко), своеобразно адаптировал широкий пласт адыгской мифологии и фольклора, сформировал новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень художественного мастерства. «Новое заключается не только в структурно-содержательном аспекте, – пишет Р.Г. Мамий, – изобразительные средства, повествовательный тон и ритм намного обогатились. Глубоко реалистические и художественно основательные возможности лирической прозы, требовательно заявившие о себе в 60-е годы в творчестве Х. Ашинова, вслед за ним П. Кошубаева, Ю. Чужако и других, и давшие лироэпические, лирико-философские жанры, получили определенную трансформацию в прозе анализируемого периода» [Мамий 2001: 42–43].

Исследователь отмечает реальные предпосылки для появления романа. «Первая повесть Ю. Чужако «Чужая боль» (1978) показала, что в литературу вступает человек, умеющий в лирическом повествовании связать воедино социальное и нравственное, вчерашнее и сегодняшнее. Эта способность с новой силой проявилась и в книге повестей и рассказов «Кольцо не спадает с руки, или История одной любви» (1985). Она замечается и в романах «Красный дом», «Сказание о Железном Волке». Всех их объединяет, с одной стороны, осмысленный историзм, последовательный поиск духовных, психологических истоков национального самосознания современного адыга, а с другой, – эмоционально-взволнованное авторское повествование» [156: 48–49].

Тесная связь между фольклорной и литературной традицией – одна из наиболее отчетливых значительных тенденций современной адыгской литературы.

Одним их центральных образов нового романа становится образ кузнеца Тлепша, основанный на мифологическом прототипе. На первом этапе это – бог кузнечного дела, народный лекарь (социальная роль, предполагающая совмещение этих двух профессиональных функций у адыгских кузнецов), на втором – родоначальник, который «ковал» адыгский этикет, народный кодекс чести. Именно он определяет вектор движения нравственного совершенства, имеющий определенные, национальные характеристики и одновременно совпадающий с универсальным гуманистическим законом. В какой-то момент семантика образа кузнеца Тлепша еще больше расширяется.

В экспозиции романа «Сказание о Железном Волке» встречаются два легендарных кузнеца – Челестэнов и Мазлоков, которые с давних времен «были мастерами непревзойденными – трудно было кому-нибудь из них отдать предпочтение... и они сами знали об этом, и так верили друг другу, что, когда приезжали заказчики, Мазлоков, бывало, надевал на себя кольчугу, сработанную Челестеновым, а Челестенов напяливал на себя стальную рубаху, выкованную Мазлоковым, и оба они, улыбаясь, стояли под дулами мушкетов, направленными в их сердца... Однажды приехали два крымских хана, заказавших себе две кольчуги. Один из ханов спросил, правда ли, что каждый из кузнецов доверяет другому как себе самому, что они не делят работы и готовы жизнью ответить за честь другого? Мастера только улыбнулись, обмениваясь кольчугами... Но вот прозвучали два выстрела, и один кузнец только покачнулся, а другой упал как подкошенный... Челестэн упал! Пуля одного из приехавших ханов пробила кольчугу, сваренную Мазлоковым». С тех пор «вот уже два столетия пуля крымчака, убившего Челестэна, поколение за поколение ранит Мазлоковых!..» [Чуюко 1993: 33]. Челестэна похоронили по обычаям предков, в кургане, а Мазлокова, по настоянию крымских ханов, захотели похоронить в ногах Челестэна, как предателя. Легенда о двух великих кузнецах, как искаженная версия потерянной реальности, появляется в завязке сюжета. Скептический взгляд автора на современную интерпретацию истории, то есть на «историческое бессознательное», оказывается взглядом в духе деконструктивизма – настоящим «историческим воображаемым». Молодой студент-историк Сэт Мазлоков вместе со своим преподавателем Вильямом Олениным решаются на археологические раскопки кургана XVII века, – вся кампания выглядит как обычная научная экспедиция. Приступая к работе, они не знают, найдут ли они останки двоих «полумифических кузнецов» [Чуюко 1993: 39]. С одной стороны, экспедиция преследует научный интерес, с другой, – восстановление исторической справедливости для реабилитации чести невинно пострадавшего рода Мазлоковых. Но в процессе развития сюжета мотив раскопок приобретает полифоническое звучание. Поиски Сэта и его учителя превращаются в поиски и возвращение родовых корней, в первую очередь, нравственных, – почти утраченных и забытых ныне. Не случайно Оленин называет настоящим кладом «Адыгэ хабзэ», в котором, по его мнению, заключается «великое нравственное богатство» [Чуюко 1993: 284]. Раскопки проходят накануне реальной угрозы затопления аула искусственным водохранилищем. В этом контексте Сэт и Оленин спасают старые захоронения от затопления, то есть на символическом уровне прочтения – культурное прошлое от варварского нашествия настоящего, от угрозы полного забвения. Нелегкие результаты деятельности юноши и профессора Оленина влияют и на саму действительность, постепенно разворачивая ее противоположной стороной по отношению к главным героям и читателю. Впрочем, именно такая метаморфоза ожидаема в пределах композиции романа: ведь его действие протекает в век «оборотней»: «Время оборотней, – задумчиво сказал Сэт, – ... Гнусное время!» [Чуюко 1993: 350].

«Эпический образ народа-труженика у Ю. Чуюко строится не только с помощью широкого разворота истории рода Мазлоковых и этики народного сознания,

осветившего легенду о двух кузнецах, – пишет Ф.А. Аутлева. – Тема раздвигается органичным введением в повествование легенд о кузнеце Урусбие Юсуфокове... Автор с помощью Хаджекыза создает новое эпическое сказание о реальном кузнеце Урусбие, прозванном Тлепшем... Таким образом, легенда о кузнецах превращается в историю адыгейского рода вообще» [Аутлева 2004: 112–113]. Тема кузнечества подразумевает архетипическую матрицу бога-кузнеца Тлепша, которая непосредственно связана с мотивом двойничества, когда вместо одного кузнеца с элементами фольклорных признаков в художественный нарратив оказываются включенными *два легендарных кузнеца* – Челестэн и Мазлок. Так же, как герои в пространстве магического времени романа Н. Куека «Вино мертвых», два кузнеца становятся вневременными персонажами, их судьбы повторяются в разных временах. На протяжении обозримого романного хроноса феноменальная основа двух кузнецов многократно воспроизводится в разных парах:

1. Легендарные Челестэн и Мазлок, закопанные в кургане;
2. Осман Челестен и дедушка Хаджекыз Мазлок;
3. Урусбий Юсуфок и Даут Юсуфок;
4. Суанда Челестен и Сэт Мазлоков;
5. Ереджиб Батович (учитель истории) и Сэт Мазлоков.

Такое регулярное повторение – композиционный прием, который означает бесконечное продолжение архетипа кузнецов в пространстве и времени.

От первого лица (Сэта Мазлокова) автор вводит в повествование *определенного* кузнеца – Урусбия Юсуфокова: «Сколько я себя не помню, все его звали Тлепшем... Ну, Тлепш и Тлепш. Ясное дело: потому что кузнец. Но почему с таким почтением?... С какой-то даже таинственностью, которая мелькала иногда в глазах у взрослых: и у мужчин, и особенно почему-то у женщин» [Чуяко 193: 84].

Но связь с мифологическим Тлепшем – не только прямая авторская подсказка, она определяет ту особую магическую атмосферу, которая характерна для бога-кузнеца – носителя закрытого эзотерического знания и священного действия. Подобно своему божественному мифологическому двойнику, кузнец Урусбий Юсуфок «сперва очень долго вертел деталь в корявых пальцах, потом небрежно бросал в кучу всякого хлама, который был навален в углу... Молча упирался ладонью в грудь пришедшего или двумя – если их было двое, а то и руки расставлял, если приходили сразу несколько человек... И всех сразу выталкивал на улицу и очень тщательно закрывал двери изнутри» [Чуяко 1993: 85]. Автор сам проводит прямую аналогию между кузнецом-человеком и кузнецом-богом: «Недаром же бог железа и покровитель всех кузнецов Тлепш, первый из Нартов, кто взял в руки молот, кто закалил на огне самого Сосруко и выковал для него потом оружие и доспехи, никогда и никому не позволял заглядывать в свои рукава!... Когда без меры любопытные люди обманом все-таки это сделали, заглянули к нему в рукав, гордый Тлепш отбросил в сторону молот и навсегда оставил свое *таинственное ремесло* (курсив мой – М.Х.)» [Чуяко 1993: 85]. Итак, «таинственное ремесло» кузнеца приравнивается к священнодействию. Последнее – удел жрецов, магов или богов.

Младший из братьев Юсуфокых, Даут, является только тенью своего откровенно полумифического брата. Читатель получает о нем довольно пространное сведения: Юсуфок-младший рано переехал в город, сделал карьеру, даже имел служебную машину, но что-то пошло не так, и Урусбий вскоре вернул младшего брата в родной аул. С тех пор запуганный, рано постаревший Даут стал объектом насмешек: каждый раз он посылал кого-нибудь из аульских мальчишек посмотреть, не приехала ли за ним служебная машина. Автор не изменяет композиционной задумке, представляя не одного, а именно пару кузнецов. Но если Урусбий – настоящий герой-кузнец, современный аналог Тлепша, с которым автор проводит подчеркнуто-рельефную параллель, то Даут – его трикстер.

Определяя образ трикстера, К. Юнг пишет: «С одной стороны, он тесно связан с тенью, с другой, с Ребенком. Его характеризует безудержная страстность, буйство и инфантилизм. Образные воплощения встречаются в плутовских историях, сказках о животных, карнавальных мистериях и шествиях, в мифах о плутовстве Гермеса. В своих отчетливых проявлениях он представляет как верное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, соответствующего Душе, которая едва поднялась над уровнем животного» [Юнг 1998: 294].

Е.М. Мелетинский считает, что проявления этого архетипа часто встречаются в новеллистической литературе Возрождения, в частности, у Боккаччо. Из наиболее образных проявлений этого архетипа в русской литературе нельзя не отметить О. Бендера – героя романов Ильфа и Петрова.

Композиционный прием в динамике развития образа Даута предсказуем, так как в своем развитии проходит традиционный путь фольклорного трикстера, то есть испытывает *превращение*, перевоплощаясь в героя. При этом литературный герой «Сказания» в отличие от фольклорных персонажей перевоплощается не столько сам по себе, сколько раскрывается неожиданной, героической стороной, что делает его в финале романа нравственно равноценным старшему брату. Злая шутка Пацана, соседа Сэта Мазлокова, который вызвал милицейскую машину своего приятеля, оборачивается трагедией, приоткрывающей завесу над страшным историческим периодом сталинских и послесталинских репрессий, которые коснулись Даута Юсуфокова. После его стремительного, в общем-то, ожидаемого близкими суицида, обнаруживается правда: Даут оказывается не рабом призраемой односельчанами городской привычки к услугам служебной машины, а жертвой постоянного страха в ожидании машины – «ворона», которая когда-то давно была ему «обещана» начальником и от которой он в свое время бежал. По иронии судьбы его настигает машина-«вороненок», причем инициатор этой роковой «шутки» Пацан со временем становится работником ФСБ. Тем самым происходит реабилитация заниженного, намеренно девальвированного образа младшего Юсуфокова, который выполнил обещание, данное своему начальнику: не сдать живым в руки представителей страшной государственной машины.

Другая пара – Челестен Осман и дедушка Сэта, Мазлоков Хаджекыз, – двое кузнецов старшего поколения. Осман через восприятие Сэта представляется «коршуном», (никому неудивительно, что у такого «высохла» жена Хан, бывшая когда-то настоящей красавицей). «С таким как Осман каждая высохнет», – думает Сэт [Чуюко 1993: 343]. Но динамика развития образа Османа тоже подчинена общему композиционному принципу *оборотничества*, идентичному описываемому времени *оборотней*: в финале романа образ превращается в свой антипод (так же, как в случае с другим героем – Даутом Юсуфовым). Он «перевоплощается» на глазах Сэта Мазлокова, когда тот узнает удивительную историю Османа, который, разочаровавшись в местной власти, пошел работать к немцам во время второй мировой, а когда ему поручили расстрелять 65 пленных детей – евреев, прибывших в машине, он вместе с женой Хан спас всех до одного, а больную девочку оставил себе. Это и была Кацу, с которой подружился мальчик Сэт, и смерть которой тяжело пережил. Осман продолжает свое «превращение», когда исполняет вместе с Хаджекызом старую песню двух кузнецов. Она объединяет их, возвращая в прошлое: «Я хочу, чтобы он запомнил нашу песню, Осман!», – говорит дедушка в присутствии внука.

Именно Осман сообщает дедушке о важных результатах раскопок в кургане: там найдены «два русских креста, а крест тогда был знаком верности!

– «Так, Осман, так», – радуется дедушка Хаджекыз: ведь историческая правда восстановлена Лениным и его внуком, а вместе с ней восстановлена честь рода Мазлоковых и его родоначальника, великого кузнеца.

– «Потом знаком верности у нас стал полумесяц...

– Так, Осман, так!

– На нашем родовом гербе их два... Они как два воина, которых нельзя победить, потому что они стали спиной друг к другу... (курсив мой – М.Х.)

– Челестэны? – негромко спросил Хаджекыз.

– И Мазлоковы, да...» [Чуяко 1995: 343].

Но Челестэн Осман и Мазлок Хаджекыз – кузнецы, не востребованные временем. Горечь от утраты важнейшей социальной функции, низведение которой обусловлено технократией, звучит в той же сцене чапша, когда старик Осман приходит проводить Сэта, пострадавшего от нападения неизвестного. Грустные рассуждения героев содержат ключевую фразу: «Есть то, что живет вечно... Сам дух ремесла» [Чуяко 1993: 331]. Он оказывается неистребимым, передаваясь от одной «пары кузнецов» к другой, от поколения к поколению.

Так образ кузнеца превращается в символ, наиболее важным свойством, которого становится креативность. Человек-кузнец, по мысли автора, – каждый, который вырастает в творца, то есть человек, в котором просыпается божественная функция творца. Не случайно автором каждый раз упорно повторяется в тексте связь между человеком-кузнецом и богом Тлепшем. Она упоминается больше десятка раз.

Собственно, именно эта функция величия народного творческого начала и есть та основа, которая заложена в народе от бога Тлепша, которая и есть сила и залог вечности каждого из народа и народа в целом. Сэт, который пытается разгадать загадку Османа, то есть пытается понять его сущность, вспоминает фразу своего деда, которая, по всей вероятности, была говорена им не однажды: «Ты думаешь, загадка кузнецов – в кургане, и ты копаешь курган. А эта загадка высоко над ним... Или от него далеко. А, может, загадка кургана – в старом Османе?.. Как ты меня будешь копать, ыйт?.. А придумаешь, как копать, станешь это делать – ничего не найдешь. Потому что загадка старого Османа – в других людях, которые далеко, а все загадки, все тайны вместе высоко над нами. Почему не хочешь этого знать?» [Чуяко 1993: 135]. Частица бога-кузнеца, то есть творца, – в Османе, в нем самом, дедушке Хаджекызе, в людях, с которыми они связаны и не связаны, – в каждом из народа, она и есть – ее основа, зерно и суть, как ее можно «откопать» буквально? – будто спрашивает автор. Это и есть тот истинный клад, который и имеет в виду дедушка Хаджекыз, который никогда не удастся «откопать» ни одному археологу. «Кузнец» романного Хроноса – не прошлого, а настоящего, – это дедушка Хаджекыз и Осман, – это и сам Сэт, только уже трансформированный, и его возлюбленная девушка, Суанда, с которой они остаются вместе. В финале читатель встречается с ними как с семейной парой, снова составившей пару Челестэн и Мазлок, как когда-то их давно ушедшие предки-кузнецы. Только они уже – «кузнецы» нового времени.

Так же, как в романе Куека «Вино мертвых», каждый из представителей последующего поколения героев ведет свою родословную с Нартов: в романе «Вино мертвых» – от Сатаней и Хата, (который воплощает в себе их характерные черты), в «Сказании» – от Тлепша. Кузнецов гораздо больше, чем кажется на первый взгляд: ведь большинство из них – непроявленные, – в силу сложившихся обстоятельств, или по какой-то другой причине. Не случайно автор дает имя Урусбий коротышке-землепашцу, который стоит рядом с отцом Сэта, который «прямо-таки высох за лето», он – тезка Урусбий Юсуфокова, наследственного, «проявленного» кузнеца. В имени – подсказка, даже не столько социальной функции, сколько определенной экзистенции, определяющей призвание «кузнеца» в самом широком смысле. И он, и Бирам, отец мальчика, все, кто имеет отношение к творческому началу, строительству жизни в разных проявлениях, те – кузнецы, потомки бога Тлепша. При этом с каждым последующим поколением литературных персонажей, утрачивается тот самый первородный миф о Золотом веке, который постепенно исчерпывает себя, соответственно, проявляясь демифологизацией и дегероизацией авторского текста, поэтому нарастает «энтропия повествования», Такая тенденция в построении

сюжета характерна для романа Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке». Вместе с тем, героика при внимательном прочтении не пропадает, – она лишь испытывает инверсию, «отлетая» порой достаточно далеко от первоначальной социальной функции народного умельца. Так, по выражению Османа, «дух ремесла» для Хаджекыза вошел в слова, в «то, что он умеет как джегуако», Сэт, еще более отдаленный потомок знаменитого кузнеца, – тоже не «прямой» кузнец, а «кузнец» в археологии и истории. Его жена – Суанда, так и осталась непосредственным «кузнецом», сохранив традиционную функцию кузнецов – врачевание, – ведь она – медсестра. В принципе, неважно кем становится тот или иной герой-«кузнец», важно, что в нем продолжает жить и реконструировать этот самый дух великих кузнецов. Так, давно утраченный союз сотрудничества и дружбы двух кузнецов воспроизводится с каждым новым поколением. Такой эффект достигается за счет трансформации мифологического образа в литературный архетип, стабильный и вместе с тем подвижный, так как при одной и той же онтологической сущности он оказывается каждый раз наполнен символами нового времени.

Архетип Кузнеца (Тлепша) в романе многогранен, сложен и противоречив. Приведенная выше фраза Османа о том, что два воина непобедимы, если становятся в бою спиной друг к другу, становится центральной мифологемой мета-текста. Ведь два кузнеца-родоначальника Челестэн и Мазлок, работая всю жизнь вместе, в результате злой молвы оказались одновременно разъединенными в ложной исторической памяти. Более того, повернулись друг к другу спинами их потомки, выполняя тем самым изначально заявленный в тексте парадоксальный способ выживания в условиях реальной жизни, которая приравнивается к бою. Мотив необходимой фатальной и трагической двойственности становится лейтмотивом романа, подчиняя себе его основную структуру и сюжет. Не случайно она повторяется рефреном на протяжении всего повествования. Так, в финале романа осенние листья под порывом ветра превращаются то в сизых голубей, то в черных воронов: «...Не успел я, как следует взглянуть, что там происходит, как новый порыв шевельнул листья, завертел, приподнял, кинул вверх, пустил в сторону, понес и понес. И вот уже не они, а стая черных воронов стала медленно набирать высоту... Подождать?.. Может, упадут вниз и снова станут темными листьями... Снова потом взвывают сизыми голубями?..

Сизый голубь и черный ворон...

Или все это мне почудилось, все – только игра воображения... Но отчего душу так щемит и щемит?..

Раздвоен (курсив автора – Ю. Ч.), говорит Сэт.

А сколько мы не договариваем! Друг другу. Брат брату. Народ народу?...» [Чуюко 1993: 374].

Архетип кузнеца-Тлепша, каждый раз обязательно представляемый парой (чаще всего в разных сочетаниях литературных персонажей нескольких поколений родов Челестэн и Мазлок), выглядит скорее как один, но «раздвоенный» кузнец. Символ раздвоенности полисемичен. С одной стороны, его можно рассматривать как художественную форму системы защиты в необходимой самообороне народа, на всех исторических этапах вынужденного сопротивляться внешней экспансии. С другой, – раздвоенность выступает как потеря необходимой цельности вследствие разъедания внутренними противоречиями и ложью (их метафорой в романе становится надуманный, но устойчивый миф о предательстве Мазлока), как растерянность и дезориентация народа в сложном, жестоком мире. *Раздвоен* в смысле недоговоренности, – по смыслу близок и к «двуличному».

При этом автор никогда не подчиняется одной идее или умозрительной установке, – динамика текста разворачивается скорее в промежутке двух противоположных идей, в данном случае, между раздвоенностью и одиночеством: «Неужели каждый из нас в самом деле, всегда один? Неужели это наш удел – *одиночество*?.. И даже

двое нас лишь тогда, когда мы бываем *раздвоены*... (курсив автора – Ю. Ч.)» [Чуяко 1993: 350]. Мотив одиночества, являясь скорее фоновым, усиливается параллельно развитию образа одинокого всадника, который звучит неявно, периодически «мерцает» в тексте. Одинокими всадниками являются все кровные и духовные потомки двух легендарных кузнецов, все кузнецы в самых разных проявлениях. Этот образ, постепенно обобщаясь, превращается в символ, который подводит к его глубинному пониманию: «одиноким всадник» – весь адыгский народ.

Тему раздвоенности несет и символ дуба, представленный в романе. Вид дерева тоже выбран неслучайно, так как дуб испокон веков является священным деревом адыгов. Символично, что старый Хаджекыз называет его Черкесом, вкладывая в образ дерева свое представление об идеальной сущности настоящего адыга, которая, согласно авторской логике развития образа, постепенно утрачивается (дубы постепенно вырубаются по разным причинам). Поэтому портрет дуба можно назвать иносказательным портретом черкеса, несущего утрачиваемые черты адыгского идеала. «Посмотри на этот дуб, Уильям!.. Мог ли он вырасти в таком густом лесу, где деревья толпятся, толкаются, держат один одного и мешают друг другу... Нет, не мог! Только тут, на воле, где никто не мешает, где весь ветер – твой, и все солнце – твое, и дождик, который посылает с неба Аллах, достается только тебе... Ему не надо тянуться вверх, чтобы быть выше других – ему и так все достанется. Но он должен быть крепким, он должен глубоко пустить корни, чтобы никакая буря его не свалила... Это русские стали называть такие дубы черкесами, Уильям. Казаки так стали называть... Потому что они лучше всех остальных знали: *кто такой настоящий черкес* (курсив автора – Ю. Ч.)» [Чуяко 1993: 187]. Особое значение символов в романе «Сказание о Железном Волке» подчеркивалось адыгейскими исследователями, в частности Р.Г. Мамий: «В романе Ю. Чуяко... присутствуют символы. И не только железного волка. В многослойной композиции автор через столетие смыкает трагические страницы истории адыгов – 60-е годы XIX и 70-е годы XX веков... В романе при этом постоянно присутствует нравственность – высокая, вековая, исходящая от деда Хаджекыза. Но можно ли остановить всепоглощающего железного волка нравственностью? Вопрос... остается открытым» [Мамий 2001: 48–49].

Старый дуб в тексте называют Исламий или «Два брата». «Какой он все-таки большой, этот дуб!.. Или два дуба, которые постепенно срослись – так говорит легенда. Верно, пожалуй, говорит – они так и остались: и вместе, и вроде порознь. И давно друг с другом сплелись – и до сих пор один от другого отталкивается. Это дерево называют еще «Два брата». Неужели, в самом деле, и братья так живут: и совсем рядом, и – порознь?» [Чуяко 1993: 191]. Характеристика, отнесенная к дубу, становится ключом к одной из центральных мифологем романа, которая «работает» на всех уровнях, постепенно расширяясь: одновременная соединенность и разобщенность двух Кузнецов, и потомков этих кузнецов, и двух близких представителей из народа, возможно, шире – двух близких народов и т.д. Символично объяснение его красоты и мощи: дуб огромен и величественен, так как вырос на воле. Разработка мифологемы *мирового древа*, как символа адыгов, трагична: таких дубов было много до войны, они росли в основном рядом со школой, но почти все пришлось срубить и пустить на дрова, чтобы «согреть ребятишек». Последний дуб тоже умирает, так как его постепенно лишают соков, сделав вокруг коры дерева надрез в виде обруча: «опилили вокруг и бросили». Образ дуба, который ассоциируется со вспаханным полем, житницей жизни, представлен Бароном: «Слегка согнувшись, он пошел к толстому корявому стволу, остановился, взглядываясь, – как тогда, в детстве... А ведь, и в самом деле, как вспахано!.. Такие борозды на стволе, – можно сеять... Но что там ниже поперек ствола?.. Исламий наш как будто перепоянсан рыжей старой бечевкой – точно такой же, какие мы воровали на качели...» [Чуяко 1993: 193]. Герой потрясен, образ его действий напоминает

поведение бойца, который на поле боя пытается зажать кровоточащую рану смертельно раненного друга: «Барон там еще потряс пятерней и медленно пошел потом вокруг дуба. Появился с другой стороны, пальцами правой держась за бок дерева, стал и отвел было руку, сжал в кулак, будто хотел по нему ударить, а потом вдруг повернулся к дубу, бросил на него обе ладони, ткнулся в них лицом, но тут же отшатнулся и, угнув голову, пошел к бричке... Ехали мы как с похорон...» [Чуюко 1993: 194]. Не случайно, на наш взгляд, в тексте один из умирающих дубов назван с заглавной буквы, – «Искореженный» становится именем собственным. И этот дуб выглядит как павший воин: «Долго мы смотрели издали еще на один дуб Искореженный, он уже лежал на земле, и две его очищенных от мелких сучьев большие ветви торчали, как два обрубка – две культы...» [Чуюко 1993: 194]. Образ дуба можно рассматривать архетипом Древа Мирового, представленного в одной из литературных художественных трактовок адыгейского писателя.

«Главная тема творчества Ю. Чуюко – Древо жизни человека, – пишет Ф.А. Аутлева. – Этот метафорический образ последовательно реализуется во всех произведениях писателя, нам думается, в таком осмыслении: корни – Древа – в памяти поколений, ветви – по возрастающему движению вверх: семья – род – национальность – народ в целом. Вершина – небо, высота духа, горный космос высокого сознания» [Аутлева 2003: 113].

Список источников и литературы

Аутлева 2003 – *Аутлева Ф.А.* Взаимосвязь фольклорно-эпического и литературного сознания в художественном осмыслении нравственно-философских проблем современного адыгейского романа. Майкоп, 2003. 163 с.

Мамий 2001 – *Мамий Р.Г.* Вровень с веком. Майкоп, 2001. 339 с.

Чуюко 1993 – *Чуюко Ю.Г.* Сказание о Железном Волке. Майкоп, 1993. 384 с.

Юнг 1998 – *Юнг К.Г.* Избранное. Минск, 1998. 443 с.

References

AUTLEVA F.A. Vzaivosviyaz folklorno-epicheskogo i literaturnogo soznania v hudozhestvennom osmyslenii нравstvenno-filosofskih problem sovremennogo adigeiskogo romana. [Interrelation of folklore-epic and literary consciousness in artistic comprehension of moral and philosophical problems of the modern Adyghe nove]l. Maykop, 2003. 163 p. (In Russian)

MAMIY R.G. Vrovenj s vekom. [Level with the century]. Maykop, 2001. 339 p. (In Russian)

CHUYAKO Yu.G. Skazanie o zheleznom volke. [The Tale of the Iron Wolf]. Maykop, 1993. 384 p. (In Russian)

JUNG K.G. Izbrannoe. [Selected]. Minsk, 1998. 443 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.06.2025

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.06.2025

УДК 93/99(093.2.64)+94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-128-139

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНТРЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ ПОСЛЕ ПОХОДА ШАМИЛЯ В КАБАРДУ

Зулейха Жамботовна Глашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© З.Ж. Глашева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются административно-территориальные изменения в Центре Кавказской линии и их последствия на общественно-политическую ситуацию в регионе. Исследование проводится на основе ранее не опубликованных архивных документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, что определяет научную новизну. Цель исследования – введение в научный оборот новых архивных материалов, освещающих последовавшие изменения в военно-управленческом аппарате Центра Кавказской линии после похода Шамиля в Кабарду в 1846 г. Публикуемые документы свидетельствуют, что российская администрация, формируя многоуровневую систему управления на Центральном Кавказе, опиралась на традиционные институты кабардинского общества.

Ключевые слова: Кавказ, Кабарда, Нальчик, Российская империя, Центральный Кавказ, Центр Кавказской линии, Большая Кабарда, Малая Кабарда, имам Шамиль, В.С. Голицин, С.И. Хлюпин

Для цитирования: Глашева З.Ж. Административные изменения в центре Кавказской линии после похода Шамиля в Кабарду // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 128–139. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-128-139

Original article

ADMINISTRATIVE CHANGES IN THE CENTER OF THE CAUCASIAN LINE AFTER SHAMIL'S CAMPAIGN IN KABARDA

Zuleikha Zh. Glasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© Z.Zh. Glasheva, 2025

Abstract. The article examines administrative and territorial changes in the Center of the Caucasian Line and their consequences for the socio-political situation in the region. The study is based on previously unpublished archival documents from the Russian State

Military Historical Archive, which determines its scientific novelty. The aim of the study is to introduce new archival materials into scientific circulation, highlighting the changes that followed in the military-administrative apparatus of the Central Caucasus Line after Shamil's campaign in Kabarda in 1846. The published documents show that the Russian administration, in forming a multi-level system of administration in the Central Caucasus, relied on the traditional institutions of Kabardian society.

Keywords: The Caucasus, Kabarda, Nalchik, the Russian Empire, the Central Caucasus, the Center of the Caucasian line, Bolshaya Kabarda, Malaya Kabarda, Imam Shamil, V.S. Golitsin, S.I. Khlyupin

For citation: Glasheva Z.Zh. Administrative changes in the center of the Caucasian line after Shamil's campaign in Kabarda. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2025; 2 (65): 128–139. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-128-139

В течение 30–40-х гг. XIX в., несмотря на сложную военно-политическую обстановку, Российская империя постепенно укрепляла свои позиции на Центральном Кавказе, добившись значительных успехов в политическом и административном освоении региона. Одним из значимых событий этого периода, привлекающих внимание исследователей, является поход Шамиля в Кабарду в 1846 г. Интерес к данной теме прослеживается как в трудах дореволюционных исследователей Н. Горчакова [Горчаков 1879], П. Ницика [Ницик 1886], А.Н. Лаврова [Лавров 1900], так и современных М.М. Блиева, В.В. Дегоева [Блиев, Дегоев 1994], М. Кандура [Кандур 1996], М. Гаммера [Гаммер 1998], А.Д. Панеш [Панеш 2006], З.Б. Думанова [Думанов 2010], З.М. Кешевой [Кешева 2014а; Кешева 2014b], А.А. Урусова [Урусов 2014а; Урусов 2014b; Урусов 2015с; Урусов 2015d], Д.В. Овсянникова [Овсянников 2018], А.С. Мирзоева [Мирзоев 2020], Д.М. Алхасовой [Алхасова 2022а; Алхасова 2023b]. Несмотря на то, что поход Шамиля в Кабарду достаточно изучен в современном кавказоведении, назрела необходимость в комплексном исследовании обстоятельств и результатов этого события. Представленные в статье документы свидетельствуют об административных изменениях в Большой и Малой Кабарде, вызванных увеличением численности войск и строительством новых укреплений.

В период с 1831 по 1857 гг. кабардинцы были подведомственны начальнику Центра Кавказской линии. В 30-е гг. XIX в. Кавказская линия была административно разделена на четыре части: Правый фланг, Центр, Левый фланг, Черномория [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 14. Д. 83. Л. 1–2 об.]. В 1847 г. она была разделена на пять частей: Правый фланг, Центр, Левый фланг, Черноморская кордонная линия и Владикавказский военный округ. Центр включал «пространство между верховьями рек Кубани и Терека часть Терской линии до город Моздока и ту часть Военно-Грузинской дороги, которая проходит по кабардинской плоскости» [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 94. Л. 18]. К концу 40-х гг. XIX в. Россия контролировала сухопутное сообщение, существовавшее между Россией и Закавказьем, отделяя покорные народы Левого фланга, находившиеся под управлением Шамиля, от свободных народов Правого фланга. В этих условиях Центр Кавказской линии приобретал, «особенную важность в военном отношении» [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 94. Л. 18].

В 40-е гг. XIX в. Центр Кавказской линии в военно-административном отношении состоял из: а) Кисловодской, б) Внутренней кабардинской, в) Передовой кабардинской и г) Линии Военно-Грузинской дороги. В ведении начальника Центра Кавказской линии находились абазины, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, осетины-дигорцы. Административно к подведомственности Центра Кавказской линии относились приставства: Малой Кабарды, Дигорского народа, Урусбиевского, Чегемского, Хуламского, Безенгиевского и Балкарского народов, Карачаево-Абазинского народа. В Большой Кабарде было создано отдельное управление, «где внутреннее управление осуществлялось председателем Временного кабардинского суда» [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 83. Л. 94 об.]. В крепости Нальчик

находились резиденция начальника Центра Кавказской линии и Временный кабардинский суд.

В 1822 г. Левое крыло Кавказской линии было продвинуто к подножию гор. В течение года была создана Кабардинская линия, включавшая в себя укрепления: Каменный мост, Баксанское, Мечетское, Нальчикское, Чегемское, Урванское, Черекское, закрывающие выходы на равнину из горных ущелий [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 96. Л. 21 об.]. Усиление России на Центральном Кавказе связаны, по мнению А.А. Урусова, с административными и судебными преобразованиями приведшими: «во-первых, к выселению кабардинцев из района Пятигорья за р. Малка в начале 20-х гг. XIX в.; во-вторых, переселению значительной части кабардинцев, не смилившейся с новыми реалиями в 1822 г. за Кубань; в третьих, основание в центре Кабарды новых русских поселений для охраны Военно-Грузинской дороги» [Урусов 2015d: 161].

В течение 30–40 гг. XIX в. российская администрация предпринимала усилия по оптимизации административных учреждений, в ведении которых находилось управление территориями Большой и Малой Кабарды. Секретарю Временного кабардинского суда Я.М. Шарданову, было поручено разработать проект, определяющий права земельной собственности в Кабарде. В 1839 г. он представил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе два проекта изложенных в «Докладной записке» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 11–30 об.] и «Дополнительном проекте» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 40–71]. В них рассматривалось право собственности на земли в Кабарде, и землях, составлявших собственность удалившихся за Кубань кабардинцев. М.Я. Шарданов в своих проектах уделял основное внимание изучению общественного устройства кабардинцев. В примечании к «Докладной записке» он пишет «Кабардинский народ, составляющий Большую и Малую Кабарду, которого были владельцами сыновья князя Казия: Джамбулат, Мисост и Атажука Казиевы, коим сыновьям народ и земли были разделены на три фамилии, а потом дети Джамбулата князя: Бекмурза и Кайтука Джамбулатову фамилию разделили между собою, народ по равному числу, то есть на две фамилии, которые и доньше имеются – одна Бекмурзиною и другая Куйтукиною, с того времени называются уже четыре фамилии» [Материалы 1986: 276]. Большая Кабарда делилась между четырьмя княжескими фамилиями – Мисостовыми, Атажукиными, Кайтукиными и Бекмурзиными. Малая Кабарда разделилась на три княжеских владения – Ахловых, Таусултановых и Мударовых. Обращает на себя внимание утверждение Я.М. Шарданова о том, что несмотря на то, что Большая Кабарда была разделена между четырьмя фамилиями, «земля оставалась по общему прежнему разделу на три фамилии» [Материалы 1986: 276], т.е. Мисостовская, Атажукинская и Джамбулатовская. Кайтукинская и Бекмурзинская фамилии пользовались землями Джамбулатовской фамилии [Думанов 1988: 29]. Именно эта модель деления Кабарды легла в основу административных изменений 1846 г. Помимо внутри кабардинских административных границ в рамках российской административно-политической системы, как отмечает Д.Н. Прасолов, встраивание фамильной структурно-политической традиции в систему российского государственного порядка в Кабарде было характерно при избрании депутатов общекабардинских судов и в организации пастбищного землепользования [Прасолов 2022: 51–52].

В течение первой половины 40-х гг. XIX в. обстановка на Центральном Кавказе оставалась напряженной из-за постоянной опасности, исходившей как со стороны Закубанья, так и со стороны Чечни. 3 июля 1840 г. пристав Малой Кабарды Анастасьев сообщал, что «сообщник Шамиля Ахверды Магомет увлек покорных нам одиннадцать чеченских деревень, который скопищем своим имеет намерение напасть на деревни малокабардинские» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 39. Л. 75]. В донесении от 9 марта 1841 г., начальника Центра Кавказской линии

генерал-майора А.Г. Пирятинского сообщалось о подготовке Шамилем масштабного наступления, которое должно было произойти до развертывания российских войск: «Шамиль распускает слухи, что вторгнется в кумыкское владение, но я имею достоверное сведение, что он располагает напасть на надтеречные деревни или на Кабарду, или же на назрановцев и карабулак» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 36]. Из рапорта генерала от инфантерии Е.А. Головина к генерал-адъютанту А.И. Чернышеву следует: «Общее возмущение в Чечне и обыкновенная предприимчивость в прошлом году враждебных нам черкесских племен, побудили меня обратить особенное внимание на положение умов в Кабарде, как стране лежащей обоими театрами войны» [Движение 1959: 304]. В 1842 г. российское командование получило сведения о планирующемся закубанцами похода в Кабарду, но не было неизвестно о количестве нападавших и времени нападения. Российская администрация активно занималась сбором сведений о возможных попытках прорыва горцев в Центр Кавказской линии. Из предписания полковнику Айдамирову следует, что он должен был, «объявить всем кабардинцам, которые имеют хороших лошадей, князьям офицерам, считавшимся в российской службе, узденьям I-й и II-й степени, чтобы они непременно были тотчас на реке Малка между Известным бродом и Каменноостским укреплением. Скопище закубанских хищников имеет намерение, по дошедшим слухам, вторгнуться в земли кабардинские, и потому следует дать решительный отпор дерзким. Не явившиеся на призвание Ваше, кроме стыда, что уклонялись от защиты собственных границ, будут штрафованы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 138. Л. 12]. Как отмечает А.А. Урусов, кабардинцам «ставилась задача вступить в сражение в случае вторжения вооруженных отрядов закубанцев, которые к тому времени собрались недалеко от указанной территории. Причем за неисполнение этого предписания предусматривались строгие меры ответственности [Урусов 2015b: 90].

Общественно-политическая ситуация в Кабарде накануне похода Шамиля по мнению А.А. Урусова, «характеризовалась двумя взаимообусловленными факторами. С одной стороны, в 20-е гг. XIX в. Кабарда была включена в административно-политическую и судебную-правовую систему Российской империи. С другой – российским властям к этому времени не удалось в полной мере стабилизировать общественно-политическую ситуацию в регионе» [Урусов 2015d: 161].

Походу Шамиля в Кабарду в 1846 г. предшествовали успешные военные действия в Чечне и Дагестане в течение 1843–1845 гг. Несмотря на то, что Центральный Кавказ был включен в административную и судебную систему Российской империи, политическая ситуация в регионе оставалась нестабильной, несмотря на предпринимаемые меры. Как отмечает А.А. Урусов общественное сознание «большей части кабардинского населения за несколько десятилетий еще не успело полностью перестроиться» [Урусов 2015d: 162]. Поэтому агитации религиозно-освободительного характера ложились на благодатную почву, а вспыхивающие национально-освободительные движения умели поддержку у определенной части населения [Урусов 2015d: 162; Думанов 2010: 116].

Имам Шамиль, планируя поход в Кабарду, рассчитывал заручиться поддержкой местного населения и установить контроль над Военно-Грузинской дорогой, имевшей важное стратегическое значение. А.Н. Лавров отмечал, что «Шамиль задумал подчинить себе и западную часть (Кавказа), сделаться властелином на всем Кавказе от Черного моря до Каспийского на протяжении 1000 верст с 3-миллионным диким и воинственным населением, жившим в неприступных горах. Чтобы легче достигнуть своей цели, он решил сначала вторгнуться в Большую Кабарду, занимавшую среднюю часть Кавказа, поднять против нас многочисленный и давно замиренный кабардинский народ и вместе с ним двинуться к закубанским горским народам, давно поджидавшим его» [Краткое... 1900: 88–89].

17 апреля 1846 г. войска Шамиля на рассвете форсировали реку Терек в районе Татартупского минарета. Переправа находилась на границе двух административных

единиц Центра Кавказской линии и Владикавказского военного округа. Как отмечал П. Ницик «Тогда линия Владикавказского полка подчинялась территория от Владикавказа до Минарета начальнику Владикавказского военного округа, а от Минарета до Екатериноградского центрального карантина – начальнику Центра Кавказской линии» [Ницик 1886 № 56: 4].

Отряды Шамиля, не встречая сопротивления, заняли несколько аулов, принадлежавших Анзорovým. 20 апреля 1846 г. Шамиль направил письмо к старшему князю Большой Кабарды подполковнику Атажукину, в котором призывал его и других влиятельных кабардинских князей присоединиться к нему: «Я Амирал Моиминин Шамиль сим письмом изъясняю почтенным братьям Аджи Мисосову, Мусе и Атажуку и прочей знати свой салам и многие похвалы. Засим извещаю их, что я с богом определенными победоносными и им же испытанными за то вознаграждениями воинами, с большими орудиями и множеством пороку и ружей, прибыл на реку Сукум-Су для вспомоществования всем богобоязненным и единопочитающим его, как равно для истребления кяфиров и прочих им помогающих лиц переменчивых. Если вы чтите бога и его пророка и ищите награды и возмездия в этой и будущей жизни, то явитесь ко мне без малейшего отлагательства, дабы мы, соединясь воедино, составили бы совет, исполнение коего могло бы вознаградить нас в обеих жизнях, и, конечно, тогда вы известите нас также обо всем, что вы видите и знаете и укажите, что вы находите выгодным для себя. Вы думаете о будущей вечности и ведайте, что засим я не приму от вас никаких предлогов» [Движение 1959: 505–506].

Несмотря на то, что поход в Кабарду не оправдал ожиданий имама Шамиля, поскольку массовой поддержки среди местного населения он не получил, но он привел к тому, что многие из кабардинской знати (князей и уорков), разделявших его взгляды, покинули Кабарду вместе с ним [Кешева 2014а: 13; Думанов 2010: 118–119]. Шамиль находился в Кабарде с 18 по 26 апреля. После его ухода Кабарду покинул и Магомет-Мирза Анзорov, которого российские власти обвиняли в измене и объявили абреком, считая его главным организатором приглашения Шамиля. «По объявлении абреками из списка лиц можно ожидать, что они будут производить разбой и стараться распространять не повиновение» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 2]. В предупреждение недовольства среди кабардинцев ответственность возложить на «всех кабардинцев, преследование этих абреков и объявить им, что в случае пристанодержательства они подвергнутся ответственности и взысканию, определенному прокламациею генерала Ермолова» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 2 об.]. В соответствии с прокламацией генерала А.П. Ермолова, имущество лиц, признанных абреками, подлежало конфискации. Крестьяне, находившиеся в их подчинении, освобождались и получали право выбора места жительства: либо в Вольном ауле близ Нальчикской крепости, либо в любом другом месте по своему выбору. Аулы Анзорovых были переселены вглубь Кабарды. Аул Магомет-Мирзы был ликвидирован в 1847 г., и большинство его жителей перешло в аул полковника Хату Анзорovа [Кешева 2014а: 16]. Магомет-Мирза Анзорov был назначен Шамилем наибом Малой Чечни.

Главной целью похода войск Шамиля в Кабарду, по мнению А.С. Мирзоева, «было взять под контроль ее территорию и выйти на соединение с силами его наиба Магомет-Амина на Северо-Западном Кавказе. Ключевую стратегическую роль в этом плане играла территория Карачая, через которую Магомет-Амин должен был прийти на помощь Шамилю. Карачаевское общество с помощью российских военных сил не пропустило силы Магомет-Амина через свою территорию, разстроив тем самым стратегические планы Шамиля» [Мирзоев 2020: 99].

После похода Шамиля российские власти, стремясь стабилизировать ситуацию в регионе, приступили к административным преобразованиям, усилению военных укреплений и увеличению численности войск. Ответственность за реализацию этих мер была возложена М.С. Воронцовым на временно исполняющего

должность командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Заводовского, «расположить в Кабарде летучий отряд из баталиона пехоты и нескольких сотен казаков, подчинив его начальнику Центра Кавказской линии и назначить для командования командующего Горским казачьим полком подполковника князя Эристова; сверх того весьма полезно будет согласно с представлением начальника Центра генерал-майора князя Голицина, разделить Большую Кабарду для ближайшего полицейского надзора» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 3]. Учитывая сложившуюся ситуацию после прорыва войск Шамиля в Кабарду, Малая Кабарда передавалась в распоряжение Владикавказского коменданта [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 3 об.]. Считалось, что начальник Центра Кавказской линии не может иметь «бдительного надзора за Малой Кабардою и с успехом защищать ее от нападения Чечни, потому что все войска, находящиеся около этого участка края, состоят в распоряжении начальника Левого фланга Кавказской линии или Владикавказского коменданта» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 4]. Таким образом, Малая Кабарда с 1846 г. переподчинялась из Центра Кавказской линии начальнику Владикавказского округа.

Сложившаяся на Центральном Кавказе обстановка после ухода войск Шамиля из Кабарды требовала принятия решительных мер. Все мероприятия были направлены на стабилизацию обстановки в Большой и Малой Кабарде и предотвращение повторных прорывов с Северо-Восточного или с Северо-Западного Кавказа. Анализ документов, относящихся ко второй половине 40-е гг. XIX в., позволил выявить как успехи, так и поражения со стороны России, а также неудачи со стороны сопротивляющихся горцев Кавказа под предводительством имама Шамиля. Рост влияния мюридизма вынуждал российскую администрацию проявлять больше гибкости в своей административной политике. В управлении регионом использовалось сочетание традиционных институтов, основанных на адатах (обычном праве), и российских военно-административных институтов. Архивные материалы, представленные в приложении, проливают свет на административные изменения, последовавшие после похода имама Шамиля. В рамках этих изменений российская администрация, реформируя административную систему Центра Кавказской линии, делегировала контроль и возлагала ответственность за положение в Большой Кабарде на самих кабардинцев. Данная стратегия представляла собой один из принципов в системе управленческого аппарата, подведомственного начальнику Центра Кавказской линии. Именно в рамках данного отрезка Кавказской линии шел процесс поиска приемлемых форм для дальнейшего управления регионом.

Представленные документы публикуются с сохранением стилистических и археографических особенностей подлинника, как и цитаты водной статьи. Они также снабжены комментариями автора. Нечитаемые фрагменты текста обозначены в квадратных скобках.

№ 1

1846 г. Мая 6. – Выписка с предписания господина Главнокомандующего к временно командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории

Выписка с предписания господина Главнокомандующего к временно командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории от 6-го мая 1846 года № 120.

По объявлении абреками № лиц можно ожидать, что они будут производить разбой и стараться распространять не повиновение. В предупреждение сею прошу Ваше Превосходительство возложить на ответственность всех кабардинцев, преследование этих абреков и объявить им, что в случае пристанодержательства они подвергнутся ответственности и взысканию, определенному прокламациею генерала Ермолова. Если несмотря на это, для сохранения спокойствия, необходимы будут другие меры со стороны правительства, то поручаю Вам расположить в Кабарде

летучий отряд из батальона пехоты и нескольких сотен казаков, подчинив его начальнику Центра Кавказской линии и назначить для командования командующего Горским казачьим полком подполковника князя Эристова; сверх того весьма полезно будет согласно с представлением начальника Центра генерал-майора князя Голицина, разделить Большую Кабарду для ближайшего полицейского надзора на участки, которые находились бы под ответственностью известных лиц а именно:

От ст[аницы] Александровской до Нальчика надзор и ответственность за все происшествия, могущие случиться по дорогам должны лежать на одном из князей из фамилии Бек-Мурзина или Кайтукина, избранного судом и утвержденного начальником. От Нальчика до Известного брода поручить надзор и возложить ответственность на одном из князей, выбранных на том же основании из фамилий Атажукиных или Мисостовых.

Наконец усматривая из прежних дел и последних происшествий, что начальник Центра Кавказской линии не может иметь бдительного надзора за Малой Кабардою и с успехом защищать ее от нападений со стороны Чечни, потому, что все войска находятся около этого участка края состоят в распоряжении начальника Левого фланга Кавказской линии или Владикавказского коменданта; прошу Ваше Превосходительство предписать генерал-майору князю Голицину передать управление Малой Кабарды генерал-майору Нестерову, а сему последнему принять его в свое ведение.

Верно: секретарь [подпись].

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 1–3 об. Копия.

№ 2

1846 г. Мая 11. – Копия с предписания временно командующего войсками Кавказской линии и в Черномории к начальнику Центра Кавказской линии

Копия с предписания временно командующего войсками Кавказской линии и в Черномории, к начальнику Центра Кавказской линии от 11 мая 1846 года № 1058.

Господин Главнокомандующий, усматривая из прежних дел и последних происшествий, что начальник Центра Кавказской линии не может иметь бдительного надзора за Малой Кабардою и с успехом защищать ее от нападения Чечни, потому, что все войска находящиеся около этого участка края, состоят в распоряжении начальника Левого фланга Кавказской линии или Владикавказского коменданта от 6 мая за № 120 изволил предписать мне передать управление Малой Кабардой Владикавказскому коменданту. Сообщая Вашему Сиятельству эту волю господина Главнокомандующаго для исполнения, имею честь присовокупить, что вместе с сим генерал-майору Нестерову предписать немедленно принять в свое управление Малою Кабардою.

Копия с предписания, данного господином временно командующим войсками Владикавказскому коменданту от 11 мая 1846 года № 1059.

/Первый пункт в равной силе/.

Сообщая Вашему Превосходительству эту волю господина Главнокомандующаго для немедленного исполнения, имею честь присовокупить, что вместе с сим генерал-майору князю Голицину предписано передать в ваше ведение управление Малой Кабардою.

Верно: секретарь [подпись].

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 4–4 об. Копия.

№ 3

1846 г. * . Мая 13. – Копия с предписания господину временно командующего войсками Кавказской линии и в Черномории к господину начальнику Центра Кавказской линии

Копия с предписания господина временно командующего войсками Кавказской линии и в Черномории, к господину начальнику Центра Кавказской линии от 13 мая 1845 года № 1084.

По объявлении абреками лиц, поименованных в списке № 1, приложенном при предписании моем от 13 числа за № 1083, можно ожидать, что они будут производить разбой и стараться распространять неповиновение. В предупреждение сего, на основании воли господина Главнокомандующаго, изложенной в предписании ко мне от 6 мая за № 120, прошу Ваше Высокоблагородие возложить на ответственность всех кабардинцев преследование этих абреков и объявить сим, что в случае пристанодержательства, они подвергнутся ответственности и взысканию, определенному прокламациею генерала Ермолова. Если, несмотря на это для сохранения спокойствия необходимы будут другие меры, чего по последне полученным донесениям ожидать нельзя, то предлагаю Вам составить в Кабарде летучий отряд под начальством командира Горского казачьего полка подполковника князя Эристова. В составе этого отряда Вы можете употребить один из баталионов 15-й пехотной дивизии, расположенной на Военно-Грузинской дороге, и несколько сотен казаков из Волгского, Горского и Владикавказского полков, но так, чтобы чрез это не была ослаблена кордонная линия.

Сверх сего, согласно воли господина Главнокомандующаго, изложенной в том же предписании за № 120 покорно прошу Ваше Высокоблагородие, для ближайшего полицейского надзора разделить Большую Кабарду на участки, которые находились бы под ответственностью известных лиц, а именно:

От ст[аницы] Александровской до Нальчика надзор и ответственность за все происшествия, могущие случится по дорогам, должны лежать на одном из князей из фамилии Бекмурзина или Кайтукина; от Нальчика до Известного брода на одном из князей из фамилий Атажукиных или Мисосовых.

Лица сих фамилий, на коих имеет быть может возложен надзор и ответственность, должны быть избраны Кабардинским временным судом и Вами утверждены. Предлагаю Вашему Высокоблагородию сделать обо всем этом немедленное распоряжение и мне донести кто именно будет избран для надзора за участками.

Верно: секретарь [подпись].

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 5–5 об. Подлинник.

№ 4

1846 г. Мая 17. – Рапорт правителя канцелярии по управлению мирными горцами господину исполняющему должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и в Черномории

Штаб войск
Кавказской линии и Черномории
Канцелярия по управлению мирными горцами
17 мая 1846 год.
№ 1109
В Ставрополь.

Господину исполняющему должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и в Черномории.

* В деле опечатка указан 1845 год, из предписания следует, что оно давалось после похода Шамиля в Кабарду.

Правителя канцелярии.

Рапорт

По приказанию господина начальника штаба имею честь препроводить при сем к Вашему Высокоблагородию для сведения и зависящего в чем следовать будет исполнения выписку с предписания господина Главнокомандующего от 6-го мая № 120, а также и копии с исполнений по сему предмету за № 1058 и 1084.

Майор [подпись].

Секретарь [подпись].

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 675. Л. 1–1 об. Подлинник.

№ 5

**1846 г. Мая 22. – Об уничтожении Старо-чегемского поста
и о перевозе материала на новый Ново-чегемский пост**

Временно командующему войсками Кавказской линии и в Черномории, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Заводовскому.

Временно исполняющего должность начальника
Центра Кавказской линии полковника Хлюпина.

Рапорт

Старо-чегемский пост*, отстоящий от дороги из кр[епо]сти] Нальчика до укр[е]пления] Баксанского в стороне на восемь верст и занятый только девятью казаками, не приносит для кордонной службы решительно никакой пользы, почему я приказал снять с него казаков и поместить на Ново-чегемском посту о чем донося Вашему Превосходительству имею честь покорнейше просить разрешить мне совершенно уничтожить вышеозначенный пост и материалы, которые еще годны для постройки, употребить на починку Ново-чегемского поста.

Полковник Хлюпин.

№ 665

22 мая 1846 года.

Нальчик.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 693. Л. 1. Подлинник.

№ 6

**1846 г. Июня 5. – Господину временно исполняющему должность
начальника Центра Кавказской линии от господина временно командующего
войсками разрешение на уничтожение Чегемского поста**

От господина временно командующего командующего войсками.

5 июня 1846 года.

№ 1690

Ставрополь.

Господин врем[енно] исправл[яющий] должность начальника Центра.

На рапорт 13-го от 22 прошлого мая № 665, имею честь уведомить, что я решаю Вам Чегемский пост совершенно уничтожить и материалы с этого поста годные для постройки, употребить на исправление Ново-Чегемского.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 693. Л. 2. Подлинник.

* Здесь и далее подчеркнуто в деле карандашом.

Список источников и литературы

Алхасова 2022a – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30–50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 1. С. 30–47.

Алхасова 2023b – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управлений частями Кавказской линии в 30–50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 3. С. 265–281.

Блиев, Дегоев 1994 – *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.

Гаммер 1998 – *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. В. Симакова. Москва: КРОН-ПРЕСС, 1998. 510 с.

Горчаков 1879 – *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 19–37.

Движение 1959 – *Движение* горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959. 785 с.

Думанов 1988 – *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1988. 83 с.

Думанов 2010 – *Думанов З.Б.* Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты: конец XVIII – первая половина XIX века. Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2010. 185 с.

Кандур 1996 – *Кандур М.* Мюридизм. История кавказских войн (1819–1859). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 310 с.

Кешева 2014a – *Кешева З.М.* Анзоровы в контексте переселенческой политики России на Кавказе в 30–50-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2014. № 3 (22). С. 12–22.

Кешева 2014b – *Кешева З.М.* Поход Шамиля в Кабарду в 1846 г. в контексте военно-политической ситуации в Центральном Предкавказье в 30–40-е годы XIX в. // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса, (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 101–106.

Краткое... 1900 – Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича полка (1700–1900) / составил для нижних чинов А.Н. Лавров. По материалам, собранным того же полка поручиками Раковичем и Тышечким, и также самим автором. Тифлис, 1900. 157 с.

Ницик 1886 – *Ницик П.* Вторжение Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. // Терские ведомости. 1886. № 54. 6 июля. С. 3–4; № 56. 13 июля. С. 3–4; № 58. 20 июля. С. 4; № 60. 27 июля. С. 3–4.

Материалы 1986 – *Материалы* Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 320 с.

Мирзоев 2020 – *Мирзоев А.С.* Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: факты, механизмы, казусы // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 79–110.

Овсянников 2018 – *Овсянников Д.В.* К вопросу о походе имама Шамиля в Кабарду 1846 г. // Былые годы. 2018. № 49 (3). С. 1092–1100.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: ОАО Полиграфиздат Адыгея, 2006. 124 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2022. 240 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Урусов 2014a – *Урусов А.А.* Политические и социально-экономические последствия похода имама Шамиля в апреле 1846 г. // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса, (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 181–196.

Урусов 2015b – *Урусов А.А.* Общественно-политическая ситуация на Центральном Кавказе накануне кабардинского похода Шамиля в апреле 1846 г. // Клио. № 10 (106). 2015. С. 88–92.

Урусов 2015c – *Урусов А.А.* Вторжение Шамиля в Кабарду и столкновение с российскими военными отрядами 17–18 апреля 1846 г. // Социально-политическое и культурное

пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 109–125.

Урусов 2015d – Урусов А.А. Поход имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г.: причины, обстоятельства, последствия // Грамота. 2015. № 11 (61). Ч. III. С. 161–165.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

ALHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentaciya upravleniya Centra Kavkazskoj linii v 30–50-h gg. XIX v.* [Office documentation of the management of the Center of the Caucasian line in the 30–50s of the XIX century] // *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 2022. № 1. P. 30–47. (In Russian)

ALHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentaciya upravlenij chastyami Kavkazskoj linii v 30–50-h gg. XIX v.* [Office records of the departments of the Caucasian line units in the 30–50s of the XIX century] // *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 2023. № 3. P. 265–281. (In Russian)

BLIEV M.M., DEGOEV V.V. *Kavkazskaya vojna* [The Caucasian War]. M.: Roset, 1994. 592 p. (In Russian)

GAMMER M. *SHamil'. Musul'manskoe soprotivlenie carizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana* [Shamil. Muslim resistance to tsarism. The conquest of Chechnya and Dagestan]. Per. s angl. V. Simakova. Moskva: KRON-PRESS, 1998. 510 p. (In Russian)

GORCHAKOV N. *Vtorzhenie SHamilya v Kabardu v 1846 g.* [Gorchakov N. Shamil's invasion of Kabarda in 1846]. In: *Kavkazskij sbornik*. Tiflis, 1879. T. IV. P. 19–37. (In Russian)

Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX v. [Mouvement des montagnards du Caucase du Nord-est dans les années 20–50]. *Sbornik dokumentov / sost. V.G. Gadzhiev, H.H. Ramazanov*. Mahachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 1959. 785 p. (In Russian)

DUMANOV H.M. Yakub Shardanov. From the history of the study of Kabardian customary law. [Jakub Shardanov. De l'histoire de l'étude du droit coutumier des kabardins]. Nal'chik: El'brus, 1988. 83 p. (In Russian)

DUMANOV Z.B. *Politika Rossijskoj imperii v Kabarde: administrativno-pravovye, social'nye i ekonomicheskie aspekty: konec XVIII – pervaya polovina XIX veka* [The policy of the Russian Empire in Kabarda: administrative, legal, social and economic aspects: the end of the XVIII – the first half of the XIX century]. Diss... kand. ist. nauk. Majkop, 2010. 185 p. (In Russian)

KANDUR M. *Myuridizm. Istoriya kavkazskih vojn (1819–1859)* [Muridism. The History of the Caucasian Wars (1819–1859)]. Nal'chik: El'-Fa, 1996. 310 p. (In Russian)

KESHEVA Z.M. *Anzorovy v kontekste pereselencheskoj politiki Rossii na Kavkaze v 30–50-h gg. XIX v.* [Anzorovs in the context of Russia's resettlement policy in the Caucasus in the 30–50s of the XIX century]. In: *Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2014. № 3 (22). P. 12–22. (In Russian)

KESHEVA Z.M. *Pohod Shamilya v Kabardu v 1846 g. v kontekste voenno-politicheskoj situacii v Central'nom Predkavkaz'e v 30–40-e gody XIX v.* [Shamil's campaign in Kabarda in 1846 in the context of the military-political situation in the Central Caucasus in the 30–40s of the XIX century]. In: *Kavkazskaya vojna: Aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa, (k 150-letiyu okonchaniya)*. Nal'chik: Izdatel'skij otдел KBIGI RAN, 2014. P. 101–106. (In Russian)

Kratkoe opisanie boevoj zhizni i deyatelnosti 77-go pekhotnogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo knyazyia Alekseya Aleksandrovicha polka (1700–1900) [A brief description of the military life and activities of the 77th Infantry regiment of His Imperial Highness Grand Duke Alexei Alexandrovich (1700–1900) / compiled for the lower ranks by A.N. Lavrov. Based on materials collected by the same regiment by lieutenants Rakovich and Tyshetsky, and also by the author himself]. Tiflis, 1900. 157 p. (In Russian)

NICIK P. *Vtorzhenie Shamilya v Kabardu v aprele 1846 g.* [Shamil's invasion of Kabarda in April 1846]. In: *Terskie vedomosti*. 1886. № 54. 6 iyulya. –. 3–4; № 56. 13 iyulya. P. 3–4; № 58. 20 iyulya. P. 4; № 60. 27 iyulya. P. 3–4. (In Russian)

Materialy YA.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardincev pervoj poloviny XIX veka. [Les documents de Y.M. Shardanov sur le droit coutumier des kabardins de la première moitié du XIXe siècle] / Sost. H.M. Dumanov. Nal'chik: El'brus, 1986. 320 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Transformaciya instituta krovnoj mesti u narodov Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.: fakty, mekhanizmy, kazusy* [The transformation of the institution of blood feud among the peoples of the Central Caucasus in the late XVIII – first half of the XIX century: facts, mechanisms, incidents]. In: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». 2020. № 3. P. 79–110. (In Russian)

OVSYANNIKOV D.V. *K voprosu o pohode imama Shamilya v Kabardu 1846 g.* [On the issue of Imam Shamil's campaign in Kabarda in 1846]. In: Bylye gody. 2018. № 49 (3). P. 1092–1100. (In Russian)

PANESH A.D. *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Adygs of the Northwestern Caucasus for independence (1829–1864)]. Majkop: OAO Poligrafizdat Adygeya, 2006. 124 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congress of Entrusted in the Political Culture of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik: Print Tsent, 2022. 240 p. (In Russian)

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive] (In Russian)

URUSOV A.A. *Politicheskie i social'no-ekonomicheskie posledstviya pohoda imama Shamilya v aprele 1846 g.* [Political and socio-economic consequences of Imam Shamil's campaign in April 1846]. In: Kavkazskaya vojna: Aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa, (k 150-letiyu okonchaniya). Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI RAN, 2014. P. 181–196. (In Russian)

URUSOV A.A. *Obshchestvenno-politicheskaya situaciya na Central'nom Kavkaze na kanune kabardinskogo pohoda Shamilya v aprele 1846 g.* [The socio-political situation in the Central Caucasus on the eve of Shamil's Kabardian campaign in April 1846]. In: Klio. № 10 (106). 2015. P. 88–92. (In Russian)

URUSOV A.A. *Urusov A.A. Vtorzhenie Shamilya v Kabardu i stolknovenie s rossijskimi voennymi otryadami 17–18 aprelya 1846 g.* [Shamil's invasion of Kabarda and clash with Russian military detachments on April 17–18, 1846.]. In: Social'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravleniya i dinamika integracionnyh processov. Sbornik nauchnyh statej po materialam regional'noj nauchnoj internet-konferencii (g. Nal'chik 19–30 oktyabrya 2015 g.). Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. P. 109–125. (In Russian)

URUSOV A.A. *Pohod imama Shamilya v Kabardu v aprele 1846 g.: prichiny, obstoyatel'stva, posledstviya* [Imam Shamil's campaign in Kabarda in April 1846: causes, circumstances, consequences]. In: Gramota. 2015. № 11 (61). CH. III. P. 161–165. (In Russian)

UCGA AS KBR – Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva KabardinoBalkarskoj Respubliki [Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

З.Ж. Глашева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

Z.Zh. Glasheva – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹ **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

² **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта✉.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹ **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

² **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:
Иван Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. **АННОТАЦИЯ** статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «**Аннотация.**» (**Abstract.**).

1.3.1.6. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «**Ключевые слова:**» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. **ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заклучение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки, список источников и литературы

В список источников и литературы включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого

автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников и литературы приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников и литературы

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кышчокъуэ 2005 – *Кышчокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyy aspekt v usloviyah mezhkul'turnykh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
11,86

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 303

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушкова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*